

1991
ВОКРУГ
СВЕТА
WWW.VOKRUGSVETA.RU

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

Юрьев день

апрель
2010

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172785700-0

9 771727 857000

Коллектив авторов
Полдень, XXI век (апрель 2010)
Серия «Альманах Бориса Стругацкого
«Полдень, XXI век»», книга 64

*Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
Полдень XXI век, апрель (64), 2010: Вокруг света; Москва; 2010
ISBN 978-5-98652-295-1*

Аннотация

В номер включены фантастические произведения: «Юрьев день» А.Гребенникова, Г.Прашкевича, «Универсальная машина» М.Позняковой, «Заговор старичья» К.Ситникова, «Гадкий Барби» О.Артамоновой, «Глюк» Е.Акуленко, «Медитация» В.Брускова, «Моя гостья из будущего» А.Собакина.

Содержание

Колонка дежурного по номеру	5
1	6
Геннадий Прашкевич, Алексей Гребенников	6
«Дарьин сад»	6
Три колонки некрологов	10
Екатерина Третья	14
Энергии, энергии, энергии	16
Светящаяся вода	19
Черный асечник	24
Дорога на Ташанту	30
Крутые приходы	33
Познякова Мария	38
Константин Ситников	50
Затянувшаяся прелюдия	50
Несостоявшееся randevu	51
Дешевый триллер	53
Ночные гости	54
Иногда они возвращаются	58
Катаклизмос	60
Ольга Артамонова	62
Васьмое снтибря	62
Первае опреля	63
Третье синтября	64
27 синтября	64
30 синтября	65
10 ктября	67
12 ктября	68
21 нобря	68
30 юня	69
23 синтября	69
9 фираля	70
13 фираля	70
20 фираля	72
3 априля	72
10 майя	73
17 мая	73
30 мая	73
31 мая	73
1 июня	74
4 августа	74
7 августа	74
7 августа (ночь)	74
9 сентября	75
15 сентября	75
29 сентября	76
4 октября	76

12 октября	77
13 октября	77
14 октября	77
Евгений Акуленко	80
Валерий Брусков	86
Андрей Собакин	88
2. Личности, Идеи, Мысли	92
Святослав Логинов	92
Антон Первушин	105
Революция снизу	106
«Умная пыль» и «квантовые точки»	107
Пролог к утопии	109
Нанооружие нанотеррористов	110
«Серая слизь»	111
Нанопорошковая Россия	112
Список использованных источников и литературы	112
3	114
Ежегодная Литературная Премия «Полдень»	114
«Интерпресскон -2010»	115
Наши авторы	117

Альманах Бориса Стругацкого

Полдень XXI век, апрель (64), 2010

Колонка дежурного по номеру

С одной стороны, конечно, жаль, что журнальчик наш на ощупь тонковат. И по весу едва ли потянет на одну, самое большее – две главы стандартного кирпича, одетого в сверкающий переплет с изображениями роботов и чудовищ. С другой стороны – в романе какого угодно объема (не важно, какого качества: хоть наилучшего) сюжет-то всего один.

А тут у нас целых семь. Повесть (про конец света, исключительно бодрит), четыре новеллы, два эссе – и в каждом тексте соблюдено Правило Следующей Страницы, т. е., а) вам не все равно, что на ней произойдет; и б) самому вам нипочем не угадать.

Сюжетный интерес создается размещением центра тяжести как можно ближе к финалу. Сама же сила этой условной тяжести зависит от скорости. Тоже условной, с точки зрения внешнего наблюдателя – даже иллюзорной, но дающей то самое переживание, за которое люди и платят книготорговцам (а те – издателям, а издатели откатывают авторам). Когда движение излагаемых событий воспринимается как ход мыслей.

Interesse рабски переводится с латыни: быть внутри. Статус, вообще-то, довольно скучный. Все мы находимся внутри чего-то всеобщего, каждый – внутри еще чего-то своего, и ум страдает от тесноты, поскольку в принципе, как известно, его объем больше совокупного объема всех вселенных. Но в т. н. жизни он обычно пригождается нам лишь для разбора чужих ошибок и оправдания своих. Поскольку все ситуации, внутри которых мы пребываем или оказываемся, возникли в результате взаимодействий, ничуть не похожих на деятельность ума. Бог – не литератор. Ему наплевать, что его не понимают.

А человек скучает, когда ничего не хочет. Но скучает вдвойне, когда хочет чего-нибудь. То есть когда страдает от пребывания отдельно, снаружи, вне этого чего-нибудь. И стремится внутрь.

Тут и возникает сюжетный интерес. Другого, собственно, и не бывает. Цель и Средство, Причина и Следствие, Вина и Возмездие, Заслуга и Награда становятся парами, танцуют котильон. В уме человека, который чего-нибудь хочет. До той секунды, пока не расхотел. Пока он не внутри.

В т. н. жизни все происходит – по гениальной формуле Вен. Ерофеева – медленно и неправильно. А в мало-мальски приличной литературе – быстро и неизбежно.

Самуил Лурье

1

Истории, Образы, Фантазии

Геннадий Прашкевич, Алексей Гребенников Юрьев день Повесть

И во дни грешников годы будут укорочены, и их посев будет запаздывать в их странах и на их пастбищах (полях), и все вещи на земле изменятся и не будут являться в свое время; дождь будет задержан, и небо удержит его. И в те времена плоды земли будут запаздывать и не будут вырастать в свое время; и плоды деревьев будут задержаны от созревания в свое время. И Луна изменит свой порядок и не будет являться в свое время.

Книга Еноха

«Дарьин сад»

Вообще-то мы хотели в Париж.

Но на выезде из Новосибирска Алексу позвонили.

– Разве аэропорт Толмачево теперь уже не западнее?

– Какая разница, если мир спятил? – Алекс развернул машину.

Может, и нет разницы. Дождь над Сибирью моросил все лето. Правда, он и всю весну моросил. Низкие облака, плоское небо, сводку новостей подбирают дебилы. Сегодня активно обсуждалась ситуация в небе – поменяла Луна орбиту или нет? Удачливые наблюдатели из Австралии и Южной Америки не дремали: клялись, что визуально Луна выглядит несколько меньше, чем раньше. Серьезные ученые, впрочем, помалкивали, а у сумчатых и наследников апартеида свои взгляды на мир. Сообщалось, что приливы и отливы меняют налаженный тысячелетний ритм, приливные энергостанции одна за другой выходят из строя, магнитное поле Земли прыгает, суда сбиваются с курса. В «Российской газете» появилась заметка о дельфинах, якобы пытавшихся что-то сообщить людям. Короткая заметка, без комментариев. Зато «Комсомольская правда» разразилась длинной чудесной басней об Атлантиде, посланцами которой выступают вышеназванные дельфины. В Новосибирске любители-астрономы устроили пожар в Академгородке, выжидая на площадке перед университетом долгожданного появления Луны. В Чебоксарах госпитализировали подростков, устроивших ночную рыбалку на Волге. «Так и не дождались появления небесного тела». Искитимские дрозды, по сообщениям орнитологов, зимовали не в Индии, а в дельте Нила. Там же оказались заблудившиеся гуси из Беломорья. Одна за другой наваливались на материки новые модификации свиного и птичьего гриппа, Сахалин и Камчатку трясли землетрясения, Венеция, как всегда (только еще быстрее), уходила под воду, ураганы крушили поселки Австрии и Словакии. (Полный список катастроф см. в открытой печати.) А в конце апреля в США полностью отменили паспортную систему. В мае примеру американцев последовала Европа. На улицах городов появились поблескивающие никелем автоматы-ксероксы. «Вы в шоке от перемен? Жизнь кажется вам пресной? Жить без документов, удостоверяющих ваш пол, личность и знания, не можете? Запускайте программу!

Автомат в считанные минуты выдаст вам любой документ. Примечание: осуществите мечту, станьте самым собой, но помните – любые полученные вами документы нигде и никогда вам больше не пригодятся». Кстати, в Ленинском районе Новосибирска объявилась столетняя (так она сама утверждала) бабка, обещающая каждому нагадать такое будущее, какого он лично заслуживает.

Очереди к бабке не наблюдалось.

Облака, облака, облака. Серые, низкие.

На подъезде к плотине Новосибирской ГЭС вырубались придорожные фонари. Стало темнее, пошел дождь. На этот раз уверенный. Отправиться в Париж еще месяц назад предложил Алекс, но он же теперь разрушил идею, повернув на юг. А в Париже точно есть уголки, где забываешь о непогоде. Нам требовалось уединение. Мы собирались написать веселую книжку о полярных богах, которые по-братски делят своих олешков с соседями и занимаются любовью даже при двухстах градусах по Кельвину!

Нужны еще поводы для веселья?

Албанцы ссорятся с ЮАР (к счастью, не из-за Косово). Гаагский суд распущен, судей выдали странам, больше других пострадавшим от правосудия. Красная рыба, закольцованная американскими ихтиологами, идет нереститься на Курильские острова (видимо, российские условия кажутся им комфортнее). Правда, в Греции и Калифорнии горят леса, в дельте Меконга выпал снег, на Кубани тучные урожаи привели к столь резкому увеличению численности грызунов, что пришлось составами ввозить на Кубань веселых неприхотливых сибирских лис. Даже добродушные мальгаши ни с того ни с сего прогнали с президентского поста своего похожего на лемура лидера. А в селе Покровка мы с Алексом увидели тучного (как кубанский урожай) батюшку в рясе и с бородой. Он стоял на обочине, его обдавало мокрой дорожной пылью, злыми синими губами батюшка кастовал какое-то затейливое проклятие.

Увидев это, Алекс наконец сообщил причину резкого разворота.

Попросил Алекса поменять маршрут его старый приятель майор Мухин, следовательно. Жила в вещдоках майора снайперская винтовка – опытная, со стажем, с хорошей оптикой, но уже приговоренная комиссией к списанию. Чудесно пахла ружейным маслом, благородной гарью, в специальном чехольчике лежал кусочек замши, все как у людей. Готовясь к списанию, неделю назад, объяснил Алекс, майор Мухин, косоротый, кривой, веселый, пригласил близких друзей на старый танковый полигон – отдать винтовке последние почести. Пили самогон домашнего изготовления, стреляли по пластиковым бутылкам с водой, развешанным в листе огромного тополя. Лазал на дерево юркий лейтенантик с какой-то двойной фамилией – Смирнов, а может, Суконин, то есть Смирнов-Суконин. С ветки на ветку прыгал, как белка, разносил слухи, травил старые анекдоты и давал добрые советы, странно, что Алекс промахнулся, а майор вообще не попал в парня. Понятно, бывший полигон выглядел сиротливо. Когда-то по нему гоняли танки, теперь мощные колеи заросли травой, в них стояла мутная, желтоватая от цветочной пыльцы вода. «Вольво» Алекса и «калдина» майора стояли метрах в двадцати от мангала, сквозь непрекращающуюся морось несло дымком, прохожих на полигоне в принципе не предполагалось. Тем не менее на другой день тугой на голову майор не обнаружил винтовки, запертой в багажнике. Вот жила себе в вещдоках – и вдруг ушла в другое место.

– Она же списанная.

– Но висит пока на майоре.

– Он взял ее без разрешения?

– Улавливаешь, – одобрил мою прозорливость Алекс. – И не дай бог, где-нибудь выстрелит.

– А ушла с чьей помощью?

– Вот это майор и выясняет. Пять часов на полигоне, двадцать минут – во дворе Управления, потом еще два часа возле мухинского дома, при этом в машине неотлучно находился водила, багажник на замке, а вот надо же – исчезла винтовка. Водила стопроцентно ни при чем, а Смирнов-Суконин и булку не украдет.

Алекс пустил одну из своих замечательных многообещающих улыбок и предупредил следующий вопрос. Нет, нет, ему самому такое мощное оружие тоже ни к чему. А майор начальству о происшествии пока не сообщил, ждет, когда включится на винтовке им же до того временно выключенный радиомаячок.

– И маячок включился?

– Включился, – Алекс кивнул. – И движется в сторону Алтая.

– Если известно, куда и с какой скоростью движется, почему винтовку не перехватят?

– Да она хитро движется. Сперва отлеживалась в Новосибирске, теперь выбралась на федеральную трассу М 52. На какое-то время задержалась в Усть-Семе, может, перевозчик раздумывал, не перебраться ли ему через Катунь. Нет, не стал перебираться, поехал через Чепош – там снова задержка. Затем двинулся в сторону Унзенья. И через Элекмонар – на Чемал.

– Мы что? Будем ее искать?

– Да нет. Как бы понаблюдаем.

Так мы попали в «Дарьин сад».

Анар, хозяин гостиницы, понял нас с полуслова.

Собирались в Париж, даже выехали в аэропорт, а оказались на Чемале? Ясный пень, судьба. Где еще по-настоящему отдохнуть? До самой Ташанты, до монгольской границы не найдете такого места, чтобы и тихо, и река, и все удобства. Только в «Дарьином саду». Ну а дождь моросит, так его и в Париже не меньше. На узбека Анар не походил, ну более темная кожа, глаза темные. В трехкомнатном номере хозяина царил сиреневый полумрак от нежнейшего китайского фарфора, вывезенного из Золотого треугольника. Чудесный круглый стол из черного дерева, неподъемные стулья, в узком простенке – портрет принцессы Укока. Копия того же портрета – внизу, на стене бара. Недоуменно склоненная женская головка, зачесанные назад волосы, три косы, одна спускается между голых лопаток. На плече стилизованные олешки. А Анар – в защитного цвета шортах, в сандалиях на босу ногу. Два трехэтажных коттеджа, бревенчатая банька по-черному для любителей, деревянные телеграфные столбы с матовыми фонарями над вымощенной камнями набережной. Большая часть фонарей не подключена, но это в общем никому не мешает, особенно бронзовой женщине, занимающей часть бронзовой скамьи, поставленной у парапета, под которым вода, ввинчиваясь под скалу, шипит в камнях, как в чайнике.

– Катерина Калинина, – представил Анар бронзовую женщину. – Бывшая жена. Не моя. Всесоюзного старосты.

Бывшие жены самого Анара не походили на бронзовых. Они занимали первый этаж западного коттеджа. С одной Анар говорил только по-китайски (обсуждал проблемы двух других), а с русскими наоборот – обсуждал проблемы китайки. Тут же, по набережной и по диким берегам Чемала, как туманом укрытым желтой куриной слепотой, носились выпестыши Анара – Венька, Якунька, Кланька и Чан. Вода в реке пронизана яростью зелени, кристальной беспощадной зелени – только у отмелей она желтела, становилась прозрачной, билась о складки камня, облизанные, поджатые, как губы, выплескивалась на россыпи кварцитов, таких снежных, что взгляд обжигало холодом. Выпестыши гоняли мяч, ругались на всех языках, кроме алтайского. На языке принцессы Укока Анар ругаться запрещал. Причины? Местный шаман накамлял Анару встречу с принцессой Укока. Принцесса давно умерла? Да какая разница для духа, главное – не гневить принцессу. Выпестыши, кстати, занимались исключительно восточными языками.

– А французский? Немецкий? Английский?

– Без надобности, – заверил Анар, приглашая нас в бар. – Европа расплзается. Ее скоро дождями смоем. Над нею Луны не видно. – И одобрил: – Вы правильно сделали, завернув на Чемам. Лучше болтать с моими бывшими женами, чем торговаться с лягушатниками из-за пахтета. Там у них все пропахло бензином и лекарствами, а у меня – трава, цветы. Весь край – как эдельвейс. – Он не стал пояснять приведенный образ. – У меня, – он обвел рукой круг такой широкий, что в него точно попали не только Алтай, но и часть Монголии с Казахстаном, – у меня тут людям совсем не тесно. До ледника на Алтае жилось просторно, и после ледника живется просторно, – Анар прищурился, внимательным взглядом пронзая мглу времен. – Древние римляне в домах только ночевали, греки тоже не знали, что такое настоящий дом, в Европе каждый клочок земли кровью пропитан, а у меня – вечность, тишина, история. Приехали археологи, раз кокнули, и вот вам – здравствуйте! – принцесса в ледяном саркофаге. Если ее вернут из Новосибирска на родину предков, я сам устрою торжественное, как тысячи лет назад, погребение. Приглашу Колю Чепоква, пусть напишет новый портрет принцессы. Образования у Коли никакого, а пишет посильнее французов. Таракай, так себя зовет. Дескать, нищий, бродяга. Ребенком подбросили его в лукошке к детскому дому. «Коля чепоква кумандинец помогите родился в январе». Что еще сказать о хорошем человеке?

Номера нам достались необычные. Чуть не треть каждого занимали скальные выступления, на которые, собственно, и было посажено здание. Это же Алтай, не Европа, где экономят каждую пядь. В холле, кстати, висела еще одна копия уже знакомого нам портрета ископаемой принцессы. «Такой край, – покачал головой Анар. – Шаман мне накамлат, умру на руках этой принцессы». То, что она сама умерла много столетий назад, ничего вроде не меняло.

Обо всем этом я думал ночью.

Вот два хороших человека собираются написать веселую книгу. Вот они берут ноут-буки и выезжают в аэропорт, чтобы лететь в далекий Париж, а оказываются на Чемале. А третий хороший человек Анар мечтает о принцессе (покойной), на руках которой умрет...

Река шумела за окном. От скалы несло мягким холодком, лепешки белых лишайников светились в сумерках, как пролитая сметана. Сон пришел ровный, тихий, только под самое утро – тук, тук – очнулся мобильник. Женский голос, незнакомый, невообразимо далекий, спросил: «Она уже здесь?» Не помню, что мне снилось. Но ответил я вопросом: «Винтовка?» Связь сразу прервалась. Номер не определился, это меня окончательно разбудило.

Накинув халат, вышел на деревянный балкон.

Небо на востоке розовело. Таким я его не видел с весны. Каменноугольная ночь на глазах рассеивалась, обглаживала внизу камни вода, изумрудно-черная в тени, хищно поблескивала под фонарями. Над горами громоздились облака. Они не затягивали небо, как над Новосибирском, белоснежные, медленно плыли на запад. Из открытого окна рядом (номер Алекса) сквозняком выдуло занавеску.

– Хотите добрый совет?

Я обернулся и увидел на мансарде молодого человека лет двадцати пяти. Костюмчик в плохо различимую елочку, глаза синие, такие ничем не пригасишь.

– Включите телевизор, там Буковский!

Я вернулся в номер. Оказывается, зловерные ученые из NASA давно намереваются изменить орбиту Земли, теперь это всем известно. Так комментировал последние известия известный журналюга Буковский. Ученых ребят из NASA беспокоит глобальное потепление. Нас, россиян, например, глобальное потепление тоже беспокоит, но мы ребята ушлые, мы у тех же америкашек купим дешевые кондиционеры и установим в своих уютных землянках, а вот америкашкам все нейдет – теперь намереваются изменить орбиту Земли. Сперва

довели землян до финансового кризиса, теперь решили потряхнуть покрепче. Мало им Луны. Видно, денег не хватает на бонусы мошенникам-банкирам.

Три колонки некрологов

Лучшими у Буковского получились первые три некролога.

«... удачливый характер не помешал Игорю Леонидовичу оказаться на борту европейского парома «Сантор», затонувшего той ночью в Ла Манше. Снимки водолазов показали, что судно легло на дно левым бортом и погрузилось в почти десятиметровый слой ила. Когда в борту вырезали первую дыру, с огромным пузырем воздуха выбросило на поверхность тело Игоря Леонидовича.»

«...госпожа Бабурина баллотировалась в депутаты от Лиги тихих, и даже ее помощники не ожидали, что она возглавит стихийную демонстрацию в защиту сексуальных меньшинств Калининского района. Творческий диапазон госпожи Бабуриной слишком быстро заполнил реальную нишу ее нравственного влияния, можно сказать, госпожа Бабурина действительно не знала отдыха. Отсюда ее преждевременная смерть от дизентерии – на почве общего истощения организма, надорванного нервным стрессом и тяжелой, на износ, работой.»

«...холодная логика, острый ум, деловое чутье позволили Ивану Георгиевичу почти три года продержаться в условиях почти полного политического вакуума. И даже потеряв работу, он не упал духом – красил заводские заборы, чинил сапоги, собирал листья в ботсаду на окраине Новосибирска.»

Номер «Ежедневника» с колонками некрологов вышел в воскресенье.

Утром в понедельник Буковский сидел в кабинете главного редактора.

– А вы не преувеличили достоинств Игоря Леонидовича? – голос главного звучал хриловато, наверное, от скрываемого волнения. – В конце концов, на европейском пароме Игорь Леонидович спасался от российских налоговиков. Не будем скрывать, в России Игоря Леонидовича вспоминают с неприязнью.

– Об усопших только хорошее.

– Ладно. Пусть так. Но с чего вы взяли, что творческий диапазон госпожи Бабуриной слишком быстро заполнил реальную нишу ее нравственного влияния? – голос главного понемногу накалялся. – Откуда вы почерпнули характер ее профзаболеваний? Откуда такое знание холодной логики, острого ума и делового чутья Ивана Георгиевича? Кто мог позволить столь известному человеку чинить сапоги и заниматься сбором листьев в ботсаду на окраине Новосибирска?

Левое веко главного нервно задергалось.

– Кто подписывал номер в печать?

– Я сам и подписывал.

– Как? – главный осекся.

– Как обычно. Ночное дежурство. Надеюсь, вы не собираетесь и дальше растрачивать мое время так.

– ...бездарно?

Буковский согласно кивнул.

– «Ежедневник» – серьезный орган, – главный пока справлялся с волнением. – У нас тридцать тысяч читателей. Мы удостоены двух правительственных наград и пяти профессиональных премий. Да, Буковский, признаю, с вашим приходом мы существенно подняли тираж «Ежедневника», но за счет чего? Вы написали о финансовом кризисе, тираж мгновенно подскочил, но пришлось выплачивать штрафы за неверно истолкованную информацию. Вы взяли интервью у министра энергетики, тираж опять подскочил, и опять у нас

неприятности, а телевидение отказывается с нами работать. А что это за скандальная история с докторской диссертацией господина Николаева? Да, да, мы с уважением относимся к известному бизнесмену, он зарекомендовал себя талантливым и деятельным человеком, город немалым ему обязан, его благотворительность не знает границ, возможно, он и впрямь заслуживает ученой степени, но почему археологии, Буковский? Почему археологии, а не экономики, не философии, в конце концов?

– В школе я посещал археологический кружок.

– И этого хватило, чтобы написать ученый труд?

– Каннибализм, особенно в годы кризиса, тема беспроектная, – удовлетворенно кивнул Буковский. – К тому же господин Николаев не жалеет денег, когда речь идет о будущем.

– О его собственном, о его личном будущем! – еще негромко, но уже яростно уточнил главный. – Пожалуйста, не путайте будущее господина Николаева с будущим «Ежедневника» и всей России. Да, знаю, знаю! Наш «Ежедневник» расхватывают, как модный детектив, колонки некрологов вырезают и наклеивают в памятные альбомы. Но чем вызван такой успех? Чем?

– Правильным соотношением характера избранных нами героев и их жизненными успехами, – Буковский не страдал ложной скромностью. – Я всегда стараюсь подчеркивать сильные стороны героев и затушевывать сложности. Немного косметики никому не повредит, особенно покойникам, правда? – он посмотрел на главного, но подтверждения своей правоты не дождался. – Конечно, я признаю, что Игорю Леонидовичу скорее всего на родине грозила тюрьма, но его близким важнее знать, что не погибни Игорь Леонидович на том пароме, они не сопровождали бы сейчас на кладбище вполне официальную торжественную процессию, а толпились бы в неудобной приемной генерального прокурора.

– А чем еще вы объясняете успех ваших некрологов?

– Исключительной доходчивостью поданного материала.

– Но столько некрологов сразу! Столько! Перечислите мне весь ваш мартиролог.

– Игорь Леонидович Мартянов, крупный бизнес, – хищно, как орел, кивнул Буковский. – Госпожа Бабурина, кандидат в депутаты. Иван Георгиевич Сушков, бывший депутат, лидер левых. Неистовый, скажу вам, человек во всех, кстати, проявлениях – и в сауне, и на трибуне. Госпожа Кондакова, средний бизнес. Умеренный темперамент, классический профиль, умеренная тяга к истине. Господин Дугин-Садов, второй зам главного прокурора, застрелен в Москве, он наш земляк, кому как не нам отдать погибшему последние почести? Господин Трешкин. Извините, что перечисляю не в алфавитном порядке. Чем неожиданней материал, тем он привлекательней, правда? Это азы журналистики. Братья Билялетдиновы – производство сельхозмашин. Следить за качеством, в конце концов, обязаны соответствующие органы. Дарья Ивановна Баканова – учительница средних классов, лучшая по профессии. Некий неизвестный, своего имени не помнит, подобран на улице Александра Донского. В самом деле, почему бы в «Ежедневнике», органе свободном, демократичном, не появиться некрологу, посвященному простому российскому бомжу? Ну да, последнюю ночь своей жизни он провел в морге, такие ошибки бывают, но умер все-таки в реанимации. И охранники Душко и Душко вовсе не евреи, как писали в желтом «Бизнесе», а всего лишь однофамильцы. Алкоголик Иванов, сбежавший из психушки, тоже заслуживает человеческого внимания. Даже серьезные ученые подозревают, что у асоциальных элементов наблюдаются зачатки души.

Не дождавшись одобрения, Буковский закончил:

– Хотелось, чтобы наши горожане запомнили всех. И депутатов, и бизнесменов, и маленьких людей из предместья. Я имею в виду гражданку Королькову и гражданина Чурбанова. Они сгорели не потому, что любой брошенный под ноги окурочек непременно вызывает

пожар, а потому, что из-за тесноты, из-за бедности, из-за великой их неустроенности и смирения украденный бензин они хранили прямо под кухонным столом. А покойный господин Фторов был даже литератором. То, что он сел за руль в пьяном виде, не умаляет его достижений в искусстве. И господин Дубов не всегда был вором. В пятом классе посещал изостудию «Горизонт», я сам разговаривал с его родителями, – Буковский внимательно посмотрел на главного. – При нынешней популярности «Ежедневника» сажать на мое место можно любого. Курс задан.

– Так, так. Любого. А вы чем намерены заняться?

Буковский давно ждал этой минуты. Может, много лет. Написать докторскую диссертацию по каннибализму – это легко! Высечь ученых ребят из NASA – это еще легче. Но истинный талант нуждается в росте. О смерти охранников Душко и Душко, признался Буковский, я узнал чуть ли не за час до их преждевременной смерти. А в интервью с министром энергетики допустил лишь некоторые преувеличения, в тяжелый кризисный год такое допустимо. Люди в панике, люди ищут ответов на многочисленные вопросы, я обязан помочь. К чему хитрости? Я спрашиваю людей: вас страшит будущее?

Они отвечают: страшит. Я спрашиваю: вы не понимаете антикризисных мер, чиновники говорят на языке, для вас непонятном? Они отвечают: не понимаем ни кризисных мер, ни чиновников. Я успокаиваю: тогда я вам помогу. Я объясню вам слова и дела чиновников. И слова министра, кстати, я объяснил вполне адекватно. «Резервные фонды? Забудьте! Резервных фондов хватит только на бонусы госчиновникам. Поддержка национальных банков? Забудьте. Банки ориентированы на запад. В этом плане приятно, конечно, отметить работу господина Плешкова, на западе он даже объявлен в розыск, но семь миллиардов государственной помощи он немедленно слил в сторону Китая. Пенсии? Выходные пособия? Забудьте! Разводите кроликов, выращивайте морковь. Приемлемо все, что быстро растет и быстро размножается». Так что теперь, – посмотрел Буковский на главного, – я хотел бы заняться частным расследованием.

– Каким еще расследованием?!

– Дать подсказку?

– Валяйте.

– Джон Парцер... Обри Клейстон... Курт Хеллер... Александр Валькович... Доктор Ким...

– Какой Ким? Тот, что стучит на барабанах в «Галатее»?

– Нет-нет, Ким из Кимхэ, доктор наук, физик.

– Они что, все разом умерли?

– Ну что вы, Валькович жив, – успокоил Буковский главного. – Видимо, жив и кореец. Почти жив немец Курт Хеллер. Коренной берлинец, попал в автокатастрофу. А вот Парцеру и Клейстону действительно не повезло. Слышали об информационных утечках в Церне?

– В Церне?

– Ну да, в Швейцарии.

– Даже не надейтесь! События в Церне нас не касаются!

– Не касаются? Вы сейчас говорите, как обыватель, – Буковский хищно повел орлиным клювом, простите, носом. – Речь идет о миллиардах евро, не забывайте, мы живем в кризисную эпоху. В опыты физиков в Церне вколачивают миллиарды евро. Вы вдумайтесь – миллиарды! Наше право знать, правильно ли ученые крысы распоряжаются деньгами налогоплательщиков. Вот вы лично что думаете о перечисленных мною господах?

Главный ничего о них не думал. О некоторых, похоже, даже и не слышал, что Буковского несколько не удивило. Все пятеро, объяснил он, являются крупными учеными. Доктора наук, авторы глубоких исследований, а Александр Валькович – член-корреспондент Российской академии. В Церн наезжают вахтенным способом. Работают на большом адронном коллайдере. Это ускоритель заряженных частиц на встречных пучках, построен для разгона протонов, чтобы обнаружить как предсказуемые, так и непредсказуемые продукты их соударений. То, что Церн далеко от Новосибирска, не делает проблему малозначимой. Свиной грипп тоже появился не в Коченеве, правда? Вспомните видеоролик, который уже полтора месяца крутят все ведущие мировые телеканалы.

Терпение главного лопнуло. Он даже побледнел, сжал кулаки.

– Вы про тот ролик, где непонятное крошечное устройство крутит сразу несколько авиационных турбин? Буковский! Вы что, с катушек слетели? Безымянный сайт, с которого скачали упомянутый ролик, надежен не более, чем ваши некрологи! Какое, к черту, частное расследование, какой Церн? Нам бы с вашими некрологами разобраться! В них попали живые люди, до сих пор здравствующие. Вы сгребли со стола моей секретарши первые попавшие под руку характеристики, а господин Дугин-Садов жив, и он по-прежнему зампрокурора, хочу вам заметить. Жива и уважаемая Дарья Баканова, и она действительно получила почетное звание Учителя года. Живы честные охранники Душко и Душко, и жив гос-

подин Трешкин! Вы не считаете, Буковский, – заорал главный, – что такой процент брака даже для вашего пера неоправданно высок? Человек или жив, или мертв! Убирайтесь! «На почве общего истощения организма!» – злобно выкрикнул главный. – Убирайтесь вон! С сегодняшнего дня вы в бессрочном неоплачиваемом отпуске!

Екатерина Третья

– У вас гости? – спросил я Анара.

– Пара на «тойоте», а еще один прикатил на велике.

– Вы про того, что на мансарде? Он, кажется, еще не ложился.

– Нет, я про того, который в шортах. Утверждает, что добрался до Чемала на велике.

От самого Новосибирска! Наверное, на попутных, я не стал уточнять. Но деньги у него есть. А вот у того, которого вы видели на мансарде, нет денег.

Спустился сверху Алекс, отозвал меня в сторону. Шепнул таинственно: «Она здесь». Я спросил: «Винтовка?» – «Откуда ты знаешь?» – «Мне уже задавали такой вопрос». – «Кто?» – «Какая-то женщина, ошиблась номером, – успокоил я Алекса. – Правда, номер ее телефона не определился».

Над горами поднялось солнце. Впервые за много дней плеснуло теплом.

Каменная набережная, кипящая река, желтые цветы, зеленая трава, даже телеграфные столбы изменились, просветлели, мир сразу лишился тревожности ночных телепередач. И Анар подтвердил: на Алтае всегда так. Вот недавно выскочил он в селе из машины за сигаретами, а с неба хлынуло. Солнце сияло, никаких признаков непогоды, и вдруг сразу хлынуло. До ларька не добежал, укрылся под навесом, а там мужичок в напряге – уставился в кювет, смотрит, как в черной жиже жирная рыбища бьет хвостом. Анар смотрит, и мужик смотрит. «Я почти познал дзен», – признался Анар. Но тут – цоп, цоп, цоп – подбежала конопатая бабка и выхватила рыбу из канавы.

– А сейчас едем на ГЭС, – закончил Анар. – Такого вы нигде не увидите.

Конечно, Анар и не предполагал, что везет нас на ГЭС не совсем по своей воле.

Это Алекс постарался, помнил о просьбе майора Мухина. Это по его желанию в легком тумане промелькнули серые дома. Серые не от пыли и не от недавно пролившегося дождя, а от неумолимого времени. Алекс с наслаждением узнавал окрестности. Он был здесь год назад, но все помнил. Ну, кое-где размыло берега, выпали к воде языки свежих осыпей. «Чую сердцем, винтовка здесь», – шепнул Алекс. Это не означало, конечно, что мы ее ищем. Раскачиваясь, припрыгивая, ударяя в ладоши, прошла по обочине компания низкорослых существ в футболках с элементами индийской экзотики. «Харе Кришна. Кришна рама. Рама харе. Харе Кришна.» Еще одно такое же существо, голое по пояс, подыгрывало на баяне. – «Винтовка здесь, – шепнул Алекс. – Сердцем чую. И майор считает, что она или на самой ГЭС, или в ее окрестностях». – «А где сам майор?» – «Тоже приедет».

Под крутым поворотом мы увидели деревянную избу с битой камнями крышей.

Анар перехватил мой взгляд. «Это Алтай», – блаженно протянул он. Хозяин избы торгует автозапчастями. Раньше сажал картошку, был как все, собирал мед, держал корову, борова и гусей, теперь торгует запчастями, такой у него новый бизнес. Поворот дороги над его избой очень непрост, сами видели. Не каждая машина впишется в такой поворот, особенно иномарка. В прошлом году «мазда» убила при падении борова, потом прилетел в огород «опель», покалечил корову, гуси сами ушла. «Харе рама...»

По каменистому берегу мы добрались до плотины. Слив открылся внезапно – как маленький стеклянный ледник, окутанный влажной пылью. В тридцатые годы прошлого века это чудо воздвигла на реке Чемал жена всесоюзного старосты Михаила Ивановича

Калинина – рабочих рук в Сиблаге хватало. Острую бородку и круглые очки Всесоюзного старосты помнят до сих пор, а вот про его жену все забыли.

– Кроме меня, – заметил Анар. И добавил: – На Алтае удивительные женщины.

Наверное, имел в виду принцессу Укока, на руках которой намылился умереть.

А Катерина Калинина впервые приехала на Алтай на личном поезде мужа «Октябрьская революция». Агитационные выступления, политические речи, партийные беседы с крестьянами ее никогда не привлекали, ей край нравился. «Чтобы дети наши не росли худосочными и в будущем чтобы не превращались в дурачков, мы должны им дать хорошее питание». Кто с этим спорит? Но Катерина Калинина не могла не видеть, что те же самые агитаторы отбирают зерно у крестьян до последнего зернышка, чем же кормить детей? Кстати, и сам всесоюзный староста приезжал на Чемал – в коммуны «Красный Октябрь». Жизнь коммунаров Михаилу Ивановичу понравилась. Жили в отдельных домах, но питались сообща и единственную шубу носили по очереди. Вернувшись в Москву, Михаил Иванович попытался воссоздать такую же добрую атмосферу в Кремле, но Сталин почему-то не захотел носить шинель Троцкого, да и Троцкий от такого предложения отказался.

Белые облака в голубеющем небе. Невообразимая тишина.

– Ну механики иногда подерутся, – заметил Анар. – Так это ничего. У них хороший помощник. Леха звать. Таскает масленки, следит за шкивами. Водит городских туристов в машинный зал. Примеряет на городские ножки литые калоши, на ручки – перчатки резиновые. Пугает девушек высоким напряжением. Часто добивается своего.

С плотины открылся узкий берег, а выше – страшные отвесные склоны. Серый мамонт, обросший мхом, стоял при въезде на ГЭС – с вывернутыми назад мощными бивнями, видимо, корни умельцам не удалось устроить как-то иначе. Анар помахал рукой Лехе. Никем другим появившийся на плотине парень быть не мог. Голова выбрита, замасленная майка, голые плечи в татуировках. «Давайте вниз», – весело блеснул он зубами, и мы дружно полезли по лесенке в горячее чрево Чемальской ГЭС. Механикам, оставшимся на плотине, в голову не могло прийти, что Леха по пьяни мог прятать в машинном зале исчезнувший вещдок майора Мухина. Впрочем, это и самому Лехе в голову не приходило. Влажно, сумеречно подтекала под ноги вода. Хватаясь за металлические поручни, я вспомнил о резиновых перчатках и литых калошах, которыми пугал туристов Леха. Они тут, правда, бросались в глаза – калоши у лесенки, даже на вид плотные, тяжелые, и перчатки на деревянном столике. Вращающийся шкив, серебристые барабаны, чудовищная станина, переплетение цветных проводов, облупившаяся краска панелей, сладко пахло мазутом, глаза Лехи блестели – одинокие туристки от этого должны были балдеть. «Т-2». Белый рубильник опущен. «Г-2 включен». Красная кнопка, рубильник поднят. «Опасное электрическое поле. Без средств защиты проход воспрещен». Леха смотрел на нас как бы издалека, туманно. Скалился, звал. Нет, ничего не запрещал, но за каждым следил. И мы с Алексом присматривались. Слишком влажно, чтобы хранить точную технику. Да и не Лехе ее хранить. Такому привычнее городскую пугливую девушку приобнять, ласково колоть ей щеки щетиной, показывать, что теперь она вне опасности. Не походил Леха на человека, которому слили опасное засвеченное оружие. Такая же нелепость, как Луна, сошедшая с орбиты. Проволочные решетки, генератор с выпущенными, как щупальца, черными проводами – мощное, ревущее десятилетиями чугунное чудовище. На берегу мамонт с деревянными корнями-бивнями, а в машинном зале – станина. Тусклый фикус в кадучке. Сталин строго глядит с заплывшего пылью портрета, Серго Орджоникидзе улыбается. А Михаил Иванович Калинин так и выискивал взглядом. Кого? Катерину? Тогда зачем отдал ее в руки чекистов в далеком тридцать восьмом?..

Энергии, энергии, энергии

Генерал Седов, как Юлий Цезарь, занимался сразу несколькими делами.

Во-первых, слушал дочь («Ой, папа, я нашла в твоих папках свой школьный дневник за седьмой класс»), во-вторых, следил за экраном включенного ноутбука (крутящийся куб с нужными файлами), наконец, держал в поле зрения своего соседа-велосипедиста. В шортах, в армейской рубашке, тот неумоимо нарезал круги вокруг коттеджа.

В отсутствие доктора Александра Вальковича (а это он гонял на велосипеде) опытные специалисты уже не раз тщательно осматривали велосипед, простукивали стены и полы кабинета и спальни, просматривали бумаги и книги физика, в том числе все сорок восемь томов фундаментальной немецкой «Der Physics». «Приятно держать в руках, – объяснял присутствие древних фолиантов в своем кабинете доктор Валькович, – и понимаешь, что наука не стоит на месте».

Дом запущен. Электронная почта забита спамом и письмами. «...В новостях вчера показали Луну над Фейеттвиллем, – писал из Северной Каролины астрофизик Джон Парцер. Переписка доктора Вальковича регулярно передавалась специалистами аналитикам генерала. – Такие же фотографии пришли из обсерватории Ла Платы. Луна, Александр, действительно выглядит странно. Я сам наблюдал восход луны на севере Канады, где воздух не был забит облаками, как у нас, и могу подтвердить, что Луна выглядела там самой маленькой из всех, какие я когда-либо видел. Понятно, я имею в виду чисто визуальный эффект...»

Конечно, доктор Валькович видел необычный ролик, снятый специалистами с безымянного сайта. Генерал пару раз беседовал на эту тему со своим ученым соседом. «Вы интересуетесь вечными двигателями?» Доктор Валькович аплодировал любознательности генерала. «Аналитики утверждают, что этому видеоролику можно верить?» Доктор Валькович снова аплодировал генералу. Устройство, едва ли со спичечный коробок объемом, крутит сразу пять авиационных турбин? Похвально, конечно! Чудесное изобретение. Но где человек, выложивший на сайт такое чудо? Почему он не выходит на связь с правительствами, промышленниками, банкирами?

Энергии, энергии, энергии! Нефть на исходе, уголь неэкономичен. Меняются океанские течения, приливные электростанции одна за другой выходят из строя. Во Франции при перегрузке топлива на работающем реакторе АЭС «Сант-Лаурен» по ошибке оператора в топливный канал загружена не тепловыделяющая сборка, а устройство для регулирования расхода газов. Приостановлена работа самой мощной гидроэлектростанции в мире – Итайпу, в 20 километрах к северу от города Фос-ду-Игуасу на границе Бразилии и Парагвая. Сколько энергии ни вырабатывай, ее мало. Ученый сосед поднимал на генерала задумчивые глаза. Если появилось устройство, похожее на чудо, то почему мир продолжает задыхаться в тисках энергетического кризиса? Доктор Валькович пожимал плечами. Он считал историю с неизвестным устройством глупостью. А глупость вечна, как протон. Чтобы растащить протон на кварки, пояснял он, нужна невообразимая энергия, может, равная той, что наблюдалась в первые миллионные доли секунды Большого взрыва, но чтобы побороть настоящую глупость.

Доктор Валькович расправлял узкие плечи. Ему нравились фотообои генеральского кабинета. Северную стену покрывала большая глубина давно исчезнувшего с лица Земли триасового моря. Мощная мускулистая торпеда – ихтиозавр, сгусток первобытной энергии, летящая дуга защитного цвета. Рыжие вырезки торчали из многочисленных альбомов, как листья гербария. На стеллажах серые томики «Трудов палеонтологического института», прекрасно переплетенные Бюллетени МОИП, «Палеонтологический журнал», «Палеомир». Увлечение генерала палеонтологией не нравилось его дочери. Ей, Карине, не нравились

пыльные книжные стеллажи, не нравились стеклянные витрины в гостиной. Там красовались ужасно скучные, на ее взгляд, окаменелости – спиральные раковины аммонитов, четкие колечки морских лилий, грифельные плиты с силуэтами рыб и трилобитов.

«Все мы – пепел звезд».

«И динозавры? И человек?»

Доктор Валькович аплодировал генералу.

«Окажись вы на берегу силурийского моря, что бы вы там делали?»

«На берегу моря? Я актуалист. Размышлял бы о принципе неопределенности».

«Мироздание кишит появляющимися и исчезающими вселенными, – аплодировал себе доктор Валькович. От него несло странной силой, но взгляд часто казался рассеянным. – Понимаете, это как пузыри в кипящем супе. Каждый пузырь – целая вселенная. Мироздание кипит, оно вечно в движении. Угасает звезда, начинает сжиматься, впадает в гравитационный коллапс. Звезду уже ничто не распирает изнутри, напротив, ее вещество сжимается все сильнее, пока наконец не возникает объект диаметром в пару километров, состоящий из одних нейтронов. Они вообще-то нестабильны, но в такой сжавшейся звезде распастись не могут. Наконец звезда коллапсирует, возникает черная дыра. А потом и черная дыра схлопывается в сингулярность, взрываясь в другом пространстве». «Скажите, у физиков бывают враги?»

Доктор Валькович аплодировал генералу, но отвечать не собирался. Совсем не обязательно отвечать на такие вопросы. При этом доктор Валькович замечал появившееся в последнее время на столе генерала лапласовское «Изложение системы мира» и «Физику Луны» с загадочными ссылками на какие-то веб-ресурсы. И «Элементарную астрономию» Джона Парцера. И его же «Новый взгляд на природу приливообразующих сил».

Генерал тоже знал о докторе Вальковиче много. Детство, проведенное в дацане под Улан-Удэ. Восхищение, которое он испытывал, глядя на звездное небо. Университет в Новосибирске. Практика в Фермилабе. Швейцария, Церн. Не пользуется мобильниками, обожает велосипед. Находится под постоянным контролем генерала, под его, скажем так, защитой, так же как иностранные коллеги доктора Вальковича находятся под постоянным контролем своих специальных ведомств. Правда, триасовые ихтиозавры тоже пользовались защитным цветом, а помогло им это? Где сейчас тот же Парцер, где Обри Клейстон? Американец выпал с тридцать первого этажа небоскреба на Манхэттене, англичанин утонул в бассейне. Писали, что у физика Обри Клейстона отказало сердце, но лучше бы он реже прикладывался к бутылке. В этом смысле кореец доктор Ким вел жизнь более умеренную, что, впрочем, не уберегло его от домашнего ареста, под который, по слухам, он угодил у себя в Кимхэ. Кстати, в Церне корейца помнили как человека неразговорчивого. Йэ и анийо. Да и нет. Этого ему хватало на все случаи жизни. Ну еще чаособуди. Пожалуйста. Ну иероглиф на туалете – саёнчжун (занято). Правда, в ноутбуке генерала хранился файл с гораздо более пространной беседой Кима. Файл был получен еще в апреле – с таможни аэропорта Инчон в Сеуле. Ряд ключих иероглифов, переведенных и прокомментированных специалистами.

Произносится: *чонбу ильсан сочжипум-имнида.*

Переводится: *это мои личные вещи.*

Произносится: *чингу-эге чуль сонмуль имнида.*

Переводится: *это подарок для моего друга.*

Произносится: *мончжо поадо твэмника?* Переводится: *можно посмотреть?*

И тут же ответ доктора Кима, несколько загадочный: *иготгва катхын госыро сэккари тарын гози иссумника.*

Переводится: *вообще-то у моего друга такое уже есть, но другого цвета.*

Что мог вывезти корейский физик из Церна? Этого и доктор Александр Валькович не знал. Или не хотел говорить. Особенно генералу Седову. У них, у физиков, существует

добрая традиция каждые пятнадцать миллиардов лет собираться вместе и строить большой адронный коллайдер.

Следя за нарезающим круги велосипедистом, генерал одновременно изучал экран.

«Плиз, подскажите, как замутить собственный VPN-сервер с целью последующей продажи VPN-доступа. Где искать выделенный сервак? Под какой ОС мутить? Только Google не суйте. Надоело. Хочется вживую послушать умного человека...»

И тут же: «2 июля. Эшвил (Asheville), Северная Каролина. Сегодня Луна кажется более далекой...»

«11 июля. Эшвил (Asheville), Северная Каролина. Сегодня Луна кажется еще более далекой...»

«18 июля. Конфиденциальные данные из обсерватории Аресибо (Пуэрто-Рико). Сегодня Луна вошла позже обычного. Формой (выпуклой) походит на мяч для американского футбола. Южная часть кажется несимметрично деформированной...»

«3 августа. Крым. Свидетельство пилота С-ова: Луна над облаками в таком неправильном месте, что инстинктивно пугаешься...»

Еще одну грань крутящегося в пространстве куба занимал постоянно обновляющийся перечень проблем, чрезвычайно волнующих мировое сообщество:

энергетические потери;

продолжающийся спад производства;

изменение ритма мировых приливов-отливов;

изменение формы и цвета Луны, возможно, сильные пылевые бури;

активизация дельфинов, изменение привычных путей миграции птиц и рыб;

резко учатившиеся грозы, ураганы, землетрясения, извержения вулканов;

межправительственные дискуссии о возможном закрытии границ;

растущая безработица...

«В чем преимущество? – не унимался неизвестный хакер. – Не видно, что ли? Трафик криптуется с помощью RSA-ключей со стойким алгоритмом. Не светит реальный IP, не ведет логи». Нынче каждый мальчик, усмехнулся про себя генерал, должен уметь прятаться. «Зацени, при таких условиях никто твой персональник не вычислит, даже если сервак накроют очень нехорошие дяди». Что верно, то верно. Накрыть подобный сервак проблема. Обычно им управляют через сторонний VPN-доступ + SOCKS, а он может находиться очень далеко – где-нибудь в Штатах, или в Аргентине, или в Азии, или даже у антиподов.

– Папа, ты послушай, что писали преподы в моем дневнике! – возмутилась Карина. – «Ув. родители! Ваша дочь не умеет себя контролировать. На уроке биологии брала в руки кактус и неприлично смеялась». Папа, что неприличного можно увидеть в кактусе?

– Может, что-то неприличное видели в твоем смехе?

– «На уроке приставала к учителю математики с вопросом, как правильно называется размножение человека».

Генерал знал о дочери все. Так ему казалось. Он понимал, что все знать невозможно, но существуют допуски, близкие к реальности. Он, например, много знал о дружеских отношениях Карины с генералом Черновым, правда, это были чисто дружеские отношения двух семей. Он знал о ее увлечениях, о ее спорах и разговорах. О ее звонках. Там были интересные предложения: от «сходить на футбол» до «слетать на Кипр». Она часто уезжала, но отчеты специалистов постоянно ложились на стол генерала. «Почему раненого полковника, героя России, в отечественной прессе почти не упоминают, а вот вор в законе, вдруг попавший в ЦБК, красуется во всех газетах?» Генерал знал, что Карина найдет верный ответ.

Когда Карина была в отъезде, генерал плохо спал. Вдруг ночью срабатывала охранная система, над трехметровым бетонным забором в свете прожекторов нежно, будто в инее,

вспыхивала колючка, ихтиозавр на стене ночной гостиной оживал. Следя за тенями, генерал вспоминал пустыню.

Серебристая джида над голыми песками. Выстрелы со стороны рудника.

Приказ был ясный: опоздать! Чумаый водитель бэтээра возился в перегретом моторе, иногда поднимал затравленные глаза на полковника Седова (тогда еще полковника). Труднее всего чинить исправный мотор. Странно, но трупы, найденные позже во дворе, в коридорах и в кабинетах Управления того азиатского рудника, генералу никогда не снились.

– Папа, а как теперь быть без паспорта?

Генерал Седов улыбнулся. Он знал характер дочери, раз в месяц перед ним выкладывали ее электронную переписку. «Я купила себе черное скромное платье с очень глубоким декольте, теперь сижу в кабинете и стесняюсь». Ну да, она умела стесняться. «А сегодня я девушка шестидесятых. Лодочки на невысокой шпильке, укороченные черные брючки, открывающие бледную с тонкими венками кожу щиколоток. Кофточка-тельняшка с большим вырезом, мне это идет. Бежевый плащ в духе героинь Хичкока и платок Hermes на шее». Она умела подать себя. Она дружила с недалекой Аней, не сумевшей окончить курсы программистов, и дружила с известными людьми. Книжка о жене всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина вывела Карину в мир большой журналистики.

Тук, тук! Карина вынула трубку. Громкую связь не отключила.

«Это Буковский». Отец имеет право знать, с кем она говорит, находясь дома. Журналист явно хотел произвести впечатление. «Вчера посмотрел одну штуку под «Зеркала». Не часто наши пендосы снимают такое кино. С закосом под Хичкока, мяса не так уж и много, но страшно». – «А я посмотрела одну порнушку, – в тон Буковскому ответила Карина. – С закосом под Private, но смешно. Особенно концовка в стиле миссионерской». – «Вы знаете, мне Аня посоветовала вам позвонить». – «Интересуетесь будущим?» – «Даже очень». – «Приезжайте». – «Сейчас не могу».

Это был неправильный ответ. Карина положила трубку.

– Хочу в Кимхэ, – потянулась она.

– Что ты потеряла в Южной Корее?

– Соскучилась по подруге.

Соскучилась? Генерал хорошо помнил маленькую кореянку. Имя Су. Противная девка с восторженным резким голосом, косые глазки вразлет, отвечают стилю. Год назад на Красном проспекте Карина въехала в зад тормознувшей зеленой «мазды». «Росия марыль анын сарами иссымника? – истошно завопила маленькая кореянка, выкатываясь из своей помятой машины. – Как так? Здесь кто-нибудь говорит по-русски?

– И завопила в мобильник, приседая от нетерпения: – Алло, алло! Алло, ДПС! Ой, ну же, где вы? Мне въехали! Как у вас называется? Морыгессымнида! Не совсем понимаю, – кореянка судорожно вспоминала трудные русские слова. Все же вспомнила: – В жопу! – Глаза ее округлились от восторга. Она уже как подруге, закричала Карине: – Они говорят, звони в полицию нравов!»

– Папа, что тебе привезти?

– А что можно привезти из Кореи?

– Да всё, что угодно. Ты только скажи.

– Ну если всё, тогда вези мне сразу две штуки!

– И одну мы загоним соседу! – кивнула Карина, зачарованно следя за неутомимым велосипедистом (пятьдесят шестой круг).

Светящаяся вода

– Советую отсесть от окна.

Я успел заметить стриженую голову советчика. Еще в зеркале мелькнула оранжевая майка, вскинутая рука. Впрочем, советчик тут же исчез. И загадочная принцесса Укока смотрела на нас молча, чуть приподняв голое татуированное плечо, будто отгораживалась.

Время от времени шумно налетала на «Дарьин сад» гроза. Открытую веранду захлестывало струями, река хлестала по камням. Изображение в настенном телевизоре дергалось, дикторы перемалывали одно и то же. Понятно, прежде всего – главная сенсация: отмена паспортов. Их отменили сразу во многих странах. В общем, на пользу демографии: нелегальные иммигранты наконец получили права законных граждан. В Лиссабоне и в Париже центральные площади заполнены митингующими домохозяйками. Они требовали все тех же объяснений: когда закончатся бесконечные дожди, когда люди смогут увидеть Луну, чтобы убедиться, что с нею ничего не случилось? Некоторые утверждали, что видели Луну с самолета, и она показалась им маленькой. Насколько маленькой? Ну это пусть чиновники измеряют, долой кабинет министров! Еще домохозяйки не хотели больше терпеть близость адронного коллайдера. «Искусственный конец света! Скоро черная дыра поглотит всю планету». Какая-то домохозяйка, возвращаясь из Алжира во Францию, уже видела, как черная дыра поглощает большой город. «Европейский город?» – «Ну да». – «А как вы это увидели? – «Ну как, с самолета». – «А подробнее?» Завитая электроовца, молоденькая домохозяйка воровато оглядывалась: «Ну как. Страшно, конечно. Целый город, а над ним будто тьма. Все черное, черное, чё попало! Как бы звезда, только с тонкими извилистыми лучами, как волосы». – «А размеры звезды?» – «Ну не знаю, они менялись. Размеры меняются, а самолет летит». – «Но как, как исчезал город?» – «Я же говорю, – бляля электроовца, – его будто черным туманом покрыло».

– Уйдите оттуда! – крикнул Анар.

Теперь советчик бежал по набережной. Мокрый, суетливый. Футболка под дождем теряла цвет, острый носик задран, глаза синие, чистые, такие любят показывать в патристических лентах: Иван-Царевич или невинный послушник, всегда что-то в высшей степени позитивное. Ноги у советчика казались кривыми, но это из-за облепивших ноги мокрых брюк. «Не волнуйтесь! – крикнул. – Опасность молний часто преувеличивают». А в баре сразу попросил чаю. Пирожного ему не надо, и есть он совсем не хочет, а чаю дайте. «Советую вам полистать книжку академика Верещагина, – показал он нам мелкие, как чеснок,

зубки. – У академика Верещагина описаны тысячи случаев необычного воздействия прямого удара молнии. – Младший лейтенант Смирнов-Суконин (Алекс подсказал нам его имя) слова выговаривал как-то хитро. – Академик Верещагин утверждает, что прямые удары молнии могут приносить очень неожиданные результаты. Например, один человек, мужчина, стал считать в уме очень большие цифры. Вот разбуди его ночью, – убежденно заявил Смирнов (вторую фамилию Смирнова-Суконина мы как-то упустили, да он и не настаивал на точности), – спроси у него корень из трех миллионов семидесяти трех тысяч двадцати одного, он никогда не перепутает, о каких корнях идет речь. Руки обожжены, скрючены, сам как древесный корешок, дрожит, шепчет, а в уме считает быстро. А другой человек, тоже мужчина, после прямого удара молнии бросил курить. Так его вдова рассказывала. А третий стал знать сразу шесть иностранных языков». Похоже, вешдок майора Мухина действительно добрался до Чемала, раз в «Дарьином саду» появился еще один человек, возивший винтовку на бывший танковый полигон.

– Вот чем жив человек? – Алекс сделал глоток вина и посмотрел на портрет принцессы Укока. – Да мечтой жив человек. – Исключительно мечтой! И у принцессы Укока тоже была мечта, только мы сейчас не знаем, какая. Мечтают все. Кто о машине, кто о квартире, кто о более легком способе дышать, двигаться. Банкир, например, мечтает, что кредит, взятый строителями, превратится в красивые и удобные жилища, а сами жилища будут активно и успешно продаваться, а кредиты будут возвращены вовремя. Кончилась эпоха слов, понимаете. Кризис. Системный кризис. Финансовый, энергетический, а прежде всего – доверия. У большинства правительств всего-то влияния осталось на один указ – о самороспуске. Пора объявить Юрьев день, – Алекс пустил в ход одну из своих многозначительных улыбок. – Именно так. Именно Юрьев день. Когда-то в Юрьев день любой крепостной мог поменять своего хозяина, а чем мы не крепостные, Анар? И твоя буфетчица, и твои гастарбайтеры, и ты сам – все мы крепостные. Я бы, например, хотел пожить на юге Африки, никому не давая отчета, занимаясь только тем, чем занимался бы. А у нас даже паспорта отобрали, попробуй, переберись в Африку. Нет, нет, – поднял он фужер и посмотрел вино на свет. – Я настаиваю на Юрьевом дне! Открыть все государственные границы, пусть каждый сам лично выбирает место обитания. Хватит споров. Живите там, где хотите, живите так, как хотите. Не для благоденствия какой-то там символической Австрии или Швеции, а для самих себя.

Алекс внимательно смотрел на темнеющую, быстро несущуюся воду. В пляшущих гребешках отражались вспышки электросварки. Туман тянуло все ниже. Фонари просвечивали сквозь него, как круглые луны. А в воде плясали и плясали близкие отсветы.

– Инновации! – нашел нужное слово Алекс. – Только инновации изменяют мир, – пояснил он убежденно. – Не бесплодные дискуссии о Луне, якобы сошедшей с орбиты, не отмена казенных бумажек, не устройства с подозрительных видеороликов, а инновации, именно инновации, вливающие в мировую экономику новую кровь. Как было когда-то с появлением железных дорог, с появлением автомобилей, компьютеров.

– Ты о войне? – спросил Анар.

Ответить Алекс не успел. За него ответил человек в шортах.

– А ядерные арсеналы? А отсутствие внятной идеологии? – Человек в шортах и в армейской рубашке появился в баре неожиданно. Анар поглядел на гостя с интересом, но тот уже исчез. Деревянные колонны, каменная арка, три выхода – в баре легко было появиться незаметно, но так же легко можно было исчезнуть.

Впрочем, Алекса ничто уже не могло остановить. Рынок труда и Юрьев день – вот в чем он видел выход! Мир разваливается на глазах. Реальное стимулирование экономики возможно только через рынок труда, ну еще, может, через создание новой резервной валюты. Да хоть песо, хоть экю, ответил Алекс на повисший над террасой немой вопрос. Какая разница? Главное, снять накипь хищничества, избавиться от избыточного потенциала. Может,

правда, объявить Юрьев день, открыть все границы? Пусть тысячи азиатов двинутся в Сибирь, пусть миллионы желтых преобразуют Европу, а белые осваивают африканские территории. Моментально упадет стоимость труда в реальном секторе. Это на порядок, нет, на несколько порядков эффективнее плана Гайтнера. Миллионы рук самым естественным путем, как мощная река, начнут перетекать из Китая в Россию, из России в Афганистан, в Иран, в Турцию, из Мексики в Штаты, из Аргентины в Южную Африку и так далее. Гедонистам, не желающим работать, дадут наконец под зад...

— ...и придут идейные аскеты!

— Нет, они не придут, — возразил Алекс. — Теперь уже не придут. Мы никогда больше не будем жить так, как жили до кризиса. — Он оглядел стол, куски прекрасной копченой косули, темное вино в бокалах, салат, телячьи языки, серебряные приборы, обернулся к бару, где на полках красиво переливалось цветное стекло. — В общем, я понимаю тебя, Анар. Новый стиль жизни пугает в первую голову таких, как ты. Но недовольство кучки людей не повод тормозить ход истории.

Мы услышали аплодисменты. Это снова аплодировал человек в армейской рубашке.

— Извините, я все слышал. Хотите небольшую цитату? Поскольку никто ему не ответил, он принял это за разрешение.

— Нравственное помешательство, — произнес он, — это психическая болезнь, при которой моральные представления теряют свою силу и перестают быть мотивом поведения. Доходит? При нравственном помешательстве человек становится безразличным к добру и злу, не утрачивая, однако, способности теоретического, формального между ними различия. Вы это имели в виду?

— В общем, да, — кивнул Алекс.

— Не ново, но интересно, — поаплодировал человек в армейской рубашке. — Мысль о нравственном помешательстве была высказана господином издателем Павленковым еще в одна тысяча девятьсот пятом году, но и сейчас остается верной, — знаток Павленкова, как и Анар, не спускал внимательных глаз с таинственно мерцающей реки. — А то все хотят жить, как жили дриопитеки. Спрыгнул с дерева, нажрался ягод и грибов, поймал ископаемого кролика. Но с набитым животом по веткам не попрыгаешь. Дриопитек-гедонист, как вы правильно выразились, — поаплодировал незнакомец Алексу, — обратно на дерево не полезет. Так что дело, конечно, в инновациях. Все остальное мы уже пробовали. Спустившись с дерева, дриопитек должен получить защиту от случайностей, а то все привыкли повторять: прогресс, прогресс, а какой прогресс, если даже этапов его никто не помнит!

— Что вы имеете в виду? — заинтересовался я.

— Компьютер прежде всего. Вспомним о компьютере. Вот изобретение, изменившее мир. Налицо качественный скачок. Но все устаревает. Появляются все новые и новые модели компьютера, но это всего лишь очередные модели. Да, они работают, выдают прекрасные результаты, но далеко на этом уже не уедешь, нужна другая парадигма, аплодирую вам, — кивнул человек в шортах вконец польщенному Алексу. — Хватит умных разговорчиков про умные кнопки турбо, гибкие дискеты и прочие каменные топоры. Давайте перечислим как можно больше компьютерных реликтов сразу, чтобы не возникало соблазнов к ним вернуться, а? Вот кто помнит монохромные мониторы? Или матричные принтеры, в которые вставляли копировальную бумагу, когда кончалась краска? Или спектрумовские игрушки, которые грузились с кассет по полчаса и далеко не всегда с первого раза?

— Перфоленты, — напомнил Алекс.

— Ну это уж совсем каменный век. Скорее уж вспомним неоткрывающиеся мыши. Их макали в стакан со спиртом, чтобы очистить шарик, постоянно забивающийся грязью. — Человек в армейской рубашке поаплодировал сам себе. Он не отводил зачарованного взгляда от грозовой реки. — Или файлы config.sys и autoexec.bat. Пиратские диски-многоигровки по

пятьсот игр на каждом. Горизонтальный настольный корпус для системного блока, подключения по диалапу на скорости четыре тысячи восемьсот бод. Помните этот характерный звук? – пощелкал языком гость. – Игры, в качестве защиты от пиратства требующие цитат из мануала. Выгрузка драйвера мыши и кейруса для освобождения памяти, которой всегда не хватало.

Ударили раскаты грома. Анар наконец не выдержал, вынул мобильник: – Кто там работает со сваркой? Гоните всех отдыхать, – и озадаченно переспросил: – Как это на стройке никого нет?

Загадочные вспышки правда ложились на воду ярко.

– Может, там водолаз? – засмеялся я, и сам полез в карман за мобильником.

Экранчик телефона высветился. А номер опять не определился, как ночью. Наверное, французская домохозяйка, усмехнулся я. Летит в самолете, видит маленькую Луну или поглощаемый черной дырой город и удивляется, почему это мы с Алексом еще не в Париже?

«Она, правда, появилась?»

«Луна?» – спросил я.

Прозвучало не умнее, чем ночью: «Винтовка?»

Черный асечник

Государственные границы закрыли 22 июня.

В аэропорту Толмачево (международном) погасли электронные табло.

По пустым лестницам и переходам бродило неясное эхо, залы показались Буковскому непривычно просторными. В буфете сидели два местных алкаша из obsługi, громко радовались. «Ты олень, бя! А я в пятнадцатилетнем возрасте в математике шарил, на с++ писал». Разыскав дежурного, Буковский внимательно просмотрел официальную распечатку последних ушедших из Толмачево рейсов.

Бодрум. Ганновер. Пекин. Прага. Сеул. Был еще чартер на Таиланд, но его задержали.

– Как теперь быть тем, кто улетел?

– Никаких комментариев.

Пустые ячейки табло навевали неприятные мысли. Никуда не улетишь. Неужели теперь правда никуда не улетишь? Неужели возвращаемся к родным коммуналкам? Сперва отменили официальные документы, теперь закрыли границы. Правда, Карине Седовой, как всегда, повезло – рейс на Сеул ушел. На нескольких телевизионных экранах в зале ожидания опять и опять крутили осточертевший ролик: загадочное устройство объемом со спичечный коробок вырабатывает энергию, клинически несоразмерную его объему. Может, лениво решил Буковский, границы закрыли, чтобы поймать неизвестного изобретателя?

Он вынул мобильник. Хотел предупредить Аню, что появится только к обеду, но по рассеянности набрал свой собственный домашний номер. В трубке раздалось: «Слушаю».

Он не растерялся: «Можно Буковского?»

«А кто его спрашивает?»

После такой неожиданности не стоило, наверное, звонить Ане. Но Буковский позвонил. Из упрямства. Был уверен, что по голосу Ани поймет, есть ли у нее нежеланные гости. «Прожив короткую и в сущности никчемную жизнь, она так и не разочаровалась ни в одном из своих друзей», – так написал бы Буковский в некрологе, посвященном Ане. Да и что еще написать о девушке, которая на первом свидании ему сказала: «Буковский! Ты меня проводишь до дому? А то я так оделась, что одна идти боюсь».

«Похоже, Карина свалила».

«Она и собиралась свалить».

Ну да. Сам виноват, не отправился к Карине в тот же вечер. А ведь только она могла напрямую вывести его на Вальковича. Известный ученый, доктор наук, членкор. За ним – Церн, большой адронный коллайдер. Можно было наскрести сенсационный материал. А теперь жди Карину. И в собственной квартире сидят какие-то чужие люди. Почему? Что-то во всем этом не увязывалось. Ну да, он уже писал о том видеоролике с безымянного сайта, но это не повод сажать засаду в его квартире. «Интересуетесь будущим?» Так вчера Карина спросила. Ну да, интересуюсь.

- А могу я заказать билет в Прагу?
- Никаких проблем. Воспользуйтесь Сетью.
- А билет в Сеул или в Ганновер?
- Через Сеть – без проблем.
- Но ведь границы закрыты.
- Совершенно верно.
- Тогда какой смысл заказывать билеты?

Такого количества идиотов, как сегодня, дежурный, наверное, никогда в аэропорту до сегодняшнего дня не видел. Заказывать можно все, пояснил он. Заказывать – ваше священное право, гарантированное Конституцией.

- А можно увидеть список пассажиров, улетевших последними рейсами?
- Какую службу вы представляете?
- Общественную.
- Тогда и обратитесь к общественности.

Низкие тучи ползли над невысокими аэропортовскими зданиями, накрапывал серый, всем надоевший дождь. Прикрывая голову купленной в киоске газетой («Кто столкнул Луну с орбиты?» – «Течение Эль-Ниньо теряет свою энергию». – «Статистика школьных самоубийств». – «Монголы протестуют против закрытия границ»), Буковский перебежал площадь.

В здании внутренних перевозок ничего не изменилось. Тут спокойно ожидали очередных рейсов.

«Не хочу ехать поездом, – говорившая стояла спиной к Буковскому. – Недавно ехала поездом из Варшавы в Минск. Ну знаешь, все эти дурацкие разговоры с соседями по купе. Познакомилась с французом. Говорит, у него в Минске жена и две девушки. Вот, думаю, сукин кот, неплохо устроился. А он выдает: одной пять лет, другой – два с половиной...»

Внутренние рейсы прибывали и убывали. Те, кто не улетел в Измир или в Пекин, теперь пытались счастья в России. В пивном баре на втором этаже Буковский нашел место за боковым столиком и раскрыл ноутбук. Сосед слева бубнил: «Не гулять нам по Пекину. Теперь по Пекину нам не гулять...»

Буковский открыл почту.

Спам, обязательные рассылки. О корейском физике вообще ничего, пропал в своей Южной Корее, как в пустыне. Правда, из Швейцарии сразу три письма. Одно полно намеков на утечки из Цернского научного центра. А что за утечки? Информационные? Технические? Финансовые? Никаких подробностей. Что, интересно, можно спереть из трубы, по которой несутся встречные пучки протонов? Еще одно письмо касалось судьбы астрофизика Джона Парцера – несчастный случай официально подтверждали. И Курт Хеллер проявился: сообщалось, что немецкий физик пришел в себя...

Соседям по столику надоело обсуждать свои проблемы. Задрав головы, уставились на плазменный экран. Седьмой канал повторял скандальное интервью Буковского с министром экономики. «Оборудование «Ксерокс-Z», – отбивался министр, – теперь установлено везде. Вы искали терапию от шока? Вот вам терапия от шока. Документы никому не нужны, теперь вы тот, кто вы есть, не больше и не меньше. Но если вам все-таки хочется иметь бумажные

доказательства своего существования, печатайте что хотите – со сложными голограммами, с вшитыми в ткань металлическими нитями».

«Что предопределило столь резкую отмену паспортов?»

«А что предопределило столь резкое исчезновение динозавров? – изо всех сил отбивался министр. – Климатические изменения, плохой баланс, в сущности, тоже кризис, да? Системный, не просто так. Должны помнить, вы журналист. Генеральная Ассамблея ООН еще пять лет назад вынесла решение об антигуманной сущности удостоверяющих личность документов. – Министр был полон неприязни. – Важные политические решения такого масштаба не рождаются спонтанно.»

«Как к отмене паспортов отнеслись в Соединенных Штатах?»

«Паспорта американцев всегда в большой степени являлись формальностью».

«А экономический кризис? Финансовый? Как быть с массовыми перемещениями людей через границы? Где брать дешевые рабочие руки?»

Лоб министра покрыла испарина ненависти. «У нас в России достаточно сильных рабочих рук!» Он даже сжал маленькие холеные кулачки, показывая, как много у нас в России сильных рабочих рук, но Буковский только язвительно усмехнулся. Как вы собираетесь объяснить это не желающим работать люмпенам? Что собираетесь делать с теми, кто и раньше не работал, и сейчас не собирается занимать себя, скажем, хлебопашеством или строительством дорог? Или те же проститутки. Им что, ставить счетчик входящих?

«Аня, – снова набрал Буковский телефон подружки. – Хочешь, приеду?»

«Хочу. Только у меня сегодня гороскоп плохой. И кофе кончился».

Анину дверь Буковский открыл своим ключом. Неприятная мысль мелькнула, но он ее тут же выдавил из мозга: его дверь тоже кто-то открывал своим ключом. Аня обрадовалась. На тонких фарфоровых блюдечках, раскиданных по всему кухонному столу, красовались загадочные кофейные размывы. Тут же валялась закапанная слезами распечатка из Интернета. «Качественный и анонимный взлом почтовых ящиков на заказ. – Такие предложения часто появляются в компьютерном спаме. – Предоставляются услуги взлома на mail.ru (inbox.ru, bk.ru, list.ru), rambler.ru, yandex.ru (narod.ru, ya.ru), gmail.com (googlemail.com), yahoo.com, hotmail.com (live.com)». Конечно, Анна не могла не клюнуть на такую чудесную новинку.

«Хотите читать переписку своего конкурента? Хотите знать секреты своего любовника?»

– Собиралась взломать мою почту?

– Видишь, Буковский, ты даже не отпираешься!

– А от чего я должен отпираться? От деловой переписки?

– С этого все и начинается, – Аня явно готовилась заплакать.

– Грех, грех. Тварь Божья обязана радоваться миру.

– Буковский, ты назвал меня тварью?

– Всего лишь привел цитату. Он обнял Аню за плечи:

– Успокойся, дружок. Это все черный асечник.

– Какой асечник? Что за асечник? – закричала Аня.

– Успокойся, – погладил он ее. – Самый обыкновенный асечник, из твоей же аськи. Ты много нервничаешь. Это потому, что много времени проводишь в Интернете. А я тебе так скажу, это нехорошо. Вот тебе живой факт. Жил-был паренек, нормальный такой, импульсивный, как ты, обижался на всех с полуоборота. Но был он продвинутым чуваком, поэтому завелась у него подруга. Встречались, миловались, а потом подругу достало, что чувак всё время в компе, и она послала его. А он стал страдать. По этой теме. Ну, и повесился, – с наслаждением выдал Буковский. – Потом прошло какое-то время. В компании эта девка сидит, там все бухают, гуляют, всё такое прочее, а комп включен. Он у нее всегда был включен. И вдруг

аська сказала: «ооу!» Понятно, девка кинулась к компу, а там никаких сообщений. Время позднее, в ночь гуляли, но наконец разошлись. Девка опять в аську, а там опять: «ооу!» И ни фига на экране. Ну подруга решила – типа бухать нужно меньше. Пошла в ванную, приняла душ, возвращается, а на мониторе сообщение от убившегося парня: «Из-за тебя все это». Конечно, девка описалась тут же у компа. Так что ты, Аня, учти. Чёрный асечник беспоощадно преследует неверных любовниц.

– Буковский, ты меня напугал.

– А ты не грузи меня глупостями.

Уютно бормотал телевизор. «Австрию заливают дожди. В Мезенском заливе сгорела приливная станция. Домохозяйки Парижа требуют закрыть большой адронный коллайдер. Из-за меняющихся ветров ветряные мельницы Голландии сбавляют выработку...» Буковский вздрогнул.

– Это телефон, – засмеялась Аня.

– Ты ждешь звонка? Почему в это время?

– Да мне теперь Колесников в это время звонит.

– Колесников? Это еще кто такой?

– Одноклассник.

– Откуда взялся?

– Мы с ним в «Одноклассниках» нашлись.

– Чего ему надо? – Почему-то Буковский вспомнил о человеке, устроившемся в его квартире.

– Меня.

– И все?

– Буковский!

– Ладно, прости.

– Мы с Колесниковым учились в школе. Потом он пропал, учился в школе милиции, теперь опять появился.

– Почему именно теперь?

– Сказал, что проездом в городе.

– Ну и что? Зачем сразу тебе звонить?

– Он соскучился, – обрадовалась Аня. – Он всегда обо мне скучал. – Она любила, когда ее ревновали. Буковский, конечно, не ревновал, зато умел притворяться.

– А чем он занимается?

– Уж не бегает за каждой юбкой, как ты! Правда, я ему сразу сказала, что дружу с тобой, – Анна украдкой покосилась на Буковского. – Я сразу сказала ему, что дружу с очень знаменитым журналистом и у нас серьезные отношения.

– А он?

– Не скажу.

– Ну не сердись.

Буковский обнял Аню. Выбора нет. Или обнять, или уйти. Границы закрыты, ни в Пекин, ни в Ригу не попадешь. В закрытой на ключ квартире сидит незнакомый человек, может, этот самый Анин одноклассник, как знать? Для чего-то же он кончал школу милиции. Пожалуй, лучше пересидеть недельку где-нибудь вдали от Новосибирска.

– Помнишь, я говорил тебе про одно местечко?

– На Алтае? – мгновенно догадалась Аня.

– Ну да.

– Ой, мы уедем?

– Не оставлять же тебя однокласснику.

– Ой, глупый Буковский! Ну зачем ты так? Колесников – он хороший, но он же школу милиции кончал. Зачем он нам, правда? Он только поужинать со мной хотел. Я ему сейчас позвоню.

– Не надо.

– Тогда отключу холодильник.

– И на холодильник плюнь. Что с ним делается?

До самого Бердска они молчали. Аня из опасения, что Буковский внезапно передумает, а он из простого желания понять хоть что-нибудь. Этот вчерашний звонок к Карине... Она хорошо знает физика Вальковича, а физик Валькович работал в Церне, значит, пересекался с теми убиравшимися мужиками...

– Ты у меня настоящая красавица.

– Я знаю, – счастливо кивнула Аня и начала прихорашиваться.

– Странно все-таки. Зачем твоей подружке в Сеул? Что там у нее?

– Ой, ты бы видел! Подружка. Су называется.

– Боевой самолет, что ли?

Аня разговорилась. Буковский, правда, и раньше знал, что Карина часто уезжает. В Берлине, например, попала в аварию, вернулась с синяком. А с этой корейской дурочкой, ревниво объяснила Аня, познакомилась на улице. Долбанула ей машину. Разворотила всю корму, и правильно. «Давай, Буковский, остановимся в этом кафе. Ой, тут кормят, как на броненосце «Потемкин». – счастливо щебетала Аня – Эта корейская дурочка даже докторскую диссертацию защитила. Нет, не по камасутре, ты что, это же Индия! А у них там, в Корее, нечего защищать, кроме идей чучхе...»

А потом еще в Бийске в маленьком кафе у торгового центра они заказали блинчики.

«Нет, вы только посмотрите, вы только посмотрите, – разорвался у стойки человек в аккуратном строгом «адидасе». Лицо растерянное, злое. – У меня покрышку на велосипеде разрезали».

«Не вы первый», – понимающе кивал бармен. Красиво покачивая бедрами, Аня отправилась в туалетную комнату.

«Нет, это прямо какой-то маньяк! – разорвался человек в «адидасе». – Почему таких не ловят? Я велосипед оставил буквально на минуту, а он мне новую покрышку располосовал».

«Не вы первый», – понимающе кивал бармен.

Надоело, подумал Буковский. Окружающее начало его злить. Спрячемся с Аней в отеле и выходить никуда не будем. Нового велосипеда у нас нет, а на старую «тойоту» никакой маньяк не позарится. У Ани – массаж, фиточай, пантовые ванны, акупунктура, медовая бочка, а я буду надираться и думать. Мировой кризис. Чем не повод для раздумий?

За окном кафе тянулась тихая провинциальная улица. Среди припаркованных машин выделялась зеленая «вольво». Завидовать не стоит, все равно на такую денег нет. Хозяин красавицы, наверное, торгует алтайским лесом, лиственница сейчас в моде. Но когда из торгового центра вышла девушка, Буковский напрягся. Вот чему стоит завидовать! Шаг уверенный, ноги длинные, в руке брелок, «вольво» ласково откликнулась. В универе Буковскому нравилась одна длинноногая девушка, но дело тут не в ногах. Нижний этаж – вообще не главное.

Вернулась Аня, тронула блинчики пальцем: «Почему они такие холодные? Сдохли, что ли?» Официант промолчал неприязненно, а Буковский ухмыльнулся: «Ты, Анечка, разрежь блинчик поперек и посчитай годовые кольца».

Аня отодвинула тарелку и счастливо рассмеялась. «Давай в отеле не будем вылезать из номера, когда приедем!» Сама не зная, она повторила недавнюю мысль Буковского.

Женщины умеют угадывать то, что им хочется угадать.

Дорога на Ташанту

С озера Ая мы вернулись вечером.

Над озером светило солнце, а над Чемалом полз туман.

Нежный, влажный, он не охлаждал, не ложился на воду, но и не рассеивался, делая небо (и его отражение в воде) невесомым и призрачным. После долгих дней мороси, серости, сырости дышалось легко; в баре нестройно пели под караоке – гости съезжались. На набережной курил Анар. Увидев нас, покивал: «Вот и люкс забронировали». Как облачко мош-кары, пролетели по набережной выпестыши. А сам Анар, оказывается, только что вернулся из Бийска. В бар пока не заглядывал, да и нужды не было: из распахнутого окна, как с чудесной картинки, улыбаясь, оборачивалась, смотрела на Анара белокурая девушка. На обнаженном плече – стилизованные олешки. Спутник девушки (если такой существовал) находился вне видимости.

Смирнов-Суконин откуда-то появился:

– Хотите добрый совет? Мы дружно промолчали.

– Выпейте вина. Красного.

– А ты сегодня ел? – покосился на Смирнова Анар.

– Ну да, я в село ходил. Бабка на рынке завернула мне пирожок. Такая узкая бумажная лента, как для кассовых аппаратов. А на ленте чернильным карандашом: «Тася, мы с Иваном ушли на кладбище».

– Иди, поешь в баре.

– Я уже ел в кредит. Два салата.

– Скажи, пусть запишут на мой счет.

Анар знал о системном кризисе Смирнова-Суконина. Оказывается, до «Дарьиного сада» он добирался автостопом. С дороги хотел позвонить невесте, а на счету телефона пусто. А раз пусто, значит, и генералу не позвонил. А это именно генерал Седов отправил младшего лейтенанта в погоню за одним покойником. Так Смирнов объяснил Анару.

«Ты мульку не гони. Покойники ко мне в «Дарьин сад» не ездят».

«А этот поехал. Его током убило, вот он и сел на велосипед».

«Да ради чего?» – не верил Анар.

«Не знаю. Ездит быстро».

«На велосипеде?»

«У него покрышки классные».

«Так ведь все равно велосипед!»

Смирнов и сам удивлялся. У него невеста, откровенно рассказал Анару, работает сейчас над дипломом. В отсутствие любимого помогают ей два спортивных придурка с курса, вроде все схвачено, а хочется домой. В Сростках Смирнов почти договорился с хозяином продуктовой лавки о небольшом денежном кредите (бросить на телефон), но увидел на прилавке упаковку яиц с устаревшей пасхальной надпечаткой: «Христос Воскресе! (2-я категория)».

«Хотите добрый совет?»

Хозяин простодушно кивнул. А выслушав Смирнова, выбил его за дверь.

Это еще ничего. Мир и без того торчит – кризис, нервы. По-настоящему Смирнова побили только под Бийском. Там он одного частника уговорил ехать как можно быстрее. «Хотите добрый совет?» Понятно, разговорились. Частник гордо откидывался в водительском кресле, прозрачно намекал: «Хорошо заплатишь, доволен будешь». А если плохо заплатишь. Нет, на это не намекал, наверное, не допускал такой мысли. «Я в армии сержанта в страхе держал», – хвастался. И, хвастаясь, вылетел на машину ДПС...

В кратком изложении Анара история младшего лейтенанта Смирнова-Суконина выглядела так. Вызвали младшего лейтенанта в штаб округа. По широким ступеням поднялся в тень исполинских колонн. Чувствовал себя бойцом несуществующей империи, но настроение неплохое. До конца службы сто пятьдесят дней, уже даже сто сорок девять, а время ведь не стоит на месте. Опять же, невеста работает над дипломом, а сам Смирнов ночует дома, не в казарме. Почти альтернативная служба. И вот такая еще забавная деталь: предыдущий президент вроде как очистил российскую армию от толстяков, а первым, кого Смирнов встретил в служебном кабинете, оказался полковник совершенно непомерной ширины. «Вы в каком виде, товарищ младший лейтенант? Не видите, перед вами целый полковник сидит! – Видно, старым генералам шла надежная смена. – В армии каждая минута на учете, крутиться приходится по двадцать пять часов в сутки».

«Товарищ полковник, в сутках двадцать четыре часа!»

«Это на гражданке. А в армии встают на час раньше».

Приказ оказался простым: доставить в Академгородок (адрес устно) трехлитровую бутылку с черной этикеткой NIVI. Без крестов и черепов, но строгая этикетка. Передать лично в руки генералу Седову. Что скрывается под загадочной этикеткой, Смирнову на складе не объяснили, но в отличие от полковника дежурный капитан похвалил: «Это хорошо, что ты не в форме». Видимо, имело значение. А какая форма? Ее только обещали: погоны, как у летчика, покрой, как у моряка. Как всегда, был Смирнов в своем личном единственном костюме. Синенький, в елочку, аккуратно выглажен, не выглядит с чужого плеча. Правда, в ларьках на просьбу дать маленькую шоколадку «Алёнка» продавщицы, глянув на скромный костюм, опасно намекали Смирнову: «В маленькой фольги нет».

Капитан тоже насторожился: «На чем повезешь бутылку, младший лейтенант?»

«На машине, наверное».

«Знаешь, что такое NIVI?»

«Никогда не слышал, товарищ капитан!»

«Тогда, – сплюнул капитан, – вези осторожнее».

«Товарищ капитан, хотите добрый совет?»

«Бесплатный?»

«От и до».

«Выкладывай».

«Вы вот, товарищ капитан, плевком сапогом растираете по полу. А лучше дезактивировать химией. Как ни растирай, сапогом всех бактерий не передавишь».

Специальной корзины для перевозок бутылок со строгой надписью NIVI в хозяйстве штаба не оказалось. Не беда. Смирнов приспособил для перевозки личную матерчатую сумку с длинной надписью Online educa Barselona. Что за educa такая, он не знал, но ведь и про NIVI никто ничего не знает. Свободной машины в штабе тоже не оказалось. Стояли там во дворе штук пять, но в них штабные водилы отдыхали, мало ли что. А таксист, увидев сумку с educa и NIVI, честно предупредил: «По Красному пробка от Совнархоза до Коммунального».

Пришлось спускаться в метро. В вагоне Смирнова плотно прижали к девушке. Он сопел, отворачивался, потом не выдержал: «Хотите добрый совет?» Девушка заплакала: «Я

уже беременная». А в Академгородке, куда Смирнов добрался на маршрутке, генерал Седов, увидев бутылку, попятился.

- Вы где, младший лейтенант, спецмашину оставили?
- А я, товарищ генерал, своим ходом. Генерал не поверил:
- Вы знаете, что везли?
- Никак нет, товарищ генерал!
- Тогда берите. Только осторожнее!

Так гуськом – Смирнов с бутылкой и генерал в штатском – они молча поднялись на открытую веранду. Там крепкий человек с открытым взглядом, в армейской рубашке и в защитного цвета шортах поаплодировал смелости и упорству Смирнова-Суконина. Видимо, понравился ему младший лейтенант своими синими сияющими глазами. У самого, кстати, глаза были темные, мерцающие, наверное, много обо всем знал, а на полу валялись крутые велосипедные покрышки – Schwalbe, немецкие. Сам велосипед, впрочем, прислоненный к перилам крылечка, был веломировский, отечественный; у таких только раму варят на Тайване.

- Покрышки-то с выставочного байка? Человек в армейской рубашке поаплодировал.
- Это зря. Там покрышки, считай, по году валяются.

Человек в шортах посмотрел на генерала, тот слегка развел руками, извини, мол, других солдатиков у меня для тебя нет. Непонятно, чем они тут занимались до появления Смирнова. Трава у веранды и у крылечка мокрая, низкое небо, как везде, слегка моросит, у глухих ворот по внутренней связи давал кому-то отбой немолодой сержант. Ну, понятно, смородина, малина. И зачем-то толстый серый кабель. Тянется к трансформаторной будке, конец оголен, торчат красивые медные нити.

«Хотите добрый совет?»

На предложение никто не откликнулся.

Тогда младший лейтенант Смирнов-Суконин носком мокрого ботинка ловко поддел кабель и отбросил его в сторону. Кабель спружинил, плюхнулся на металлическую растяжку, голыми медными нитями чиркнул по прислоненному к стене отечественному велосипеду. Красиво чиркнул, плотно. Над черной с золотом рамой (с Тайваня) вспыхнуло высокое фиолетовое сияние, будто всех втянуло в нежную радугу. Лицо Смирнова жарко опалило, толкнуло в грудь. Но никакого взрыва, ничего такого, даже бутылка с NIVI не пострадала, только сыпались и сыпались с неба лепестки серого скучного пепла и колючая малина скукожились. Все будто замерло. Невидимая оса звенела в смутном воздухе, но не назойливо, просто звенела, и все. Кабель-то под напряжением, запоздало догадался Смирнов. Потом черная пелена перед глазами начала светлеть. Как на выгорающем экране, проявилась кирпичная опаленная стена коттеджа. Смирнов ждал аплодисментов, но человек в армейской рубашке лежал скрюченный на каменных ступенях.

Генерал взглядом проверил положение кабеля. Потом наклонился, проверил у лежащего пульс: «У тебя, наверное, невеста есть?» – спросил у Смирнова.

«Так точно, товарищ генерал!»

«Когда обещал невесте вернуться со службы?»

«Ровно через сто сорок девять дней».

«А не лет? Не путаешь?» Задав такой необычный вопрос, генерал Седов вынул из кармана мобильник, бросил отрывисто: «Дежурный, у меня труп». Ужасное слово резануло слух младшего лейтенанта. А генерал еще добавил:

– Из военной тюрьмы быстро не выходят.

– Как из тюрьмы? – не поверил Смирнов. – Товарищ генерал, это же удар током, все быстро произошло, – не верил, не хотел верить в случившееся младший лейтенант. – Земля мокрая, его сразу убило.

До генерала Седова дошло наконец что младший лейтенант в шоке. Он втолкнул его с веранды в прихожую, снял с полки бутылку. «Хлебни!»

Смирнов хлебнул. На веранде затопали, кто-то крикнул: «Товарищ генерал, где труп?»
– Как это где?

Генерал вышел на крылечко, а труп и правда не было. Как всегда, тучи ползли – низко, уныло. Смирнов выглянул из-за спины генерала: «Я же говорил». Все, в общем, было на месте, даже бутылка NIVI стояла там, где стояла, ее медики опасливо обходят.

– Кто на воротах?

– Сержант Капторенко.

Ну сержанта Капторенко пугать тюрьмой не имело смысла. Глаза блестящие, выпуклые, форма подогнана, носится аккуратно. «Товарищ генерал, да уехал он, ваш покойник!»

– В каком направлении?

– Да на юг. Вы же знаете, какие у него шутки. Спросил, в какой стороне лежит ближайшая государственная граница. А врать вы не разрешаете, я ему показал.

До Монголии на велосипеде быстро не доберешься, но Смирнов покойника недооценил. Тот умел крутить педали. Только в Бийске у торгового центра Смирнов увидел знакомый велосипед с хваленными немецкими покрышками. На всякий случай перочинным ножом ткнул в тугую резину, побегаешь теперь от меня! – и тут же получил по голове деревянным ящичком. Хозяйка велосипеда, немолодая дачница, рассадывала не пожалела, так обиделась.

Зато в Сростках, куда младший лейтенант добрался на попутке (приказ генерала был прост – догнать и задержать бежавшего), Смирнова ждала удача: отечественной постройки велосипед с рамой, сваренной на Тайване, и с прекрасными немецкими покрышками стоял около кафе. Пыльный, можно не сомневаться – отмахали на нем сотню верст. Хитер гусь, посмеялся про себя Смирнов. Не простой получился покойник. Часть дороги, наверное, едет на попутках, а часть своим ходом.

И ткнул ножом в неподатливую резину.

Девушка, садившаяся в зеленую «вольво», засмеялась: «Как-то не похожи вы на злого хулигана». Смирнов обрадовался: «Хотите добрый совет?» «Не хочу», – насторожилась девушка. И укатила...

В бокале вина Смирнов себе не отказал. Губы залоснились, голубые глаза смотрели влажно. Неподалеку вскрикнула кукушка. Тоже, наверное, радовалась. Смирнов хихикнул: «Кукушка, кукушка! Сколько мне еще лет жить?»

Ответа мы не ждали, но кукушка откликнулась.

«Один... Два... Три...» Мы смотрели на Смирнова с некоторым даже сожалением: вот лезешь, когда не просят, откукует тебе птица десяток лет, мучайся, а как дальше?

Но эту дуру как заклинило. «Двадцать два. Двадцать три. Двадцать четыре.» Кричала всю ночь. Спать не давала. Жила себе потихоньку, а Смирнов ее разбудил, суку. Совершенно не дала выспаться. Зато ночью, пытаясь уснуть, я вспомнил, на кого походила белокурая девушка с татушкой на голом плече, так странно из окна посматривавшая на Анара. Ну вылитая принцесса Укока, как ее рисуют в монографиях академика Молодина.

Крутые приходы

Веселую книгу писать не просто, особенно когда моросит дождь и выпестыши Анара за окном пытаются перекричать кукушку. Калифорния горела, Францию и Германию заливало, в Чехии не хватало рабочих рук, Латвия сэкономила на русских школах, отечественный минздрав пугал граждан свиным гриппом, советовал сидеть по домам, видимо, там забыли про закрытые границы. А я никак не мог дозвониться до Алекса.

В веселой книге, которую мы задумали еще в Новосибирске, сказочный старичок (по северному – чулэни-полут) никак не мог поймать третью рыбу. Две поймал, а третья не шла. Поймай он ее, трындец миру. Вот я и искал убедительный способ отогнать от удочки стремящихся к крючку рыб.

А как отогнать? Может, напустить злых духов?

Гамулы, злые духи, сперва обрисовались в воздухе, как смутное, бесформенное облако, потом раскрутились гибким вибрирующим веретеном. «Превед, падонак! – весело кричали они. – Твой вид рождает в наших душах скандальные противоречия». «А это почему?» – удивился сказочный веселый старичок. «А потому что у тебя проблемы с вышестоящим сервисом». Самый наглый гамул, байтов на тысячу, чувствуя недопонимание, подлетел совсем близко: «Чмок тя! Бросай удочку! Или дать по заднице?» – «А зачем?» – «А затем, что задница есть универсальный интерфейс, – гордо объяснил наглый гамул. – Через задницу можно делать всё».

«Универсальный интерфейс...» Мне показалось, что это прозвучало вслух.

Вот тебе и чмок тя! Телевизор выключен, радиоточки не наблюдается. «Хотелось сесть напротив Айи, как когда-то на темном подземном складе, загадочном от прыгающих отсветов кочегарки. Там фотожаба на ящиках – подмигивает сладкая Айя. Там бегущая строка разрывает тьму: «Превед кросавчег! ты папал на наш сайтец! для души падонга тут найдется фсо картинки всякие и прикольные и эротические бугагага.» Я готов был поклясться, что не говорил этого вслух, но в комнате звучали слова. «...Теперь ясно, что погодный спутник поменял орбиту на более высокую, хотя НАСА не подтверждает факта корректировки...»

До меня наконец дошло: вещал мини-бар.

Ну ладно, ночные звонки. Ну ладно, кукушка орет, мозг у нее некрупный.

Но мини-бар! Но не высказанные вслух мысли! Я слегка приоткрыл дверцу мини-бара – звуки исчезли. Я открыл дверцу шире, достал банку пива, захлопнул дверцу. Вслух ничего я не говорил, но в комнате слышалось все, что я думал. «Блин, почему Алекс не отвечает?» И диктор из отсутствующего приемника выводил с упоением: «...Испанское правительство окончательно закрыло границы со своими непосредственными соседями...» Я снова открыл дверцу, осмотрел ряды безмолвных бутылочек, снова закрыл. «Физики девяти стран отправили протестные письма в Совет безопасности ООН, призывая оставить воздушный коридор до Церна открытым...»

«Абонент недоступен».

Пришлось все-таки встать.

Ковер в коридоре гасил шаги. Узкая арка. Деревянная лестница. Конечно, телефон Алекса был отключен. А сам Алекс в компании с Буковским приканчивал содержимое своего мини-бара. Орлиный нос Буковского багровел, на губах Алекса тлела многозначительная улыбка. По скале, облепанной лепешками седых лишайников, деловито бежал муравей. Ничего в общем особенного, но пахивало, пахивало концом света. И в дверь постучали, чуть ли не вслед за мной.

Буковский прохрипел: «Какого хрена?» Может, решил, что находится в своем номере. Ну Анька вышла, может, решил, а мы набежали. А у Аньки по гороскопу, как всегда, нелегкий день, скажем, велика опасность мгновенного зачатия.

В дверь снова негромко постучали.

Буковский выпрямился, как орангутанг, и открыл дверь. И ошеломленно отступил, потому что красная юбка на Карине полыхала, как флаг. Конечно, мы несколько позже узнали ее имя. Но красная юбка на Карине правда полыхала как флаг. Ткань, робко подумал я, не должна быть такой прозрачной. Но пусть будет. Пусть всегда будет прозрачной. Карина стояла в дверях чуть боком, отставив левую ногу, и Буковский сразу вспомнил парковку у торгового центра в Бийске. Это он тоже нам потом рассказал. Там, у торгового центра, стояла

новенькая «вольво», и эта невероятная девушка подняла руку с брелоком. Зеленая «вольво» ласково откликнулась, длинная нога втянулась в панцирь машины.

– Меня кукушка достала...

Буковский смотрел на Карину.

– А потом я Аньку встретила, – сказала она. – Аньке хорошо, она давно спит, а меня кукушка задолбала.

Мы с Алексом с наслаждением наблюдали разыгрывающуюся перед нами сцену.

– Анька сказала, что ее дружок ушел на мальчишник. Это ведь вы ее дружок, да, Буковский? Анька пыталась пойти искать вас. Я ей говорю: ты поспи, у них же мальчишник. А она говорит, ой нет, пойду, боюсь за Буковского, на этих мальчишниках всегда куча блядей. Я говорю: Анька, ты что? Какие бляди? Это же мальчишник, туда девок не берут. А она говорит: ага, думаешь, я никогда на мальчишниках не бывала?

Буковский ничего не понимал. Он одно видел мысленно: втягивающуюся в «вольво» длинную ногу. Он одного хотел: потрогать Карину, коснуться ее плеча. И, поняв, что Буковский приручен, Карина вошла наконец и притворила за собой дверь. От скалы, составлявшей немалую часть номера, понесло прохладой. Карина с интересом ощупала выступы гнейсов. От нее исходила возбуждающая волна. Она подошла к окну, выходящему на реку и на горы, и на свету мы увидели каждый изгиб ее тела. Слишком, слишком прозрачная ткань, но пускай всегда будет такая. Отсвечивала внизу вода, солнечные лучи преломлялись, ничего в общем странного, просто красивая девушка на фоне открытого окна; но Карина стояла не просто так, она стояла в облаке особенного света, и в очистившемся небе над ней, как корона, выросли белые особенные облака.

– Идемте, Буковский. Вы ведь меня искали?

И они свалили. И провели вместе день. Когда я увидел их вечером, Буковский был трезв, глаза ввалились, а топик на Карине в трех местах испачкан малиной.

«Я как гламурная сучка, – пожаловалась она. – Гардероб ломится от шмоток, а не знаю, что надеть». Буковский смотрел на Карину жадными трезвыми глазами. Он еще не привык к мысли, что его жизнь резко изменилась.

«Если кукушка выкрикивает только одно ку-ку в минуту, – спросил он меня, – то сколько она уже накричала этому придурку?»

Он имел в виду Смирнова.

А они с Кариной попали на остров.

Сперва бродили по западному берегу водохранилища Чемальской ГЭС, поднимались по узким тропкам, разыскивали уютные уголки, дорогу указывала Карина. Она казалось Буковскому сказочным следопытом. Или следопытшей. Она бывала здесь, когда писала книжку про Катерину Калинину. Сидели под лиственницами, прятались от моросящего нежного дождя, снова возвращались к реке. Когда опять появилось солнце, на остров перебрались вброд, Анар собирался ставить там еще один корпус «Дарьиного сада», может, с самым большим на весь Алтай рестораном. «Когда железный занавес окончательно опустят, – сказал Буковский Карине, – к Анару поедут все. В самый крупный ресторан, в самое чудесное место мира, где можно слышать вечную, заведенную Смирновым кукушку».

А пока – поляна в валунах. Негде лечь, да и сесть негде – нога проваливается. Пни в хвое, лишайники цвета магнолии. Мхи, желтенькие, прокисшие от влажности, как птенцы в снегу. И гриб в складочках неприличных – в такой зеленой траве, что челюсти сводило. Они с Кариной излазали все поляны, потом вскрыли дверь запертого склада. На секунду Буковский вспомнил о том, что в его квартире в Новосибирске сидит какой-то Колесников и отвечает на телефонные звонки, а Анька неизвестно где, может, с Анаром, но эта мысль тут же исчезла. Позже Буковский признался, что надеялся найти на складе ортопедические матрасы, да мало ли что, хоть панцирную сетку, но на складе стояли только бильярдные

столы и кии в специальных подставках. «У этого вашего Анара плохо с головой. Каждый стол – тридцать тысяч баксов, настоящие пафосные столы, а кии – по пятерке штука». На стене склада кто-то губной помадой (давно) вывел: «Я для мужа – в командировке». Карина посмотрела на Буковского: «Я не замужем». А ниже другая надпись: «Я девочка, никакого образования, блондинка, люблю готику и блэк-металл, не обижайте меня, пожалуйста, бородастые дяденьки, а то вены вскрою».

«В школе, – сказала Карина, облизнув пересохшие губы, – учительница биологии считала мой смех непристойным». «Разве что-то изменилось?» «А ты не чувствуешь?»

Буковский пожал плечами. Он все время врал. Он боялся упустить хоть слово.

«В детстве я хотела узнать, как правильно называется процесс размножения человека».

«А кого ты об этом спрашивала?»

«Нашего нового учителя математики».

«Хочешь, я тебе расскажу во всех подробностях?»

«Ты опять опоздал, Буковский», – произнесла Карина с каким-то особенным значением.

«А почему ты не улетела в Сеул?»

«А с чего ты взял, что я не улетела?»

«Я же ездил в аэропорт».

«Ну и что из того?»

«Рейс на Сеул ушел».

«Разве я говорила тебе, куда лечу?»

«Мне Аня подсказала, но я бы и сам догадался».

Он не успел задать вопрос, а Карина уже ответила: «В Кимхэ у меня подруга, – и сама спросила: – Хочешь договориться?»

Он ответил: «Хочу». Он еще не знал, о чем идет речь. Просто чувствовал смутно, как щемящую боль, что уже и врать нельзя. Что-то изменилось. Склад изнутри светился, далекая кукушка стучала, как вечный двигатель.

«А что ты делала в Берлине?»

Он не знал, почему спросил про Берлин. Ах да! Анька говорила, что Карина недавно попала в ДТП. Как раз в Берлине. Буковский окончательно протрезвел. Немецкий физик Курт Хеллер тоже попал в Берлине в аварию. В тот же самый день, кстати. Неопределенная опасность была растворена в воздухе. «Качественный и анонимный взлом почтовых ящиков на заказ». Романтичность Буковского сильно подтаяла. Это как описаться в хорошем обществе. Все делают вид, что ничего особенного, но штаны мокрые. А еще трахнутая кукушка. А еще пыль, бильярдные столы.

«Зачем тебе эти физики, Буковский?»

«Чо-нын росия-сарам-имнида», – ухмыльнулся он.

«Я из России», – передразнила она. – С каких пор ты стал патриотом?»

От Карины перло феромонами. Она знала, что является действительно новым словом науки в сфере человеческих взаимоотношений! Буковский горел в ответных сигналах. Он не думал об ошибочности запросов, он сходил с ума. Хемосиг-налы, управляющие его нейро-эндокринными поведенческими реакциями, коробили плоть, как аварийное переключение персоналки. Все, о чем он раньше писал исключительно для обывателя, теперь обрушилось на него.

«Зачем ты все время врешь?»

Он не знал. Чисто профессиональное.

И Карина перестала давить. И губы у нее оказались бархатные.

«Скоро ты станешь знаменитым, Буковский, – шепот и кукование сливались в один долгий звук, в один стон. – Так всегда происходит с теми, кто знает, чего хочет. Нет, Буковский, не кино с закосом под Хичкока. Ты ведь интересуешься будущим...»
(окончание в следующем номере)

Познякова Мария

Универсальная машина

Рассказ

Нет, ничего в этой жизни не понимаю. Зачем он нам нужен? А? Зачем?

Локатор, большое железное Ухо – он слушает, что говорят звезды, как живут далекие миры. Большой Глаз смотрит вдаль, в космические бездны, а Малый Глаз смотрит вглубь, в крохотные миры молекул и атомов. Рукоят – я назвал его так за рукоятку, которой он ворочает камни, – строит башни, стены и мосты. Компьютер считает, Графограф пишет, я собираю образцы грунта, – а этот экскаватор зачем?

Я приехал в пустыню в воскресенье вечером, почти разрядив свои аккумуляторы. Пришлось искать автоматическую заправку, хотя и не было времени, работа ждала меня. Маленькая станция, заброшенная посреди пустыни, – здесь мне годами придется собирать камни, определяя их состав, вгрызаясь в грунт все глубже и глубже. Мне здесь жить, и жить долго – поэтому я в первый же день перезнакомился со всеми обитателями станции. Это оказалось легко, потому что у меня были и быстрые шасси, и ноги, чтобы ходить по бездорожью, и меня понимали все, кто был на колесах, и кто был на ногах, и даже те, кто не мог ни ходить, ни ездить. Этот мой козырь сыграл свою роль уже утром, когда я перессорился со всеми, кто был на ногах, а колесные укатили куда-то по трассе. Мне пришлось собирать грунт, беседуя с Глазом – сложным фотографическим аппаратом, который запечатлевал все, что видел.

И тут-то я и сам увидел его – он показался из гаража, когда взошло солнце. Жуткий вездеход, не похожий ни на одну известную мне машину, – он двигался, переставляя длинные опоры. Было в нем что-то от экскаватора: два крохотных ковша по обе стороны – которые вращались, куда хотели. Сверху помещалось что-то вроде башни, которая тоже вертелась вправо и влево, и на ней мелькали не то отключенные фары, не то бойницы для какого-то оружия.

– А это еще что такое? – не понял я. – Что за механизм?

– Не знаю, – признался Глаз, чем удивил меня еще больше, – этот паршивый вездеход сам ничего не делает, только мешает нам всем. Прицепится к кому-нибудь и смотрит за ним или сам делает то же, что и мы, но ничего у него не получается, он только мешает. Он боится, что его отправят в переплавку, вот и старается показать, что он на что-то годен. Никчемный механизм.

– Вот как... я что-то не въехал, для чего его держат здесь? Глаз не ответил – он не знал. Здесь, где каждый выполнял свою функцию, любая нефункциональная система казалась парадоксом. Я надеялся, что вездеход пройдет мимо, не заметив меня, – но как назло этот жуткий шагающий экскаватор двинулся прямо ко мне. Остановился в двух метрах, будто приглядываясь ко мне, изучая. Честно скажу, рядом с ним я испытывал тревогу, хотелось бросить все и уехать, но я знал, что этого делать нельзя. Казалось, он сейчас кинется на меня – этот маленький ковшастый вездеходик, предназначенный непонятно для чего. А он и вправду кинулся ко мне, начал перебирать камни, лежащие в моем ковше, выискивая что-то, фиксируя что-то на бумаге острым пишущим предметом. Что за бред, ведь здесь есть я, и Глаз, и Самописец, мы работаем куда лучше, чем он, делающий то же самое! Но странный механизм упрямо шел за нами, вытаскивая камни из моего ковша, не отставая ни на сантиметр. Я уже думал не об образцах, а о том, как не задеть эту настырную машинку. Наконец я начал легко отталкивать его от себя, всем своим видом показывая, что он здесь – третий лишний.

– Не трогай его, – внезапно одернул меня Глаз, – он опасен, этот механизм, очень опасен. И уж если он прицепился к кому-нибудь, придется работать вместе, терпи.

Так я впервые увидел эту машину, не понятную никому. Радость, охватившая меня на станции, понемногу улетучилась.

Впрочем, в тот же день – да, да, в тот же самый день – случилось то, от чего стало совсем тревожно, и я даже пожалел, что прибыл сюда. Но что поделать, выбора нет, я получил приказ, и его нужно выполнять...

Отрываясь от работы, я оглядывал окрестности, чтобы понять, куда я попал. Пустыня тянулась, насколько хватало горизонта, – разрываемая полотном шоссе. Она обрывалась только дважды – глубокой впадиной далеко на севере, где клубился горячий пар, тянулись какие-то трещины и извилины, что-то кипело и клокотало внизу. А на востоке весь мир уходил в бездонную пропасть, за которой начинались звезды и облака, идущие по своим непонятным трассам. Чем-то мне не нравилась эта пропасть, только я не мог понять, чем.

Так вот... в тот же день радиопередатчик сообщил нам приказ, услышав который, я не поверил себе. Нам было велено исследовать впадину, и чем скорее, тем лучше. Кто-то должен был спуститься туда, в ядовитые пары, разъедающие обшивку, и неизвестно, как далеко мог пройти в этой пустоши самый прочный вездеход. Мы ждали – никто из нас не двигался, все мы чего-то ждали. Честно сказать, я испытывал к себе что-то вроде жалости – почему я, новенький, только что выпущенный с конвейера, должен нырять туда, в дымную пустошь, губить свою новую обшивку? Тем более – что мог сделать я, собирающий грунт?

Внезапно от нашей компании отделился Глаз – тот Глаз, с которым я работал вот уже полдня. Паршивый вездеходишко, конечно, увязался за ним, размахивая своими ковшами и покачивая башней. Как хорошо, что он отцепился, по крайней мере от меня... Но Глаз... куда идет Глаз?

– Куда же ты? – удивился я, когда Глаз покатился на своих колесиках.

– Туда, во впадину. Кто-то должен спуститься туда, кто-то должен изучить все эти трещины и камни.

– В добрый путь, – я все еще ничего не понимал, – а когда ты вернешься?

Глаз удивленно посмотрел на меня – и ничего не ответил, и мне стало тревожно от его взгляда, как будто что-то должно было случиться. Только у меня не было данных, что что-то произойдет, – и это было странно. Глаз медленно двигался к впадине, и вездеход, не отставая, шел за ним, ворочая своей башней. У самого обрыва они остановились, и шагающий неумело прикрепил на Глаз Магнитную Установку, чтобы измерить магнитный фон, – вот и вся польза от этого вездеходика. Глаз двинулся в глубину впадины и исчез с моего горизонта и появился только пять минут спустя, легко подпрыгивая на изгибах и ухабах. Я заметил, что вездеход не пошел за Глазом, испугался чего-то, трусливо остался на берегу, вытягиваясь, пытаясь охватить больший горизонт. Забавная машина, но напрасно ты, мелюзга, строишь из себя титана-исследователя.

Да, такие, как ты, не изменяют и не познают мир – ты уже показал мне свою трусость.

Глаз тем временем двигался все дальше и дальше, передавая одному из компьютеров то, что он видел. У экрана уже столпились вездеходы и роботы, я не видел экран, и Глаз, напоследок мелькнувший на горизонте, я тоже не видел. Неподалеку от меня стоял, покачиваясь, автоматический телескоп, и я подкатился к нему, надеясь что-то узнать.

– Что ты видишь там, вдалеке? – спросил я.

– Он все так же движется вперед, – был ответ, – движется, фотографирует, запоминает, передает сюда. В этом вся его жизнь, ты же знаешь. Вот он остановился на холме... он не может ехать дальше, кислота слишком разъела его мотор. Он продолжает фотографировать – у него еще есть где-то полчаса, чтобы заснять, увидеть что-то.

– А что потом? – не отставал я. – Как же он вернется назад, если уже не может двигаться?

– А он и не вернется назад. Он ушел туда, чтобы узнать – и умереть. В этом вся наша жизнь, приятель, мы созданы на конвейерах, чтобы добраться туда, куда не добирался еще никто, увидеть не увиденное никем, рассказать всем – и умереть. И вся его жизнь, приятель.

Слова Телескопа меня огорошили, ведь я приехал сюда, чтобы жить, а не чтобы умирать. Но еще больше огорошил меня шагающий вездеходишко, который чуть было не увязался за Глазом, а потом струсил. Теперь, узнав, что Глаз безнадежно сломан, он по-хозяйски подошел к Компьютеру и вынул из него диск с записью, которую сделал Глаз. А потом спрятал эту запись в архив, да с таким видом, будто этот архив принадлежал ему одному, будто не все мы вместе взятые собирали этот архив изо дня в день.

– Особенный, – сказал я Телескопу, – он ничего не делает, только пользуется всем тем, что добыли другие.

Этот-то особенный в тот же вечер придумал действие, смысл которого я не понимал, но сама идея показалась мне интересной. Мы выключили на станции свет, включили огни – у кого какие были – и медленно двинулись по кругу. Шагали шагающие экскаваторы, плавно ползли вездеходы, громыхали колесами тяжеловозы, двигалось еще что-то непонятное, растопырчатое, сверкающее лампочками. Вездеходишко с ковшами шел сбоку, словно боясь, что мы придавим его своими корпусами. И все мы вспоминали, каким он был, этот Глаз, и сколько всего успел увидеть и рассказать этот Глаз, а теперь уже нельзя войти во впадину и вернуть Глаз, потому что Глаз не вернешь и сам сгоришь в кислотах. А потом мы смотрели те записи, которые сделал Глаз, и вспоминали Глаз.

Хорошо придумал вездеходик, то есть не он придумал, а, по его словам, он видел это где-то в больших городах, называлось – поминки. Что такое города и поминки, я не знал, но было в этом что-то забавное.

Забавное... и все-таки раздражал меня этот шагающий экскаватор, который хватался то за одно, то за другое, а в итоге не умел ничего. Из него вечно летели какие-то запчасти, бумага для записей, пишущие инструменты, какие-то тряпки, отвертки, гаечные ключи. Его мотор барахлил безнадежно, как ни у кого из нас, в нем постоянно что-то стучало, то тише, то громче, и непонятно как смонтированная вентиляция то всасывала, то выпускала воздух.

И еще – я никогда не видел такой долгой подзарядки аккумуляторов. Самые нерасторопные из нас заряжались час, но этот проклятый механизм заряжался шесть часов подряд, а то и все восемь, подключаясь где-то в глубинах станции и не двигаясь. Создателю этой машины я дал бы премию за самую плохую идею – и был бы прав, ведь этот жуткий вездеход. Однажды я не выдержал и слегка поддел его ковшом – не сильно, чтобы повредить обшивку, но так, слегка: знай наших. Он отскочил, загреб ковшом горсть песка и бросил в меня – это у него получилось легко и ловко, я никогда не видел так прекрасно сцепленных ковшей. Но бросить грязью... в меня, в собирающий экскаватор – грязью? В меня? В МЕНЯ?

Мне захотелось убить его или хотя бы померяться с ним силой – не зная, с чего начать, я спросил его, с какой скоростью он может двигаться. Тогда вездеход указал мне на трассу, уходящую к востоку, – я редко видел, чтобы кто-нибудь ездил по ней. Поняв, что он предлагает мне состязаться, я выпустил шасси и рванул по дороге, поднимая пыль, – он заспешил за мной, не выпуская колес, – кажется, колес у него и не было.

И скорость. я не мог назвать это скоростью, он двигался по дороге так же, как по песку, забавно подпрыгивая и покачиваясь. Я быстро оставил его позади и даже убавил ход, чтобы торжествовать над побежденным, – мне было чем гордиться. Дорога шла вверх и вверх, поднимаясь все круче, вскоре мне пришлось убрать шасси и встать на подпорки – мой хитрый враг, кажется, специально выбрал этот путь, где колеса были не нужны. Дорога поднималась, дыбилась, горбилась, будто сопротивлялась мне, сбрасывала с себя.

Дорога... да нет, дороги подо мной уже не было, я не заметил, как кончился асфальт, мои опоры проваливались в расщелины и трещины, беспомощно скользили по острым камням. Наконец передо мной замаячил обрыв, преодолеть который казалось невозможным. Но сзади уже метался и подпрыгивал по дороге маленький вездеход, годный только на то, чтобы расчищать мусор у входа на станцию. Я не мог позволить ему одолеть меня – хотя бы на несколько секунд. Прыжок – кажется, мои опоры не выдержат этого броска, но мне некогда было рассуждать. Бросок показался мне слишком огромным – да, так и есть, передняя опора громко захрустела, провалилась в расщелину. Вездеход. я не думал, что он одолеет хотя бы часть этого пути, хотя бы поднимется на скалы, – но он поднялся, пополз, цепляясь ковшами и тонкими опорами. Кажется, у этого механизма шарниры двигались во все стороны, и я никак не мог понять, какими болтами и гайками скреплялся этот остов.

Он легко обошел меня, даже хлопнул своим ковшом мне по бамперу – и умчался вперед по камням, ловко перепрыгивая такие преграды, какие не мог одолеть никто из нас. Только теперь я проникся легким уважением к этой ковшастой машине, казалось, не способной ни к чему. Его слабость была таковой только на первый взгляд, в этой никчемности крылись какие-то возможности, которых я не просто не видел, не мог себе представить. Он обошел меня и поднялся на хребты и пики, недоступные даже вертолетам, и исчез с моего горизонта. А я остался, не в силах выбраться, вырвать сломанную опору из расщелины.

Только сейчас я понял, что он может оставить меня здесь насовсем – здесь, где мои сигналы не достигли бы лагеря. Он вернется и скажет всем, что я безнадежно сломался или упал в пропасть, – и на этом наше маленькое состязание кончится. А все-таки было что-то в этой машине. Я бросил ему вызов, и он одолел меня, и если бы ему бросили вызов мы все, кажется, он одолел бы нас всех. Я не знаю, как, может, он и сам не знал, как, – но одолел бы. И если бы весь мир бросил ему вызов, этот шагающий экскаватор одолел бы весь мир: познал, одолел, переделал бы, как нужно ему.

Он вернулся пять часов спустя, его вентиляция работала на полную мощность, в моторе стучало часто-часто. Я думал, он прошествует мимо с победным видом, но машина остановилась – вездеход явно хотел помочь мне. Я видел, как он подцепляет ковшами горсти песка – еще, еще и еще, бросает их в щели в камнях между мной и дорогой, ровным шоссе в двух метрах от меня. Делает мне легкий песчаный путь, по которому я могу скатиться вниз. Эта работа заняла у крохотной машинки три часа, чуть поменьше ушло на то, чтобы высвободить мою опору. Обратный вездеходишко не пошел – вскарабкался на меня, вцепился своими ковшами, которые расходились у него, оказывается, то ли на четыре, то ли на шесть частей. Настоящие манипуляторы, совсем как у наших роботов, которые сортируют образцы. Но я никогда не видел сразу ковша и манипуляторы – такая универсальность казалась мне запредельной.

Универсальная машина – а казалась такой ничтожной...

Добравшись до лагеря, механизм ушел на станцию, рухнул со своих ходуль, лег перезагружаться. Что же, вольному воля, кто тебе что скажет, если тебе так надо по технике твоей...

Внезапно я задумался, чем можно убить это существо. Нет, не то чтобы я хотел его уничтожить, мне просто стало интересно, насколько он универсален, этот вездеход. Кажется, его нельзя убить – он уйдет от опасности, как только поймет, что ему что-то угрожает. Он справится со всеми. Он...

– Думаешь, как его убить? – Рукоят высунулся из глубокого котлована, в который вгрызался, кажется, с утра. – Если до чего-то догадаешься, скажи мне.

– А ты хочешь его уничтожить? – Я смотрел на Рукоята и не понимал, почему одна машина хочет уничтожить другую машину. Так происходит только на войне, где бьются огромные танки. Но уж никак не на мирной станции, где все мы делаем одно дело. Исследовать. И...

Нет, об этом я даже думать не хотел. Исследовать – и умирать, пройдя туда, где никто не был до нас.

– Мы все хотим его убить. Ты же понимаешь, что это такое? Это конкурент для всех нас, конкурент, который себя еще покажет. Кажется, он видит не так далеко, как телескоп, и слышит хуже Уха, и атомы ему недоступны. Но он может все. Понимаешь, все! Нет такой нашей функции, которую он не мог бы выполнить, значит, он может заменить каждого из нас. Каж-до-го! Когда-нибудь сюда пришлют целую армию этих вездеходов, а нас пустят на слом. Я молчал.

– И еще знаешь... иногда мне кажется, что каждый из нас может воспринять только кусочек этого мира и только он воспринимает этот мир... целиком. А знать мир и владеть им – мне кажется, это одно и то же.

Я слушал его молча – кажется, Рукояту не понравилось мое равнодушие, и он решил подлить масла в огонь.

– А еще... еще, мне кажется, он знает и нас тоже. Знает про нас все, копается в наших механизмах. А мы про него ничего не знаем: я никогда не видел, чтобы он раскрывал свои внутренности. Ты понимаешь, к чему я?

– Ты неправ, – я вспомнил о своем презрении к вездеходишке, маленькому и неказистому, – эта крохотная машинка... Да он ничего не сможет сделать так же хорошо, как мы. Он не увидит и одной тысячной Вселенной! Он не понимает ее.

– Понимает. Все понимает. Я видел, как этот шагающий экскаватор стоял на холме и смотрел в звезды. Он видел не дальше нескольких килопарсек – так казалось мне, – и вместе с тем я понимал, он видит много дальше, охватывает взглядом все. И знаешь, что я еще заметил? – не отставал Рукоят. – Без него здесь, на станции, не обходится ни одно дело. Что бы мы ни делали, он крутится рядом. Что-то может случиться без тебя, без меня, без Большого и Малого Глаза, без Уха и Графографа, – но не без него. Он. он ничего не делает, но для чего-то нужен.

Я молчал: Рукоят разжигал мою и без того глубокую неприязнь к тому, ковшастому, как будто не пригодному ни к чему – и в то же время незаменимому. Тому, который должен был быть во что бы то ни стало. Злоба моя искала выхода – в тот же день я перессорился со всеми колесными; к счастью, они укатили в пустыню, я остался с шагающими, так что опять все было хорошо. Под вечер я дал себе зарок хорошенько поддеть вездеходик, как только он появится, – но шагающий экскаватор будто догадался, что я хочу его поддеть, весь день отсиживался в высокой башне, смотрел на мир через Малый Глаз и через Большой Глаз, писал что-то собственными своими самописцами, а потом убрал Малый Глаз и Большой Глаз и начал смотреть на мир сам. И записывать. И что ты там пишешь, если ты ничего не видишь, ведь ты не Малый Глаз и не Большой Глаз и тебе их не одолеть. Нет, пишет, строит из себя Всевидящее, Всезнающее око.

Ох, так бы и поддел его центральной шестерней, сбил с ходуль, послушал, как хрустят микросхемы или транзисторы.

Все-таки я его одолел. Почти. То есть я его, конечно, не трогал, он сам попал в кювет, в такой кювет, из которого ему не выбраться никогда. Здорово он упал в наших глазах, этот вездеходишко, все его попытки переплюнуть нас пошли крахом. В полдень это было, в сильный град, когда небо расколосось пополам и свысока полетели тяжелые ледяные камни, каждый с мою переднюю фару, не меньше. Красивое зрелище, не каждый день и не каждый год увидишь такое, а я и жил-то без году неделю, даже корпус не успел ни разу поцарапать.

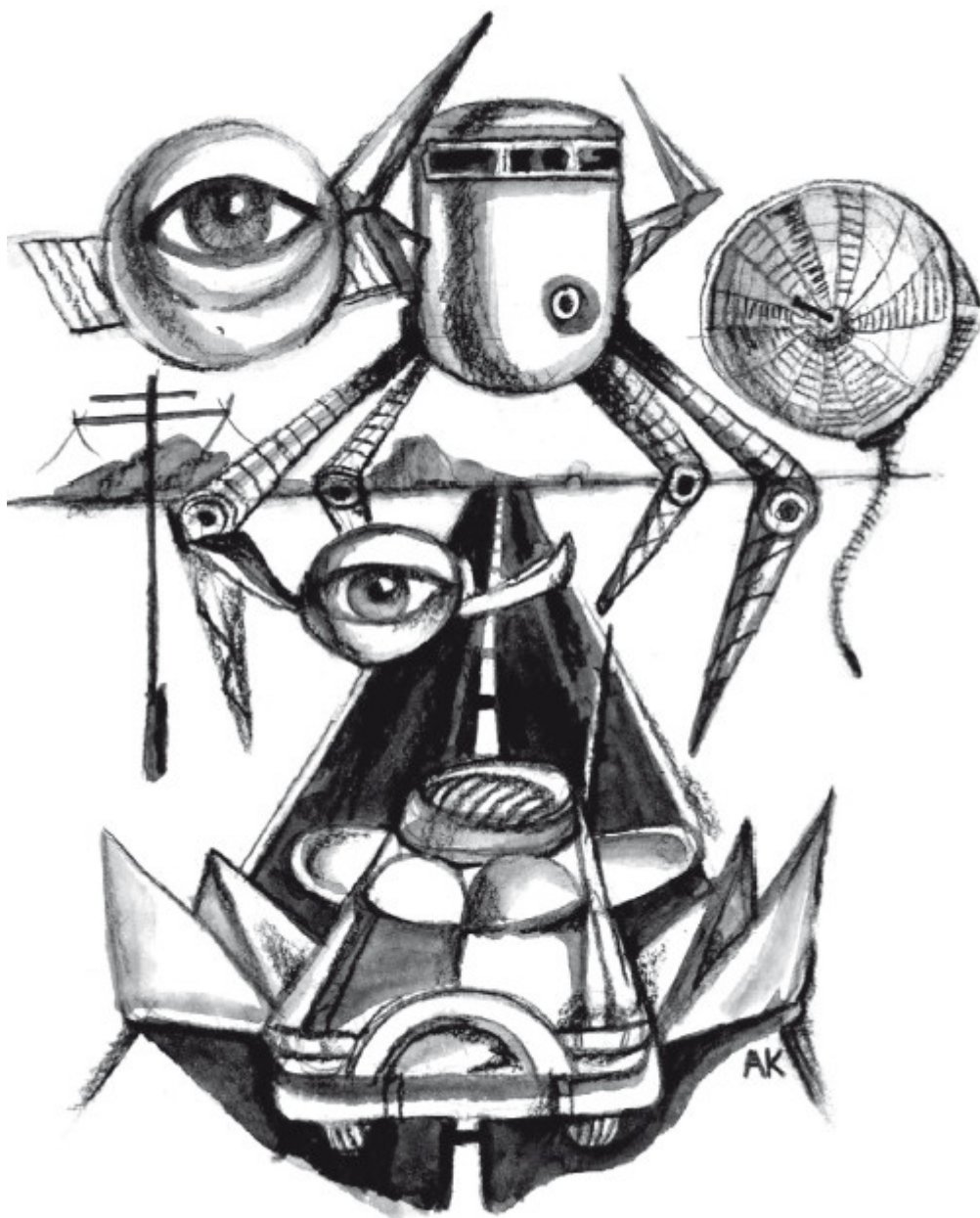
Вездеходик снова затащил меня на скалы – он любил эти скалы, видимо, чувствовал себя сильнее меня там, на склонах. Честно скажу, я уже не знал, как избавиться от существа, рывшегося в моем ковше, – он выискивал образцы, проверял что-то своими непонятными манипуляторами, ощупывал неведомыми органами чувств. Кажется, эта машинка совсем

забыла свое место – место неумелого изгоя, который только старался казаться универсальной машиной. Или место универсальной машины, которая казалась неумелым изгоем.

Я смотрел на него и не понимал, кто он, и презирал, и боялся его одновременно, не зная, как относиться к нему.

Здесь-то все и произошло: тяжелые градины грянули из самых глубоких туч, как будто в небе что-то разбилось, с хрустом и хрупанием обрушилось на холмы и пески. Куски льда с глухим стуком рушились и рушились на меня, я понимал, что мой корпус трещит по швам, на нем отпечатываются глубокие вмятины, которые со временем проржавеют, станут грязно-бурыми. Мне было тревожно и радостно – как-никак я переживал боевое крещение, теперь я буду не глуповатым новичком с конвейера, а настоящей боевой машиной. Которая пришла сюда изучать. Исследовать. Правда, я еще не мог свыкнуться с мыслью, что придется опускаться в самые темные глубины, в самые дальние дали – и умереть. И меня немножко утешало, что мы все пришли сюда умереть. Мы все.

Я повернулся к вездеходишке, который плелся за мной, и увидел, что его рядом со мной нет. Нет совсем. Я не мог поверить себе – конечно, градины были большие, но ни одна из них не могла причинить нам вреда. Не тот калибр. Не та сила, чтобы сломить нас, – ковшастый вездеходишко просто не мог погибнуть. Он и не погиб – я посмотрел вдаль и увидел, что он и вправду не погиб, а просто развернулся и на полной скорости устремился к станции, приземистой, круглой крыше, по которой гулко грохотал град. Я думал, что его ждет какая-то работа, – но нет, он просто побежал к станции, забавно подпрыгивая и проваливаясь в песок. Спрятался под крышей, замер в бездействии, – наверное, ждал, пока кончится град. Мало того, что ждал, – еще и заправлялся, попутно поглощая какие-то углеводы, растворенные в воде, какой-то продукт переработки... нефти, что ли... не понимаю.

Я снова начал презирать – так крепко я еще никогда не презирал. Еще бы – мы работаем, терпим, когда градины падают нам на корпуса, а он сбежал, подумаешь, неженка. Струсил. Обыкновенно струсил, как не трусил еще никто из нас. Испугался мелких градин, забился под станцию, забывая о своей работе. Тру-ус... Уж в чем-в чем, а в этом я отказать себе не мог – проехал мимо станции, обдал проклятый вездеходишко потоками грязи вперемешку с градинами и песком. Экскаватор закрыл башню ковшем да так и стоял и даже не ответил ничем, видно, чувствовал, что он трус.

Среди нас – трус.

Ничего в этой жизни не понимаю.

– Видали труса? – так я сказал Графографу, имея в виду вездеход, который сбежал. – Мы все работали, когда он спрятался, а он сидел на станции и ничего не делал. Он как будто не понимает, что мы пришли сюда исследовать и умирать.

– Ошибаешься, – Графограф стал неожиданно серьезен, – он-то как раз пришел сюда не для того, чтобы умереть. Он. он как будто не должен умирать, не имеет права. Тут на моем веку уже сменилось три Рукоята, четыре Глаза, шесть собирателей грунта. А он жив и всегда будет жив, этот никчемный вездеходишко.

– Но почему? Почему именно он? – Острая несправедливость обожгла меня. – Почему один из нас должен жить вечно, а мы должны умирать? Почему бессмертны не я, не ты – а он?

– Не знаю, – признался Графограф, – я это исследовать не могу, а потому не знаю. Да и вообще, изучает – кто? Глаза, уши, магнитные радары, локаторы... только ничего не понимают.

– А понимает кто? – не отставал я. – Компьютеры, что ли?

– Вот он понимает, – Графограф ткнул острым самописцем в сторону паршивого вездеходишки, – у него и спроси.

Может, на этом бы все и кончилось, если бы я не увидел ползущего из-за холма Рукоят, – но я встретился с ним и понял, что отступать нельзя. Я, конечно, был создан не для того, чтобы думать, – но немножко думать я все-таки умел, как раз столько, чтобы выжить в этом мире. Я вспомнил падающие градины, машинку, спешащую к укрытию, и понял.

– Вот что, друг, – я подцепил Рукоят своим ковшом, – я знаю, как его убить.

Я думал, он будет спрашивать: «Кого? Зачем? О чем ты говоришь?» – но он ничего не спрашивал. Он понял меня – и от этого стало как-то не по себе, что он меня понял.

– Камень, – пояснил я, – он боится тяжелых камней, и если бросить на него тяжелый камень, он будет сломан. Если только нам не подsunут еще одну такую машину, как только сломается эта...

– Не подsunут, – заверил меня Рукоят, – таких машин больше нет, можешь не сомневаться, это какой-то бракованный экземпляр. Правда, Ухо говорил что-то о городах, где полным-полно таких машин, но что-то я ему не очень-то верю... Пойдем.

– Прямо... сейчас? – опешил я, увидев в рукоятке Рукоят тяжелый камень. Я тоже взял камень – наверное, и вправду нельзя было медлить, а то вездеход обо всем догадается, уйдет от нас.

Он стоял так, что нас не воспринимал, и можно было подкрасться незаметно. Я поднял над ним свой камень, Рукоят вскинул могучую руку.

Но тут над нами хрипнуло и забормотало радио, и заговорило такое, что я забыл и про вездеход, и про камень, и про все на свете. Потому что радио проснулось и забормотало то же самое, что говорило всегда: приказы, которые нужно исполнять. Оно и на этот раз объявило приказ – но такой, от которого становилось жутко.

Все мы разом посмотрели в глубокую пропасть, темную, загадочную, со дна которой поднимался черный пар. Пропасьть – в которую было страшно заглянуть, не то что приблизиться к ней, и со дна пропасти поднимались белые звезды. Пропасьть, в которой бурлили неизвестные кислоты и сияющими пучками извивались в глубине магнитные поля. Магнитные поля знают, по какой трассе им бежать, по каким шоссейным дорогам – невидимым, невесомым.

И кто-то, кто говорил приказы, велел нам спуститься в пропасть, и увидеть пропасть, и познать пропасть. Хотелось добавить: «И умереть в ней» – потому что выбраться оттуда был один шанс из тысячи. Из миллиона. Кто-то должен был пойти туда – и умереть. Может быть – выжить. Мы все смотрели друг на друга и ждали, и время шло, и всем было неловко. Наконец Рукоят всколыхнулся, медленно пополз к пропасти, заглядывая незрячими фарами в ее глубину, и мелкие камушки сыпались из-под его колес. Не пройдет, думал я. Рукоят уже и сам понимал, что он не пройдет, отступил, стыдливо присоединился к нам, делая вид, что ничего не произошло. Он, конечно, здесь ни при чем, это вообще не он. И...

Вышел Телескоп – у Телескопа были тонкие ножки, он мог карабкаться по камням и даже залезал на высокую гору. Но Телескоп не смог одолеть пропасть, беспомощно заскользил по песку. Все почему-то посмотрели на меня – как на новичка, которому еще нужно было себя проявить, и проявить достойно. И показать, на что ты способен. Я понял, что от меня

чего-то ждут, что нужно встать и выкатиться вперед, и спуститься туда, собрать тяжелые камни, исследовать грунт. Я должен был показать им, что я тоже не робкого десятка, и если мне дали приказ, я его выполняю. Можете не сомневаться. Можете...

Я осторожно начал спускаться, чувствуя, как опора ускользает из-под ног. Крутая дорога до обрыва была слишком длинна – будь она чуть покороче, я бы ее одолел. И если бы внизу склон не обрывался в пропасть так быстро и резко. Если бы. Нет, не одолеть. Как странно: хочешь спуститься по склону – и не можешь заставить себя сделать ни шагу. Что-то будто подсказывает тебе, что спуститься невозможно. Я вернулся к остальным – я думал, что надо мной будут смеяться, называть трусом, – но никто не шелохнулся, все как будто понимали, что сделать ничего нельзя, что никто не сможет спуститься. Да, на этот раз нам дали слишком невыполнимый приказ, как будто приказы могут быть слишком и не слишком невыполнимыми.

И тут мы все разом вспомнили о нем – так сильно, что не будь его рядом, он появился бы все равно. А он был, он сидел там, у входа на станцию, усмехаясь, смотрел на нас. Он – который не должен был умирать. Никчемный вездеход как будто смеялся над нами, радовался тому, что все мы умрем – упадем в пропасть, завязнем в трясине, погибнем под метеоритным дождем. А он будет жить. Как же мне хотелось огреть его ковшом, разбить эту конструкцию, годную только на то, чтобы собирать мусор. А он.

Как будто услышав наши мысли, он вышел из своего укрытия. Он посмотрел на нас на всех так, как мог смотреть только он – насмешливо, презрительно, – и ироничные огоньки мерцали в его тусклых прожекторах. «Эх вы», – казалось, говорил он, шагающий экскаватор неизвестной модели. Универсальная машина, которая не сегодня-завтра переплюнет нас всех. Я уже догадывался, что сейчас будет делать этот, с разъемным ковшом, уже не удивился, когда он махнул рукой вездеходу (стой здесь) и начал осторожно спускаться в пропасть. Вот так – бережно-бережно, растопыривая все свои манипуляторы, скользя по осыпающимся камням. Да, знай наших, хорошо тем, кто не имеет колес, как я и он...

Но почему он не берет с собой Малый и Большой Глаз, почему он не берет наше Магнитное Ухо? Я знаю, что тебе не нужен самописец, но неужели ты сам запечатлеешь все, что увидишь там? Магнитное Ухо тоже был удивлен, подал ему знак – возьми меня с собой, подними меня с земли, я сам не могу, но Универсальный нас как будто не слышал. Он осторожно спустился по склону до туманов, до того последнего рубежа, за которым открывалась бездонная пропасть. Я бы не удивился, если бы этот вездеходик пополз и в пропасть, – ползал же робот с присосками по отвесной стене!

Нет, не пополз, замер на краю, глядя в туманную даль, в голубые звезды, фиксируя что-то своими самописцами. Он сидел так долго, очень долго, мне казалось, у него давно кончилось горючее, я даже забыл нашу недавнюю вражду, принес ему углеводы, бросил по склону. Он ловко поймал пакет и качнул круглой башней – я так и не понял, зачем. А потом снова повернулся к звездам и смотрел долго-долго, нам надоело ждать его, и мы ушли в дальний котлован, и Рукоят нарыл в нем огромных камней, и построил из них красивую башню, и Пульверизатор украсил ее нарядным узором, и все мы вертелись вокруг башни, радуясь, какая она большая и красивая. Стемнело, потом снова рассвело, потом снова стемнело, а шагающий экскаватор так и не возвращался. Когда солнце снова поднялось над нами, я не выдержал, сказал друзьям, что не хочу больше играть в башни и пойду посмотрю, что делает Универсальный. Друзья были удивлены – разве можно рисковать жизнью, если не получил приказа?

Тогда я снова перессорился со всеми шагающими, а те, кто были на колесах, поддерживали меня. Туманы все так же невозмутимо ползли по своим невидимым трассам, и звезды летели по своим невидимым шоссе – как только эти небожители находят маршруты, как воспринимают небесные дороги, которых не видим мы? Вот это я понимаю, вот это навига-

ция – и солнце всегда находит дорогу в небесах, а ведь там как будто и шоссе нет. Туманы. обрыв казался мне еще круче, бездна – еще глубже, еще непонятнее. Шагающий экскаватор лежал на боку, положив ковш на свои записи: его прожектора были плотно закрыты какими-то шторками – странное приспособление, мне непонятное. Лежал... ну что же, лежи в отключке, если тебе так надо, перезаряжай свои батареи, или обрабатывай данные, или что ты там делаешь, лежа по восемь часов подряд...

Я хотел оставить его, но тут что-то произошло: конечно, я кое-что слышу, и теперь я слышал, что мотор в Универсальном не стучит. Вот и хорошо, перестал барахлить, тебе эта встряска в пропасти пошла на пользу. Барахлить... а откуда я знаю, что он барахлит, может, это механизм такой, который должен стучать, пока работает? Может... может... А вентиляция-то у него тоже заглохла, чего никогда еще не было, и вот еще что: снег падает на корпус и не тает, вон его сколько уже намело. Значит, двигатель был разряжен полностью, и странно, что этот ходун с системой автозаправки не зарядил себя. А я ведь не знаю, как его заряжать, и никто из нас не сможет этого сделать. И до чего же страшно спускаться в пропасть, скользить по песку, видя, что перед тобой – пустота. Ничтожный шанс дойти до обрыва, выбраться обратно – и этот шанс принадлежал мне. Я подхватил машину – один раз прикоснулся к ней, жесткой и твердой – выволок с обрыва, положил на землю, боясь повредить микросхемы, которых там было великое множество.

– Ну что же, пойдем к нам! – Ухо выскочил из-за холма, будто собирался нападать. – Рукоят построил стену, любо-дорого посмотреть, побольше Китайской будет!

– Ты вот на это посмотри, – я указал на машину, лежащую на земле, – он разрядился, начисто разрядился, а как его подключить, я не знаю.

– Подключить? – Ухо остановился, направил свое большое ухо на странный механизм. – Вот оно как выехало. Ты его уже не подключишь, он. он все уже. Это невозможная система. Как Глаз, погибший в низинке. Я и не думал, что эта машина тоже послана сюда, чтобы познать и умереть.

– Умереть? – я не верил ему, не хотел верить. – Откуда ты знаешь? Ты что, открывал его мотор, рылся в микросхемах? Я даже не знаю, как его открыть.

– А я знаю, я видел... я раньше работал там, где было много таких машин, больше, чем нас тут. Их. их уже невозможно починить, если они сломаются. Я видел, как два таких вездеходика упали с большой скалы и разбились, смазка у них внутри была какая-то странная, с красителем. красным, а потом эта гадость вытекает из них, становится бурой. Их даже в переплавку пускать не стали, просто закопали в землю. Как радиоактивные отходы. Ты лучше вот о чем подумай. Ты... записи его взял? Ведь это же самое главное, то, ради чего он умер. Око! Хорошо любоваться башнями!

Но Око уже и так спешил сюда, а за ним и все остальные, потому что поломка, которую нельзя починить, – это что-то особенное.

– Да ты посмотри-ка, – я сам не понял, как рядом оказались Самописец, Графограф, Компьютер и прочая нечисть, которая умела читать, – он. он действительно увидел все это. Он почувствовал эту пропасть и разгадал ее, как не разгадал бы никто из нас.

– Универсал...

– Да, только он один здесь умел не только видеть и слышать, писать и считать, но и. – он запнулся, не мог подобрать понятие. – Составлять единую картину мира, что ли. Видеть то, чего не видел никто из нас, чувствовать, понимать этот мир, будто он был частью этого мира, а мы чем-то извне.

– Конкурент, – подытожил Рукоят, делая вид, что разглядывает записи, – если такие начнут штамповать на конвейере, мы здесь долго не продержимся, нас пустят в лом, как негодный хлам. Ну что же, давайте будем по-ми-нать, как учил нас сломанный. Сделаем круг почета, расскажем, какой он был.

– Какой круг почета? – Мне захотелось наброситься на этот железный хлам, перебить их всех своими ногами. – Но ведь его можно починить! Я знаю, все сломанные машины увозят на базу, а там их чинят, там есть запчасти и мастера, и для него тоже найдутся запчасти. И зарядят его, как положено.

Со мной не соглашались, меня пытались остановить – я их не слушал. Кажется, на этот раз я поссорился со всеми, что было совсем плохо, но мне было уже все равно. Сам не знаю, что со мной случилось, почему я отступил от программы, поехал на базу, хотя никто не приказывал мне ехать туда. Выпустил шасси, подхватил сломанный вездеходик и умчался на скорости четыреста километров в час, когда мир проносится мимо сплошной пеленой и всякий придорожный столб выскакивает из темноты, грозя разбить вдребезги. Потерпи, друг, тебя починят, потому что на базе чинят все. Я чувствую твои холодные манипуляторы на моей спине – ерунда, тебя подключат к розетке, и ты будешь как новенький. Я чувствую, как твое топливо течет по мне темными струями, – ерунда, в тебя зальют новое топливо, и ты будешь исследовать миры. Мы же не знали, что ты – универсальная машина, которая может все, что ты стоишь над нами над всеми, как компьютер на калькуляторе. Когда ты снова будешь ходить и работать, я первый скажу тебе, что ты мой господин.

– А я говорю вам, что это полный бред: в наше время все делают машины – они изучают мир, покоряют мир, и никакой человек их не переплюнет. Уж не скажете же вы, что познаете атом лучше, чем компьютер с электронным микроскопом?

– Да, профессор, именно так.

– Без году неделю аспирант, а туда же. Может, человек и вселенную познает без магнитных ловушек и эолокаторов?

– Да, профессор. Человек чувствует вселенную. Когда ночью лежишь на земле и смотришь в небо, ты узнаешь о нем все. Ты сливаешься с ним и познаешь его, и никакие приборы здесь тебе не помогут, только твоя душа. Нужно только понять, что ты увидел и почувствовал, понять самого себя.

– Правильно, мой дорогой ученик, и для того выбросить на помойку всю технику, а заодно и все машины, и ходить пешком.

– Я видел к западу отсюда такие скалы, что ни одна машина не заберется туда. Природа уже создала универсальную машину, и нам ее не переплюнуть. Потому что тут, знаете, надо. не видеть, не слышать и не фиксировать какие-то там кванты, а чувствовать. А машина чувствовать не умеет.

Люди, наблюдавшие спор, слышали на шоссе рев двигателя – и полминуты спустя базу ворвался автоматический вездеход для сбора грунта. Машина давно обанкротившейся фирмы, от которой не сохранилось даже названия. Люди были удивлены, потому что машины никогда не приезжали сюда порожняком, тем более – в неурочное время. И совсем непонятно было, почему в ржавом ковше вездехода лежит человек – белый, засыпанный снегом, а волосы его покрыты инеем.

Машина тоже ничего не понимала – почему окружившие ее шагающие не спешат починить сломанный механизм, что значат короткие слова: «Сердце отказало. Сосуды лопнули. Кажется, попал в потоки размагничивающих волн». Ну так намагнитьте его снова, долго ли запустить это самое сердце, где у него там кнопка? Но почему эту машину заворачивают в белую ткань, почему уносят куда-то – должно быть, на склад? Вездеходы склоняются над записями, кто-то восторженно вертится вокруг, истошно крича: «Я говорил, что машины могут все, что наступает машинная эра, где человеку останется только пожинать плоды их труда! Эти расчеты мог сделать только искусственный интеллект!» Люди разошлись, кто-то ликовал, кто-то обиженно нахохлился, кто-то с пеной у рта доказывал, что эти записи сделаны не машиной, а человеком, но его никто не слушал...

Они разошлись – а я еще долго стоял, не понимая, почему на базе не смогли починить универсальную машину, а ведь такая хорошая машина была...

Константин Ситников

Заговор старичья

Рассказ

Затянувшаяся прелюдия

Меня разбудил треск мотоциклов со снятыми глушителями. Он доносился через открытую балконную дверь и сопровождался молодецким гиканьем. Экран на окне спальни был опущен, и я не сразу понял, что уже день. Натянув трусы, я прошлепал босиком в кухню, налил стакан воды из-под крана и вышел на балкон.

Под отелем размещался магазин готовой одежды, выходивший витриной на улицу, его плоская крыша служила балконом для апартаментов, расположенных под моими. По утрам на него выходила высокая, крепкая старуха в закрытом купальнике и пила кофе по-турецки. У нее были тощие бледные конечности с висящими мешочками кожи, покрытой старческими веснушками. Не знаю, почему я вспомнил о ней.

Вереница бородатых школьников и грудастых школьниц на мотоциклах и мотороллерах медленно, в два потока, двигалась справа налево. Мотоциклы взрывали, рывкали клаксоны. Черные школьные брюки и юбки, серые рубашки и блузки юных киприотов были изрезаны на длинные полосы, развевавшиеся на ветру. Голые ляжки густо исписаны символами свободы. В руках баллоны с раструбами, из которых они расстреливали прохожих густой пеной, похожей на взбитые сливки.

Я стоял на балконе, попивал воду и думал о том, что на острове, должно быть, начались каникулы.

Когда я спустился вниз, администратор за стойкой протянул мне вырванный из блокнота листок. Это был лысый старик в рубашке с короткими рукавами, его обрюзгшие, поросшие серебристой щетиной щеки, тяжеловатый подбородок и нос с мраморными прожилками говорили о скрытности. Помедлив, я взял записку, отошел к стеклянным дверям и прочитал накарябанные рукой администратора английские слова: «Сынок! Почему бы тебе не прогуляться к Соленому озеру сегодня после обеда». Именно так, без вопросительного знака. И подпись внизу: «Мамуля».

Прочитав подпись, я обернулся в сторону администратора. Мне показалось, он ухмыляется. Скорее всего, это был просто старческий тик. Если бы он увидел Мамулю, его бы еще не так перекосило.

Я спрятал записку в карман майки, открыл стеклянную дверь и вышел под арку. Кавалькада школьников проехала, не оставив после себя ничего, кроме клочьев пены на каменных плитках. Две старухи в черном торопливо прошли в ту сторону, где исчезли мотоциклисты. Я подумал, что в последние дни их стало значительно меньше на улицах города. В стране приняли новый закон о пожилых людях. Им бесплатно предоставлялись земельные участки и жилье за чертой города, на бывших британских колониальных территориях. Кто-то из оппозиции называл это резервациями для стариков. Это все, что я с моим скудным греческим смог почерпнуть из местных новостей.

Я позавтракал в «Ромеос». Старик-повар сказал, что это его последний день в Ларнаке, чемоданы уже собраны.

В одиннадцатом часу утра я отправился на пляж. Мне нужно было убить время. С каждым шагом воздух свежел, появился ветерок, он трепал разноцветные лепестки матерчатых зонтов над ресторанными столиками. Не успел я пересечь Пальмовую аллею, как по

дороге за моей спиной снова с треском и гиканьем промчалась кавалькада школьников в развевающихся лохмотьях, только теперь молодые лоботрясы спешили в обратную сторону. Никто не обращал на них внимания.

Позади торговых тентов, ломящихся от орехов, сухофруктов и сладостей из патоки, озабоченные монтировщики возводили странное сооружение, похожее на стапеля для запуска ракеты. Со вчерашнего дня здесь произошли большие перемены. Появились ряды белых пластмассовых креслиц, ориентированных на некий, незримый пока, центр. В крайнем из них сидела девушка топлесс, в белой панаме и темных очках. Она молча убрала ноги, когда я проходил мимо.

Повсюду пестрели плакаты с одним-единственным словом – красным на черном фоне: «Катаклизмос».

Катаклизмов мне только не хватало.

Я спустился к блестящей воде. Солнце поднималось над крышей отеля «Пафос». Все пространство от старинного портового форта до сложенного из крупных булыжников мола было усеяно разложенными лежаками, синими и зелеными, по большей части пустыми. Море было серым и неприветливым. Сырой ветер пронизывал насквозь, и я не удивился, что никто не спешит лезть в воду.

Со стороны мола приближалась спортивным шагом стройная парочка в шортах и майках. Было приятно смотреть на эти молодые, сильные особи человеческой породы, на их мускулистые ляжки и плоские животы. Когда они поравнялись со мной, я увидел, что это пожилая пара. Супруги выглядели просто замечательно для своих семидесяти.

Я повернулся к морю спиной и зашагал обратно. Девушка в темных очках будто того только и ждала. Она достала сигаретку и обратилась ко мне за огоньком. Я дал ей прикурить. Вблизи ее лицо выглядело так, будто ее хорошенько отделали неделю назад.

– Что, так заметно? – обеспокоенно спросила она, прикасаясь пальцами к желтоватым синякам на скуле, и пояснила: – В прошлом месяце я сделала пластику. Коррекция линии подбородка, ничего особенного.

Она подняла стекла своих очков, чтобы я мог видеть ее глаза. Девушке было под сорок, и теперь я не понимал, как мог принять ее ноги за девчоночьи. Она была в шортах, белых носочках и кроссовках, и у нее совсем не было груди, если не считать грудью пару плоских мальчишеских сосков. Ее глаза выглядывали из-под панамы испуганно, как два пойманных мышонка.

– Я давно наблюдаю за вами, – сказала она, стряхивая пепел сигаретки в песок и одновременно облизывая пухлые губы розовым язычком. – Вы из «Элеоноры», верно?

Я сделал неопределенный жест.

– Вы единственный живой человек среди мертвецов, – тоскливо сказала она. – Заходите как-нибудь поболтать. Я остановилась в «Пафосе». В тысяча двадцатом.

Несостоявшееся randevu

В половине второго я нацепил наплечную кобуру, надел костюм, повязал перед зеркалом галстук под цвет сорочки, побрызгался одеколоном и вышел из номера.

Возле стойки администратора я столкнулся со старухой снизу. У нее были пышные бледно-фиолетовые волосы. Она улыбнулась мне, показав полный рот добротных зубов. Это было так неожиданно, что я растерялся, как если бы мне улыбнулся телеграфный столб. Она была значительно выше и массивней меня, с хорошо развитой грудной клеткой и столь же зачаточной грудью, как у моей новой пляжной знакомой. Ей было лет восемьдесят, но одета она была в высшей степени легкомысленно. На ней были серая майка с красной ниткой

и длинная цветастая юбка поверх зеленого купальника, вблизи дряблая кожа рук казалось обожженной, настолько она была веснушчатой.

– На прогулку? – спросила старуха низким, лишенным всяких эмоций голосом. Так могла бы разговаривать ожившая мумия.

Я ответил в том смысле, что типа да. Она улыбнулась еще шире, словно хотела показать, что у нее все тридцать шесть зубов. Пропустив меня к стойке администратора, она прошептывала к дверцам лифта и зашла внутрь. Я вручил ключ лысому старику с мраморным носом и попросил его вызвать такси.

Водителем такси оказался вертлявый хохол Славик, приехавший из Донецка на заработки. Он принадлежал к тому племени таксистов, которые вечно всем недовольны. С силой ударяя по рулевому колесу раскрытыми ладонями, он всю дорогу доказывал мне с убежденностью религиозного фанатика:

– Здесь никто никогда ничего не заработал. Я не говорю за себя, я говорю за тех молодых идиотов, которые рассчитывают наколотить бабок, а возвращаются на родину в тех же старых джинсах, в каких приехали.

Мы свернули на перекрестке с фонтаном, выехали на трассу, и Славик со злостью пнул педаль газа.

– Я объясню тебе, в чем дело, парень, – продолжал он, не прерываясь ни на минуту, как будто его речевой центр работал от батареек «Duracell». – Молодым не на что рассчитывать. Повсюду старики. Ну ничего! Теперь все изменится. Теперь заживем! Что ты лыбишься? – вдруг вскинулся он, глядя на меня белыми, как вареные белки, глазами. – Нет, что ты лыбишься?

Он резко притормозил на обочине и сделал знак, чтобы я выметался. Заплатив по счетчику, я так и сделал. Он тронулся, не дав мне времени на то, чтобы захлопнуть дверцу, и развернулся поперек движения, как будто ему была не дорога жизнь. Он возил с собой свой маленький апокалипсис.

Я остался один на пустом шоссе. Впереди было море и международный аэропорт Ларнаки, по правую руку Соленое озеро и далекие горы на горизонте. Вдоль берега на холмах располагалась военная база, обнесенная высоким дощатым забором. Многочисленные знаки запрещали фотосъемку и призывали помнить 1974 год. Все равно что призывать помнить, как ты прилюдно обделался.

Мимо то и дело проносились такси – полные в сторону аэропорта, пустые в сторону города. Туристы в спешке покидали остров. Я перелез через покореженную шпалу ограждения и спустился к озеру. Оно уже начало высыхать.

Прогулочная тропинка была пуста. Я поглядел на солнце, высокое и горячее, раздумывая, что делать дальше. Легко сказать «прогуляйся к Соленому озеру». За все время пребывания в Ларнаке я так и не удосужился побывать здесь... Я не ожидал, что озеро окажется таким большим. Оно тянулось от военной базы на холмах почти до самого моря и загибалось к югу, на том его берегу виднелся купол мечети. Я знал, что там похоронена тетка Пророка, но это не делало меня счастливей.

Чтобы не стоять на месте, я двинулся вперед по тропинке. Постепенно она сворачивала направо, удаляясь от шоссе, и вскоре по левую руку от меня уже тянулись заросли декоративного подсолнуха, за которыми виднелся широкий край пересыхающего озера. Холмы, поросшие непроходимым кустарником, становились все выше, воздух все горячее. Теперь до воды было метров сорок – сорок метров обнажившегося, высохшего и растрескавшегося озерного дна.

Тропинка свернула налево, следуя за береговым изгибом, и пошла на подъем. Теперь она вся лежала передо мной, как на ладони, белая и блестящая. И пустая, как дорога в Эммаус на третий день.

Я уже начал сомневаться, что правильно понял Мамулину записку, как вдруг услышал за спиной быстрые, легкие шаги. Кто-то догонял меня. На мгновение меня охватила ни на чем не основанная уверенность, что это окажется моя новая пляжная знакомая.

На тропинке появилась миниатюрная женщина в спортивном костюме, она дышала сильно и ровно. Не обращая на меня внимания и не задерживаясь, она пробежала мимо, ее кроссовки мелькали в завораживающе быстром ритме. Что-то звонко стукнуло на грани слышимости. Я глянул под ноги и увидел пластмассовую капсулу, закатившуюся в мелкую выбоину. Я машинально поднял ее. Внутри была свернутая в трубочку записка: «Убей старуху».

Дешевый триллер

Две недели назад, в Москве, Мамуля вызвала меня к себе и сказала:

– Назревают события. Тебе придется лететь на Кипр. Пока я еще не знаю, что там произойдет. Но что-то должно произойти.

– Что мне делать? – спросил я.

– Ничего. Купаться, загорать. Приглядываться. И ждать указаний.

Это было сложнее всего. Еще хуже было то, что я не знал, на кого работаю. Мамуля тщательно оберегает своих агентов от этого ненужного знания. Подозреваю, если бы мы знали, на кого нам приходится работать, мы бы не могли принимать еженедельные конвертики с прежним благодушием.

«Убей старуху». Вот так просто, ни с того ни с сего. Входя в отель, я еще не знал, что буду делать. Я словно переключился на автопилот.

Взяв ключ у администратора, я поднялся на третий этаж, вышел из лифта и, повернув за угол, двинулся по коридору. Еще не доходя до своих апартаментов, я понял, что что-то случилось. Что-то очень скверное. Не знаю, на чем основывалась моя уверенность. Если хотите, назовите это предчувствием. Таблички на двери не было, значит, горничная уже прибралась и повесила ее с внутренней стороны. Но не в этом дело. Дверь была приоткрыта, и из-за нее доносилось гуденье. Мерзкое такое гудение. Слишком хорошо мне знакомое. Такое гудение стоит на базаре, в мясном отделе, когда разделявают тушу.

Прежде чем войти, я обмотал руку носовым платком и только после этого толкнул дверь внутрь. Гудение стало более явственным. Оно доносилось из гостиной. Я вспомнил, что не закрыл балконную дверь. Несколько секунд я стоял, раздумывая, что делать дальше. Если бы я был немного умнее, я спустился бы вниз и поднялся обратно вместе с администратором. В данный момент даже мраморные прожилки на его носу не казались мне такими уж отталкивающими. Я прикрыл за собой дверь и заглянул в гостиную.

Тело лежало на полу, между стеной и кухонной стойкой. Это была давешняя старуха, моя соседка снизу. На ней была все та же серая майка с красной ниткой, обильно намокшая на спине, длинная цветастая юбка задралась, обнажив набедренный целлюлит. Старуха лежала лицом вниз, между лопаток у нее торчал разделочный топорик. Я попытался и не мог вспомнить, был у меня этот топорик или нет. В Ларнаке я покупал мясо уже разделанным.

Я прислонился спиной к дверному косяку и стал размышлять, кто мог меня опередить. И почему в моих апартаментах? И еще: если Мамуля хотела, чтобы я убил старуху, зачем тогда ей понадобилось посылать меня к Соленому озеру? Я знал, что не должен заикливаться на этом, но ничего не мог с собой поделать. И чем больше я думал об этом, тем меньше мне нравилась вся эта ситуация.

И тут телефон в моем кармане ожил. Звонили с незнакомого мне номера. Бодрый юношеский голос посоветовал по-английски:

– Не делайте глупостей, мистер. Мы контролируем каждый ваш шаг.

Реплика была явно из дешевого триллера. Но лучше бы этот бодрый юноша не подавал ее. Он выдал себя с головой. Отвечая на звонок, я стоял спиной к балконной двери, ну и что с того? Я готов был поставить сто против одного, что юнец пристроился с биноклем в чердачном окошке дома напротив. Слегка повернув голову, я уловил уголком глаза блеск линзы под черепичной крышей и внутренне усмехнулся.

Я мог бы сказать этому доморощенному пинкертому, что он попался, но вместо этого я произнес то, что он ожидал услышать:

– Кто вы? Откуда вы знаете меня? Что все это значит?

Он опять начал что-то вякать в трубку, но я почти не слушал его. Засыпая своего невидимого собеседника ничего не значащими вопросами, я в открытую прошел в прихожую и распахнул дверь ванной, чтобы показать, куда направляюсь. Дальнейшее было делом техники. Оставив дверь распахнутой, чтобы наблюдатель не мог видеть моих передвижений, я покинул номер. Мне понадобилось полминуты, чтобы дважды перемахнуть через лестничные перила и выскочить через стеклянную дверь на улицу. Еще полминуты ушло на то, чтобы взлететь на чердак дома напротив. По пути мне попался хозяин дома, и я сунул ему в руки продолжавшую гундосить мобилу. Руки были нужны мне свободными.

Перед тем как выбить чердачную дверцу (она была заперта изнутри), я достал пушку. Отойдя на четыре шага, я придал телу ускорение и пнул дверь. Она распахнулась внутрь, и я влетел в чердачное помещение. Там находилось трое. Один юнец пристроился у окошка с биноклем в руках. Второй, по самые глаза заросший черной бородой, вышагивал с телефонной трубкой от стены к стене. Крупная девушка сидела на диванчике. Все лицеисты, судя по школьной форме. Они не успели ничего понять и смотрели на меня, как на привидение.

Я прикрыл за собой дверцу, повисшую на одной петле, подпер ее спиной и спрятал пушку.

– Значит, так, ребята, – сказал я, – у вас есть сорок секунд, чтобы объяснить, кто вы, кто велел вам следить за мной и кто убил старуху.

– С чего вы взяли, что нам кто-то что-то велел? – пробасила девушка.

На это я и рассчитывал. Трудно быть молодым и не обижаться на слова.

– Десять секунд прошло, – сказал я, пропуская ее риторический вопрос мимо ушей. Через полминуты хозяин опомнится, поднимется за мной на чердак и начнет барабанить в дверь. – Если через двадцать секунд я не услышу ответ на все три вопроса, придется все рассказать вашему папаше.

Девушка фыркнула, как кошка. Бородатый вскинул голову и звонко выкрикнул:

– Нет, пусть он знает! Да, это сделали мы. Мы – «Молодые силы Возрожденного Кипра». А вот на чьей стороне вы, мистер? На стороне старичья?

Он мог сказать еще что-нибудь полезное, но в это мгновение в дверь за моей спиной посыпались удары. Больше здесь мне делать было нечего. Мне вовсе не хотелось, чтобы меня обвинили в вооруженном нападении и попытке ограбления. Я впустил готового лопнуть от злости хозяина (явно папашу одного из этих не в меру прытких юнцов), забрал у него мобилу и вышел на улицу.

В отеле администратор протянул мне записку: «Молодец. Мамуля».

Ночные гости

К вечеру небо над морем заволокло синими облаками, и на спасательной вышке вывели желтый вымпел штормового предупреждения. Торговые тенты были закрыты и затянуты темной пленкой. Странное сооружение на пляже выросло еще метров на пять. Теперь оно напоминало гигантское яйцо, которым собирался позавтракать местный Гаргантюа. Он уже обколотил его специальной серебряной ложечкой, счистил аккуратно скорлупу с острого

конца и теперь ненадолго отлучился, должно быть, за солью. Я пару раз обошел сооружение вокруг, ведя ладонью по теплым пластиковым щиткам. Они были так хорошо подогнаны, что стыки едва ощущались. Хотел бы я знать, что за аттракцион здесь планируется.

В отель я вернулся в десятом часу вечера. Администратор подал мне ключи и указал взглядом на фойе. Я не забыл упомянуть, что глаза у него тоже были с мраморными прожилками? Повернув голову в ту сторону, куда он указал взглядом, я увидел давешнюю троицу школьников в полном составе. Они сидели перед телевизором на низких кожаных диванчиках, расставленных по периметру фойе греческой буквой «пи». Почему-то они напомнили мне средневековую коллегия инквизиторов. Запахло жареным.

– Молодые люди ко мне? – спросил я, обращаясь в пространство между стойкой администратора и телевизором, где мелькали кадры эвакуации (или лучше сказать – депортации?) стариков из города.

Они нестройно поднялись. Кабина лифта была явно тесновата для четверых. Пока мы поднимались на третий этаж, я лишний раз убедился, что киприотские лицеисты напрочь не признают дезодорантов.

Как я и предполагал, труп в гостиной уже не было. Чего нельзя было сказать о его запахе. Хотя, вполне возможно, у меня просто разыгралось воображение. Исподтишка я наблюдал за тем, как поведут себя молодые люди. Я почему-то был уверен, что они впервые переступили порог этих апартаментов. Они сгруппировались в прихожей и, набычившись, смотрели на меня.

Я указал им на кресла в гостиной, а сам прошел в спальню и переоделся. Мне до смерти надоели костюм и галстук. Наплечную кобуру я тоже снял. Когда я вышел из спальни, гости о чем-то спорили по-гречески. При моем появлении они замолчали и уставились на меня в шесть оливок. Я подошел к холодильнику (для этого мне пришлось миновать место, где так недоставало очерченного мелом контура), открыл дверцу, достал упаковку баночного пива и поставил ее на журнальный столик перед диваном.

– Мы не пьем, – пробасила девушка.

Она сидела на диване, натянув край черной юбки на пухлые колени. Серая школьная блузка была узковата для ее форм, и в прорехи между пуговицами, которые вот-вот готовы были оторваться, виднелся похожий на две наволочки холщовый лифчик.

– И вообще, мы не для этого пришли, – подал реплику бородатый. Поговорка «в ногах правды нет» была придумана явно не для него.

– Мы пришли, чтобы серьезно поговорить с вами, – подтвердил второй, любитель посидеть с биноклем у чердачного оконца. Он занял удобную позицию в балконных дверях.

– И о чем же у нас с вами будет разговор? – Я отделил от упаковки одну банку, открыл ее и опустился в кресло. Ноги у меня гудели, с половины второго я так ни разу и не присел.

– Прежде всего, мы должны извиниться перед вами, – сказала девушка.

– За то, что не сразу поняли, что вы на нашей стороне.

– Мы думали, вы за старичье.

Они что, так и будут говорить по очереди?

– А я на вашей стороне? – на всякий случай уточнил я. На этот раз очередность реплик была нарушена.

– Конечно, – убежденно проговорил бородатый, – мы с вами делаем одно благое дело. Ведь вы тоже против засилья старичья?

Это прозвучало как утверждение, но с легким намеком на вопрос. Я решил не поддаваться на провокацию.

– Что вы хотите от меня?

– Чтобы вы открыли карты. Мы понимаем, что вы не можете открыться нам полностью. Этого мы и не требуем. Нам достаточно будет, если вы просто скажете, что вы с нами.

Я отхлебнул холодного пива.

– Для этого я, как минимум, должен знать, кто вы и кто за вами стоит. – Я нарочно употребил это дурацкое выражение: молодежи нравится. – Уяснив это, я хотел бы услышать, откуда вы узнали про меня и чем вам помешала старуха. Ну и, наконец, было бы неплохо услышать о том, кто ее ухлопал. Начните по порядку.

Юнцы переглянулись, после чего обратили взоры на девушку. Девушка кивнула.

– Как мы уже говорили, – начал бородатый, – мы – организация «Молодые силы Возрожденного Кипра». Наша главная цель – освободить страну, а в перспективе и всю планету от главного врага, от страшного спрута, опутавшего своими щупальцами...

– Если можно, без риторики, – перебил я. – И желательно своими словами.

И они мне рассказали. Без риторики и своими словами. Если бы в том, что я услышал, было хоть десять процентов правды, то адепты теории мирового заговора могли заказывать торт и шампанское. Эти юные балбесы вбили себе в голову, что в стране, да и во всем мире, зреет заговор. Заговор старичья (так они это называли) против молодых, юных и здоровых.

– Вы посмотрите, сколько вокруг стариков, – горячился бородатый. – Они повсюду: в правительстве, банках, гимназиях. Молодым от них проходу нет. Человечество катастрофически стареет. Скоро молодежи не останется вообще. (Его слова показались мне странно знакомыми, где-то я их уже слышал.) Но главное даже не это. Раньше природа сама регулировала процесс старения человеческой популяции. (Он так и сказал.) А что теперь? Современная медицина, пластическая хирургия все изменили. Теперь женщины рожают после пятидесяти, а замуж выходят в семьдесят!

– Ну, хорошо, – перебил я. – Старика замышляют заговор против молодых. Но объясните мне, зачем им это нужно?

– Ну как вы не понимаете, – горячился бородатый, – они же все из ума повыживали, у них старческий маразм, вот они и злобствуют, завистью исходят – к нашей молодости, силе, здоровью.

– И что же вы предлагаете? – поинтересовался я. – Убивать всех, кому за пятьдесят?

За бородатого ответил любитель подглядывать в чужие окна:

– Если понадобится – да.

– Так это вы убили старуху? – напрямую спросил я. – Хотелось бы знать, куда вы дели труп.

Юный вуайерист нервно потер нос.

– Зря вы нам не доверяете, мистер, – сказал он. – Мы знаем, что это сделали вы. Но мы вас не выдадим. Каковы бы ни были причины, побудившие вас сделать это, объективно вы на нашей стороне. Заговор старичья – не бредни. Это такая же реальность, как банка пива у вас в руках. (Он умел подбирать сравнения.) Оглянитесь вокруг. Что вы увидите? Кругом одни старики. И что особенно гадко, все они косят под молодежь. Думаете, зачем они съезжаются сюда со всего света? Чтобы договориться. И эта старуха – она тоже была с ними. Мы давно за ней наблюдаем. Она одна из организаторов заговора. Поэтому, если бы вы не убили ее сегодня, завтра это сделали бы мы – «Молодые силы Возрожденного Кипра».

– Ну, хорошо, – устало сказал я, – предположим, вы правы. От меня-то вы чего ждете?
– Только одного, – ответила девушка, – чтобы вы продолжали спокойно работать. И что бы ни случилось, знайте: мы на вашей стороне.

Иногда они возвращаются

Проводив молодых людей до стеклянной двери, я задержался на несколько секунд в тамбуре, чтобы убедиться, что они ушли, после чего вернулся к стойке администратора. Я собирался попросить старика разбудить меня завтра пораньше, но увидел, что он разговаривает по телефону. Он прижимал трубку ухом к плечу, а свободными руками шарил в стойке, очевидно, в поисках бумаги и ручки. По его взгляду я понял, что звонит Мамуля. Я знал, что Мамуле это не понравится, но мне тоже многое не нравилось в происходящем. Я протянул руку, и старик безропотно отдал мне квакающую трубку. Я не стал дослушивать фразу.

– Мамуля, здесь Сынок. – Я говорил по-русски и мог не опасаться, что администратор нас подслушает. – Я требую объяснений. Какого черта вы послали меня на Соленое озеро? И что это за шутки с мобильной связью? Мне пришлось сорок минут пилить по жару.

Если Мамуля и была недовольна тем, что я вышел на прямую связь с ней, то не подала виду.

– Ну, прости, Сынок, – пробасила она в трубку. – Так было надо. У меня просто не было другого выхода. Тебе сели на хвост, пришлось что-то делать. Я ведь знаю твою нелюбовь к мокрым делам.

– Обязательно было делать это в моих апартаментах? – Вопрос был риторический, и на ответ рассчитывать не приходилось.

Секунду мы молчали, потом я спросил:

– Что это за бредятина про заговор старичья?

Мамуля ответила не сразу, а когда ответила, ответ ее показался мне неуместно легкомысленным. Как будто она была под кайфом.

– Не заморачивайся на этом, – сказала она. – Поднимайся наверх и ложись баиньки. Договорились?

На этом разговор был окончен.

Бросив трубку на стол, я двинулся к лифту. Потом вспомнил, что хотел попросить администратора разбудить меня, но мне почему-то расхотелось это делать. Я поднялся к себе, запер дверь изнутри, вошел в спальню и протянул руку к выключателю. Рука замерла на полпути. На моей кровати кто-то сидел. Экран на окне спальни до сих пор был опущен и в ней царил почти полная тьма. И все же можно было разглядеть массивную фигуру.

– Не зажигайте верхний свет, – произнес низкий, лишенный интонаций женский голос.

Массивная фигура на кровати сделала движение и спальня озарилась розовым светом ночника. Передо мной сидела старуха снизу, живехонька-здоровехонька.

– Не ожидали снова увидеть меня? – Мне показалось, в ее голосе прозвучала ирония. Скорее всего, действительно показалось. – А вы быстро отделались от этих сопляков. Молодчина.

– Как вы это проделали? – спросил я.

– Что именно?

Я кивнул в сторону кухни.

– А-а, это. Ничего особенного. Искусный муляж и пол-литра свежей свиной крови. С этим на острове никаких проблем.

– Но зачем? – изумился я.

– Разве не понятно? Чтобы сбить со следа. Слишком много внимания в последнее время к моей персоне. Еще вопросы?

Я кивнул.

– Где вы прятались? В бельевом шкафу? Под кроватью? – Я прекрасно знал, что при ее габаритах было невозможно ни первое, ни второе.

Она осклабилась, явно довольная моим недоумением.

– Не ломайте над этим голову, – посоветовала она. – У каждого свои маленькие хитрости. Лучше скажите, вы поверили тому, что говорили вам эти юные конспираторы? Я имею в виду заговор старичья.

– А следовало бы? – с вызовом спросил я. Она опять осклабилась, еще шире прежнего.

– Ну, это как посмотреть...

– То есть, – обалдело проговорил я, – вы хотите сказать, что все это может быть правдой?

Она ничего не сказала. Неожиданно легко поднялась с кровати и в два широких шага приблизилась ко мне. В ней было сантиметров сто девяносто, и с высоты своего немалого роста она заглянула мне в лицо. Глаза у нее были холодные, цвета запотевшего стакана. Неотрывно и гипнотически глядя мне в лицо, она подняла руку к голове, ухватила себя за пышные бледно-фиолетовые волосы и сняла их. Бросила парик на кровать. Голова у нее оказалась лысая и блестящая, словно полированная. Потом она начала яростно сдирать с себя кожу. Сначала с шеи и плеч, потом с предплечий и грудины – всю эту морщинистую, обгорелую на солнце, веснушчатую кожу. Она отслаивалась, как если бы это был слой моментального клея. Наконец, старуха подцепила торчащие на горле кожные лоскуты и одним взмахом сорвала с себя лицо. Через минуту передо мной стояла Мамуля. Собственной персоной.

– Ну, чего вылупился? – спросила она. – Не ожидал?

– Но как же? – только и проговорил я. И вдруг меня словно стукнуло: – Я ведь мог вас убить! Вы же сами приказали!

– Но ведь не убил же, – просто сказала она. А пожалуй, и не сумел бы, подумалось мне. Однажды я видел, как Мамуля занимается акробатическими упражнениями, и знал, что физически она подготовлена не хуже бойца спецназа. – И хватит об этом. Докладывай обстановку.

Я послушно доложил. Собственно, и докладывать-то было ничего. Не описывать же свой марш-бросок к Соленому озеру. И без того я чувствовал себя полным идиотом. Мамуля выслушала меня внимательно.

– Ты все сделал правильно, – сказала она, когда я закончил.

– Что я сделал правильно? – уныло спросил я. – Я в полном неведении, тычусь, как слепой щенок. Что, в конце концов, происходит?

Вместо ответа она достала из-за лямки зеленого купальника крошечный серебряный портсигар, вынула из него сигаретку и мундштучок и закурила. Потянуло удушливо-сладким. Табак явно был с примесью дури.

– Разуй глаза, оглянись вокруг, – посоветовала она. – Что ты видишь?

– Комнату, – сказал я.

Она преувеличенно вздохнула и безнадежно закатила глаза. Я, кажется, понял, что она имела в виду.

– Ну, что мы видим, – начал я, как ученик на уроке. – Мы видим вступление в силу нового закона о пожилых людях. Согласно этому новому закону, каждому пожилому человеку, кажется, начиная с семидесяти... или шестидесяти... в общем, неважно... предоставляется бесплатно участок земли за городом и жилье. Видимо, для того, чтобы они могли спокойно доживать свои дни на лоне природы. Так?

– Так, – кивнула Мамуля. – А если копнуть глубже?

– Если копнуть глубже, то некоторые считают, что это чуть ли не резервации для стариков. Мол, вы свое отжили – пора освободить место молодым.

– Отлично, – похвалила Мамуля. – Ну, а если поднапрячься и копнуть еще глубже? Представь себе, всех стариков выпрут из городов... из душных, грязных, пыльных городов, и в радиусе десяти-двадцати километров останется одна молодежь...

– И что? – я все еще не понимал, к чему она клонит.

– А то, дурачок. Не кажется ли тебе, что идея насчет резерваций очень верная? Только дело обстоит с точностью наоборот. Не молодежь, уставшая от засилья старичья, устраивает резервации для стариков, а старики руками молодых устраивают в городах резервации для молодежи. Понимаешь?

– Если честно, – признался я, – не очень. Это же бред полный. Резервации для стариков, резервации для молодежи... Какой в этом смысл?

– Вот это мы и должны понять. Ладно, не заморачивайся, – повторила она вдруг, гася сигаретку и пряча мундштучок. – Я пойду, а ты и вправду ложись-ка баиньки. День у тебя был трудный, а завтра ты нужен мне свежим и без мыслей в голове.

Перед тем как лечь, я выволок из-под кровати чемодан и проверил, на месте ли пластит. Взрывчатка была на месте. Килограммовый брикет, обернутый коричневой парафинированной бумагой. Идеальное средство разрушения. Странно, но в ту ночь я спал, как младенец.

Катаклизмос

За ночь странное сооружение на пляже обрело окончательные формы. Оно походило на инопланетное оружие из дорогого фантастического боевика. Было в нем что-то неприятное и пугающее. Какая-то скрытая угроза.

Администратор за стойкой протянул мне цветной буклет – на черном фоне красным надпись в одно слово: «Катаклизмос». Я совсем забыл о нем, и теперь был неприятно поражен неожиданным напоминанием. В буклетике сообщалось, что городской праздник «Катаклизмос» начинается сегодня вечером на Пальмовой аллее, и открывает его Большой Молодежный Парад.

На Пальмовой аллее стояла вереница туристических автобусов, перед ними колыхалась черная стариковская толпа. Наверное, тут были все оставшиеся в Ларнаке старики. Последние старики города. Плакали дети. Полицейские отделяли их от стариков и сажали в отдельный полицейский автобус. Гаммельнский крысолов наоборот.

Сорокалетняя девушка из «Пафоса» сидела в белом пластмассовом креслице. С моря дул свежий ветер, и она зябко куталась в легкую косынку. Небо из синего сделалось черным, я и не подозревал, что в этом райском уголке может быть такое небо. Я молча протянул девушке зажигалку, и мы закурили.

– Пойдемте ко мне, – жалобно предложила она. В ее голосе было столько отчаяния и мольбы, что отказать было невозможно.

Мари жила на десятом этаже, откуда открывался неплохой вид на море. Нам хватило пяти минут, чтобы удовлетворить друг друга. Мы были слишком напряжены и напуганы для долгих прелюдий. Потом мы стояли на балконе и снова курили. Фантастическое сооружение на пляже было видно отсюда как на ладони.

Она заметила, что я разглядываю его, и вдруг сказала:

– А я знаю, что это за штука.

Я повернулся и внимательно поглядел на нее. Она не шутила. Как и мне, ей было не до шуток. Я не задавал вопросов – просто ждал, когда она продолжит.

– Правда, знаю, – повторила она, будто оправдываясь. – Мне один местный мальчик сказал. Он был со мной вчера вечером. – Она глядела на меня с вызовом. – Да, был. И потом рассказал про эту штуку. Ты, наверно, думаешь, это аттракцион? А это никакой не аттракцион. Это экспериментальный излучатель. Стоит его запустить – и все старичье в радиусе

ста метров исчезнет. Все, кому за шестьдесят. Раз – и никого нет. Здорово придумано? Этот мальчик, наверно, думал, что мне двадцать...

Я ошарашенно молчал.

Внизу, на Пальмовой аллее, стартовали набитые стариками автобусы, оставляя после себя разбитые стариковские чемоданы, рассыпанное стариковское белье... Нет, оно понятно... Что может быть отвратительнее, чем тайная геронтократия? И не в какой-нибудь там первобытно-общинной Океании, а здесь, в цивилизованной Европе. В руководстве гимназии – старики, в руководстве города – старики, в руководстве страны – старики... Давно лишенные иллюзий и идеалов молодости, снедаемые старческими болячками и страстишками, впавшие в маразм и паранойю...

Я представил себе мир без стариков. Вот прямо сейчас я закрою глаза, а когда открою их, стариков уже не будет.

Кругом одни молодые, здоровые, полные энергии и сил. И – глупые, наивно-глупые. Люди, лишенные опыта, лишенные прошлого... Может быть, поэтому они так легко дают себя обмануть? А их обманули. Тупо подставили. Потому что никакой это не излучатель против стариков. Помилуйте, какие старики? Последние старики – вот они, спешно покидают город. Через пятнадцать минут в Ларнаке останется одна молодежь. И сегодня она – весело и радостно, под самодовольный рев труб и оптимистичную барабанную дробь – промарширует по Пальмовой аллее в светлое небытие...

Катаклизмос.

Какой красивый, должно быть, этот парад. Светящиеся в темноте палатки с игрушками, сладями, воздушными шариками... тележки с мороженым, попкорном и жареными кукурузными початками... кафешки под открытым звездным небом... И мимо всего этого великолепия – по Пальмовой аллее – стройными рядами, с флагами и штандартами в руках... юные барабанщики в белых перчатках... юные морячки в черных фуражках... юные полицейские с полосатыми шнурками вместо галстуков... парни и девушки в народных костюмах... старательно вскидывая голенастые ноги... высоко взмахивая правой рукой... с каждым шагом приближаясь к непонятному, уродливому, тихонько урчащему в темноте устройству... чтобы исчезнуть, раствориться, перестать быть...

Хотел бы я знать, кто придумал эту дьявольскую штуку.

Мы твои послушные птенцы, Мамуля, и мы не задумываясь берем конвертики от неизвестных нам благодетелей. Жизнь давно выбила из нас глупые принципы, и мы многим готовы поступиться. Только вот как научиться подавлять позывы к рвоте, когда становится совсем уж тошно. Вот как сейчас...

Откуда-то издалека ветерок донес короткую барабанную дробь. Последняя репетиция перед парадом. Она вывела меня из оцепенения. Я знал, что делать. Кто бы ни затеял эту грязную игру, я не хочу в ней участвовать. Килограммовый брикет пластила... этого должно хватить... А конвертики... бог с ними, с конвертиками. Остановите такси, Славик, я выхожу.

Ольга Артамонова Гадкий Барби Рассказ

*«А теперь быстрее крутите пленку,
Монтэг! Быстрее! Клик! Пик!
Флинк!..»*

(Рей Бредбери, «451° по Фаренгейту»)

В ожидании рассвета Максимилиан Барби Кен сидел перед раскрытой коробкой, снятой с платяного шкафа. В коробке среди разного хлама, и поздравительных открыток с чувствительными надписями «Дорогому сыночку от любящих родителей», «С наилучшими пожеланиями от коллег», «Поздравления от внуков ко дню юбилея», лежал большой сверток, завернутый в обложки от старых журналов. Максимилиан развернул его и достал несколько больших тетрадей. На одной, с изображением порхающих сердечек с крылышками, детским неровным почерком было выведено: *Дневник*, Максимилиан немного помедлил, пытаясь унять стук вдруг запрыгавшего сердца, затем открыл первую страницу и начал читать...

Васьмое синтибря

Здравствуй, дарагой боженька! Абращается к тебе маленький барби Макси каторого ты наверно помниш. Я абращался к тебе два дня назад. Када меня дразнили мальчишки в школе зато што я очень худой и малинького роста. Они абзывали меня глистой и худышкой каратышкой. Надеюсь ты вспомнил меня! Типерь я хочу рассказать тебе о том што случилось сиводня днем. Када мои папа мама и старшая сестра Сиси сматрели теливизор. Они очень любят сматреть разные перидачи. Папа любит сматреть перидачу Сто бландинок. Маме нравится Тубабуба 3. Сиси абажает Малинькие хитрости для бальших девочек. А мой брат Вили Кен бес ума от Ужастных монстров. Боженька в школе ругают меня и ставят плахие аценки зато што я пишу с ашипками. Я надеюсь што ты миня простиш за это. Сиводня мы сматрели перидачу Барби криминал. Пра то как адни барби делают очень плохо другим барби. Мне не нравится эта перидача и када я сматрю вмести с ними я очень растраиваюсь. Мой друк Пуфлес Кен из перваво А тоже смотрит эту перидачу и гаварит што это прикольно! Но я не панимаю чево ему нравится. Сиводня в перидаче показывали как адин плахой барби пабил харошую тетю и у ее стало некросивое лицо. Мне стало очень страшно што у ее такое лицо и я заплакал. А мама с папой сказали штобы я перистал реветь патому што я уже бальшой мальчик. И што Сиси и мой брат Вили Кен уже сматрели эту перидачу в маем возрасте. Но я никак не мог успокоится и плакал все сильнее. Тогда они начали смиятся и говорить как смешно какой смешной глупый мальчик! Плачет как маленький! Мне стало абидно и я пачуствовал себя очень адиноким. Боженька я часто чувствую себя очень адиноким и мне нескем подилится кроме тибя! Все говорят што я странный и што это прайдет с возрастом. Я очень надеюсь. Патаму што это очень плохо када тибя никто не панимает и ты адин! Я даже иногда думаю, а вдруг я не барби? Вдруг я ктото другой ну пупс или Roller Girls? Они живут далеко, в других Раенах. Про них инагда паказывают перидачи по теливизору! Я сказал это маме. Я спросил аткуда мы биремся и кто апридиляет што мы барби? Мама сказала што я плохой мальчишка и позвала папу. Папа сказал што у ево ко мне есть мужской разговор. Он атвел миня в комнату сестры и стал рассказывать как мы рождаемся. Он долго гаварил мне пра цветы у каторых есть пестик и тычинка. Но я ничево не понял. И еще он гаварил што есть признаки па каторым можно апридидить кто ты! Мы Барби Кены папа Вили и я носим сире-

невый с блеской костюм. На шее под беласнежным вратничком у нас всигда завязан галстук бабочка. А ис синии черные волосы покрыты блистящим лаком. Барби Фей это моя сестра и мама. Они носят розовые платья усыпанные пирламутровыми блесками и бусинами. У их соломенные волосы и галубые глаза. Есть еще Барби Принц. У их голубые с блесками платья и коричневые или черные волосы. Это очень красиво канешно. У нас у всех очень хорошее и прапарцианальное слажение. А у пупсов непрапарцианальное. У их бальшие головы кароткие ноги и голые ступни. Их образ жизни атвратитилин и ужасин. Попадись папе в руки хоть какойнибудь пупсик он бы разарвал его на части. Мой папа главный барбишис нашего Раена. Он просто нинавидит кто ни барби. И еще он сказал штобы он больше ни слышал от миня таких слов. Я канешно барби! Настоящий Барби Кен! И када я вырасту я стану дастойным его приемникам. А пака я должен хорошо висти себя и молится нашему дарагому богу каторый тоже канешно барби! Господь Барби Бог! Он создал самых первых барби Адика и Евелитку. Они пародили барби Авлика барби Каишку и барби Сафика. Боженька после разговора с папой мне стало очень хорошо. Я ришил быть примерным барби и выкинуть из галавы все дурацкие мысли. Я очень хачу папрасить тибя о том штобы ты не обижался на миня. Када я штото делаю ни правельно. Я знаю што ты хочеш штобы я был хорошим барби. Как папа и мама. Я абещаю тибе што буду очень старатся. Спакойной ночи, боженька!

Первае опреля

Дорогой боженька, я уже немного падрос и скоро закончу первый клас. Я уже делаю меньше ошипок. Но у меня никак ни получается стать савсем хорошим! Хотя я и очень стараюсь! Севодня мы были на главной площади. Патаму што севодня большой праздник. Празник независимости нашего Раена! Там было много красиво адетых барби и все посдравляли друг друга. Папа с мамой показали мне страшного лахматого старика в грязном сиренивом костюме и савсем бес бабочки. Он сидел рядом с бальшим красивым домом. У каторого было много башинок и бальшие надувные шары на крыше. Папа сказал што это Барби-молельня. Старик все время штото гаворил себе пад нос. Рядом с им были разложины старые вещи. Там была бальшая доска в клетачку, и на ей стояли черные и белые фигурки. Мне очень панравились лошадки, и я хотел их патрогать. Но мама запритила потомушто они старые и грязные. Она сказала што старик это Гадкий Барби. Што он заберает маленьких плахих барби и ест их. Если я буду плохо sibя вести, они атдадут меня ему. Канешно я в это ни поверил. Я ведь уже савсем большой. Но мне всеравно стало страшно. Асобено я испугался ево глаз. Они были черные как пуговики на платьи Сиси. Они сматрели на меня. А патом один глаз закрылся и аткрылся. И Гадкий Барби падмигнул мне. Я спрятался за папу. Все взрослые засмиялись. Када мы отошли от Гадкого Барби я спросил почиму он барби? Разви бывают такий барби? И папа прикратил смиятся и стал очень серйозным. Он сказал што Гадкий Барби атребье и пазор всем барби. Што если бы была ево воля он бы с им живо расправился, и што он бы ево. Но мама ни дала папе сказать што бы он ево. Она сказала што хватит и бес ево разбираутся. И што он всюду лезет как затычка в бочку. А от этого только сплашные неприятности. А папа сказал што иза таких как она наш Раен полон всякой нечисти. И што они с барбишисами даберутся до ево. Мама взяла меня заруку и мы пошли домой. Дома папа с мамой громко кричали друг надруга и абзывались плохими словами. Но я ни периживаю они часто соряются. Я все думаю об этом Гадком Барби. Пачему он такой страшный и гадкий? А вдруг он и вправду заберет меня? Я ведь пака еще ни очень хороший барби! Боженька ни дай ему это сделать!

Третие синтября

Здрастуй мой дарагой боженька! Это снова я Макси! Как ты поживаешь? Надеюсь што хорошо! Я поправился вырос и вытянулся за лето, так говорят все взрослые. Спасибо тебе боженька, я думаю што теперь меня больше ни будут дразнить «худышкой-каратышкой». Но я хочу рассказать тебе о том што со мной случилось! Я видел море!!! Сиси и мой брат Вили давно гаварили мне што мы поедем на море. Патамушто наш папа участвовал в перидаче «Крутые барби» и выиграл. Я был очень горд за папу, што он самый крутой! Сначала мы ехали на желтой такси по нашему Раену, штобы доехать до аткрытого подземного хода. Такси очень сильно рычала тряслась, и все время астанавливалась, патамуш-то глохла. Патом мы спустились внис, и было савсем ничево не видно, и мне стало страшно. А патом мы вышли из хода и пришли на кзал. И долго ехали на балышом поезде. Было очинь тесно и жарко, и я очинь устал и плакал. Дарагой боженька я ведь ни знал тада што такое море и поэтому капризничал. Канешно я видел море па теливизору, но я ни притствлял и ни думал што оно такое! Ласковое, празрачное, теплое и нежное как руки мамы, када она гладит па голове, или поет песенку. Море это как колыбельная песенка на ночь! А еще оно похоже на мяхкую и теплую пастельку в нашей с братом комнате. А када папа отнес меня в море на руках, я всетаки немного испугался. Такое оно было большое и живое. Море стало весело играть со мной. Качать, бросать и падхватывать меня, словно мой лучыший друг. А ведь у меня нет лучышего друга, кроме тебя конешно и теперь. моря. Боженька я надеюсь, ты ни обидишься на меня за это!

Мы были на море целый день. Родители взяли ссобой еду. Но мне совсем ни хотелось есть, а только быть вместе с моим другом морем. Када наступил вечер, небо стало розовым, а потом сиренивым. Море тоже стало розовым и сиренивым, а в небе за облаком я увидел блистящий месяц. Это было так красиво, как нарисовано у меня на картинке в журнале Милый барби. Только я никогда ни думал што так может быть понастоящему. Патом включили очень громкую музыку и мне стало нипосебе. Патаму што музыка мишала морю. У моря тоже была музыка, но только очень тихая и нежная. Я сказал што музыка мишает морю, но все только засмиялись. Патом мама стала ругать меня што я ничего ни ем. А я ни мог есть, потому што море было очень красивое. Папа сказал штобы я бросил свои глупости, ни придуривался, и был как все! Мама сказала што я ничего ни ел целый день. Она стала насильно меня кормить, но меня сташнило. И тогда все закричали што я гадкий мальчишка и испортил красивую скатерть. Они сказали што больше ни возьмут меня на море. Потому што я ничего ни понимаю и все порчу. Милый, боженька я ни хочу все портить. Я ни хочу огорчать папу и маму. Я хочу быть как все. Но у меня ни получается. Пачему, пачему я нитакоей как все? Как мне быть? Памаги мне пожалуйста!..

За окном сгущалась ночь, в ее чернильной глубине дул невидимый ветер, заставляя шелестеть деревья и таинственно мерцать звезды. И в ответ на его порывы пламя керосиновой лампы начало колебаться и чадить, отбрасывая фантастические тени на стене. Максимилиан отложил в сторону дневник, поправил фитиль, пламя еще немного поколебалось, выбрасывая черную струйку дыма, затем успокоилось, и принялось гореть ярко и ровно.

27 синтября

Севодня мне стукнуло двенадцать лет, и я больше не верю в Господа Барби Бога! Ни в Санта-Клауса ни в прочую муру! Это сказки для маленьких, а я уже взрослый барби! На мое деньрождение мне подарили новый сиренивый кастюм и улетную бабочку в красный горошек. Мой брат Вили подарил мне свой быушный мобильник, он хрипит и ни фига ни

слышно, но все равно круто. А в барби-сюрпризе мне наконец попался Крюгермен Бешеный Перец, и Сиси пристала ко мне как жеваная жвачка, потому что ей не хватает ево для ее калекции. А мне то что с того? В замен она предлагает Губку Чпопа Пожирателя, а мне он на фиг не нужен! Я сказал, что я поменяюсь с братом Вили, у него в калекции есть пара прикольных Супермауса. Сиси реально надулась и обозвала меня дураком, но мне это по барабану, она сама полная дура и дала мне уже! Пусть меняется своим Пожирателем с мамашей или теткой Изабелиткой.

А вообще то, мы славно повесилились! Ели корм с шипучим лайтом и колбасились под «Барби зажигает». У меня были все мои приятели из класса Пуфлес Кен, Тими Кен, Жанеска Фей, Макена Фей и Ванесса Принц. Ванесса это моя девчонка, и все знают об этом, а Пуфлес полез к ей. Ну, я здорово врезал ему, правда и он мне. Потому что я хоть и вытянулся, но все равно худой. А Пуфлес здоровый, как надувная свинья. Взрослые с трудом растащили нас, и начали ругать меня, что я устроил драку на свое деньрождение. Но мой папаша Стенли Кен был доволен. Он хлопнул меня по спине, и сказал: «Ты отличный кен, Макси!». Вообще было прикольно, но под конец вечеринки, родители завели шраманку, о том кем я хочу стать. Потому что в следующем году я закончу пять классов, и выйду из школы. Это конечно клёво, но только я сейчас не знаю что буду делать. Моя мамаша работает розисткой на ндистерской фабрике, она выдавливает кремовые розочки для тортов. Старший брат Вили работает в парикмахерс дизайнером ногтя большого пальца. Это очень крутая профия! Сиси официантка, но хочет стать шоуменкой. Но это у нее ни хрена ни получится! Для этого есть специальные барбишоу, а мы же относимся к барби обычным. Я еще не врубился кем быть. Может закончу медицинские теле-обучалки и стану медбарби, я в детстве обожал играть в доктор-набор. Но папаша сильно против, он считает что я и так слишком много учился. А нам настоящим кенам это на фиг ни нужно. И лучше всего мне стать, как он этикеточником на паковочной фабрике. Мне честно говоря по фиг все ихние советы. Потому что все взрослые дураки и ничего ни понимают в жизни!

30 сентября

Вчера мы с Пуфлесом, Тими и Бади пошли на главную площадь, чтобы прикалаться над Гадким Барби! Говорят, он снова объявился в нашем Раене. Когда мы пришли то сразу увидели ево, он стоял возле Барби-молельни. Перед им лежали всякие штуки, типа старый дырявый ковер, большая доска с буквами, на которые клёво давить, картинка с голыми толстыми тетками под синими деревьями, и фигурка лысого мужика, в жилетке с поднятой в верх рукой. Старик опять бубнил себе под нос. Мне стало смешно и даже грусно, и ево я так испугался в детстве! Да это всего лишь грязный старьовщик, и похоже с придурью! Бади сказал, что он бы купил голых теток, для прикола. Пуфлес и Тими начали громко ржать и свистеть, а потом начали кидать в старика агрызки от яблок и помидоры. Один помидор разбился и заляпал и бес того грязный кастюм старика. Темно красное рваное пятно расплылось по сиренивому... У меня закружилась голова и стало плохо в животе. Я сказал чтобы они прекратили!

Но они не слушали меня, и продолжали кидать в ево, чем попало, и кричали: «Гадкий Бар-би! Гад-кий Бар-би!». Старик никак ни защищался, но только молча смотрел. Мне показалось как в детстве, что он смотрит прямо на меня.

Я выскочил вперед перед стариком и заорал, что если они ни прекратят, я буду драться. Тогда Пуфлес и все остальные остановились, и сказали, что я псих ненормальный, испортил им всю тусню, а потом ушли. Я здорово расстроился, ну на фиг я полез, ну пусть бы они себе кидались, мне то чево! Теперь они растрепят об этом в школе, и все будут тыкать в меня пальцем, и называть слюнявым придурком!

Старик же, как ни в чем ни бывало, вытер пятно и смахнул агрызки. Потом он снова начал бормотать. Я не хотел возвращаться домой и стал слушать, чево он там бубнит себе под нос. Это были разные слова, расставленные в какой-то порядок, и их было приятно слушать. Я спросил старика, чево это такое? Старик сказал, што это называется *стихотворение*. Странно, я никогда ни слышал такого, я знаю слоган, речевка, кричалка, призыв, девиз, лозунг, текстовка, но это обычно две или четыре строчки. Здесь же было много строчек, и они как бы повторялись. Старик сказал, што строчки, каторые повторяются, называются *строфами*, и если мне это интересно, я могу придти к ему домой завтра и мы поговорим об этом падробно. Я был просто в шоке, он просто с дуба рухнул! Это, што бы я пошел в гости к Гадкому Барби?! Да если кто из класса узнает об этом, это будет полный абзац, не говоря уже о моих предках. Во, старик, прикалолся, так прикалолся! Я тут же отвернулся от него и быстро свалил. Но дома я все время думал об этих *строфах*, они были такие красивые и напоминали мне море, на котором я был однажды в детстве...

И дышат древними *наверьями* (не знаю такого слова!)
Ее ....(здесь я не запомнил точно, какие-то шилка)
И шляпа с *траурными(?)* перьями
И в кольцах уская рука...

И еще...

И очи синие бесдонные
Цветут на дальнем берегу.

Больше я не запомнил, там было слишком много непонятных слов. Ночью у меня в голове, все время крутились эти слова, а потом я услышал какой-то ритм, как мелодия, а под эту мелодию сами собой стали появляться слова. Другие, мои слова. много слов, они были прямо у меня в голове, из них получались строчки. Со мной так раньше никогда не было, это было. не знаю как сказать. клево! Очень клево! Зашибись! Я вскочил с кровати и стал записывать эти слова, а когда они кончились, я чуть не заорал от радости. Я читал их снова и снова, и даже начал говорить вслух, но Вили заворочался во сне, и я испугался разбудить ево.

Я уже вырос, и больше ничего не рассказываю предкам, што они могут понять! Но мне очень было нужно кому-то паказать *стихотворение*. Я решил паказать ево моей девчонке Ванессе, у ее как раз было деньрождение. Хоть когда я писал, я совсем и не думал о ей, да и вообще не думал ни о какой девчонке. Утром я купил открытку, заклеил то, чево там было напечатано, и написал свои *строфы*.

Твои глаза как небо синии,
А кожа нежный шолк на теле.
Твоя краса меня манит,
И в щастье я готов поверить.

Ты вся похожа на букет,
Прикрасных рос в саду.
И на цветы, каторые цветут,
На дальнем берегу.

И вьется платье голубое
Какбудто крылья мотылька,

И вся в колечках и татушках
Твоя уская рука.

Когда я написал, я вдруг увидел што какие-то слова и фразы я взял из того *стихотворения*, но все равно получилось прикольно. Кагда Ванесса прочитала мои *строфы*, она сказала, што так не делают, и што я испортил открытку. И што нужно купить новую, на которой уже есть надписка и просто подписать свое имя. Она показала мне открытку, которую подарил ей Пуфлес, на обложке было написано: «Ты супер», а Вили подарил ей открытку с надпиской: «Самой шикарной девчонке». Я сказал, што у меня лучше, потому што это *стихотворение*, и потому што я написал его сам. Она поджала губы и сказала, што я очень странный барби, и штобы я к ей больше не падходил, и што она не хочет больше быть моей девчонкой! Лучше она будет девчонкой Пуфлеса, потому што он сильный и нормальный барби, не то што я. Мне стало очень обидно, так обидно, што я разарвал открытку и выкинул на помойку!

Почему, все, все, што я делаю, кажется другим глупым и странным?!

10 ктября

Атас! Прикол! Я вне себя! Я был у старика! У Гадкого Барби!!! Вот прикол! У ево дома куча старого барахла, и много книжик, которые я никогда раньше ни видел. У нас дома, да и у других тоже есть разные книжки и журналы: «Барби мода», «Бар-би кулинар», или там «Как приворожить хорошенького барби». Но все эти книжки тоненькие, с большими картинками, а эти книжки толстые и почти совсем бес картинок. Все они очень старые, обтрепанные, и некоторые с оторванными страницами. Одна ис книжик, самая толстая называется «Энциклопедия». Я спросил старика чево это такое, и он сказал што в ей собраны знания в разных *областях человеческой деятельности*. Я спросил ево, што такое *человеческой*? И он сказал обалденную вещь! В это просто невозможно поверить! Он сказал, што раньше не были ни барби, ни пупс, ни други, а все назывались люди! Отпад, да и только! Я спросил старика, куда же они эти люди подивались? Он сказал, что сам толком не знает, кажется с ими случилась *диградация*, но што это такое старик не знает, может болезнь такая, как у нас свинка или корь. Во всяком случае, так говорил ево дедушка, который еще застал людей. Дедушка, когда старик был совсем маленьким все время ходил на *димострации* (?) и писал письма в какуюто мировую сеть, она вроде бы была внутри Игрокомпа. Я спросил, а откуда же взялись мы – барби? И старик сказал, што вроде после этой болезни, люди и стали барби! Я просто обалдел, и был в шоке! Это. это. фигня какая-то! Наверно, старик все это придумал, во дает! Старик спросил буду ли я чай? Я согласился. Хоть он и большой прикалист, но мне было жуть как интиресно, и я хотел побыть у ево еще! Он принес чай в твердых чашках, и сказал што это называлось «*фарфар*», из ево люди делали посуду. Мне это было странно! Мы – барби едим ис пластиковых тарелок с красивыми рисунками, и пьем ис пластиковых стаканчиков. А потом старик спросил меня, понравилось ли мне то стихотворение, каторое я слышал вчера. И я вдруг рассказал ему все, што сам придумал ночью. А старик ни только не посмился надо мной, но похвалил меня. Он сказал и што раньше люди писали стихотворения, рисовали, но ни для упаковок, фантиков и надписок на открытках, а просто потому што это им нравилось! И это называлось *творчество*! Потом он сказал, что ему щас пора идти на площадь, а я, если у меня есть время и если мне интиресно, могу остаться почитать какуюнибудь ис ево книжик. Старик ушел, а я долго смотрел на незнакомые мне названия, и ни знал чево выбрать. Некоторые из книжик были обгорелые, это потому што, как сказал мне старик, ево дедушка спас их из огня в каторый люди ставшие барби кидали книги. Я попробывал почитать книжку «Энциклопедия», она была очень толстая, у нее были вырваны или наполовину оторваны листы, мне все время встречались непонятные длинные слова, и

от мелких букв у меня рябило в глазах. Я поставил «Энциклопедия» на место, и взял другую книжку. Она тоже немного обгорела, и у ее была оторвана часть обложки на которой я мог прочесть только «СТИАН А.» В этой книжке было много больших разноцветных картинок, они были тусклые от времени, но все таки были и буквы были большими к каким я привык. Я решил, што буду читать эту книжку, я раскрыл ее и чево я прочел, паразило меня. Это была история про одного маленького утенка каторого все называли гадким и шпыняли его, потому што он был ни такой как все остальные! (Это же совсем как я! Это же про меня!) Гадкий утенок много страдал, но потом он нашел прекрасных белых лебедей, и они приняли ево в свою симью, потому што он тоже был лебедем! Это история так потрясла меня, што я просидел ни знаю сколько времени с книжкой в руках глядя в одну точку. Кагда же вернулся старик, я спрятал книжку под пиджак и не сказал ему ни слова. Конешно, я поступил очень ни хорошо, но вдруг бы он не разрешил ее взять, а я ни мог растаться с ей ни на минуту! Дома я снова и снова читал Стиана А. Утенок нашел своих, и стал лебедем! Значит, и я должен искать!

12 ктября

Все, я ухожу из дома, штобы найти «лебедей», ну то есть таких как я! Севодня у Стенли Кена была получка, он как обычно здорово натрескался и заснул возле телека. Мне удалось пока мамаша была на кухне вытянуть у ево ис кармана кэш. Ночью кагда все будут спать я отправлюсь в поход. Я все подготовил, положил в рюкзак Стиана А. и все необходимое на первое время. Я даже написал прощальную надписку: «Прощайте! Я ухожу от вас! Ни ищите меня! Гадкий Утенок!».

Максимилиан Барби Кен поднял голову. За окном в черном провале ночи ему привиделся маленький глупый барби с рюкзачком за плечами. Он идет по темным, плохо освещенным улицам Раена, и ему становится страшно, очень, очень страшно! И он уже сожалеет о том, что он сделал, и ему хочется назад в свою теплую постельку. И еще можно вернуться, говорит внутренний голос, спрятать записку и никто ничего не узнает, но из какого-то странного упрямства он все-таки продолжает свой путь. Не зная как, он все-таки добредает до кзала, покупает билет на поезд, и идет в зал ожидания. В зале тускло горит свет, немногочисленные барби сидят на облупленных лавках. Они едят, пьют, играют в карты, некоторые спят с открытыми ртами, и никто из них совсем не похож на лебедей. Вдруг один из барби, в мятом костюме и с крошками в грязной нечесаной бороде, поворачивает голову и в упор с гадкой ухмылкой смотрит на него. У Макси от нервного напряжения начинают дрожать колени, сводит желудок, и он начинает судорожно сглатывать слюну. Ужасный барби подмигивает своему еще более безобразному соседу: «Смотри ты, какой красавчик к нам пожаловал!» И они оба отвратительно смеются. Тогда Макси не выдерживает, встает с лавки и на негнущихся ногах, под гадкий икающий хохот, трусит в сторону двери с надписью «пост охраны порядка». Там он проводит несколько часов в мучительном ожидании, и когда в дверях появляется разгневанный Стенли Кен, он почти что плачет от радости, что все, наконец, закончилось и он может вернуться домой.

Ночь за окном чуть тронулась в сторону рассвета, но это было пока еле ощутимое, неясное движение, до утра еще было очень далеко. Максимилиан уселся по удобнее, взял другую тетрадку и вновь углубился в чтение.

21 нобря

А я щаслив, я очень щаслив! Мне не хватает слов... Марироза согласилась стать моей барбипарой! Это потрясающе! Нежная, розовая, словно карамелька, Марироза с василько-

выми глазами и волосами цвета солнечного луча. Она моя! Моя! Мы начали тусоваться полгода назад и вот, наконец... Я не верю в свое счастье! Я буду делать все, чтобы ей было хорошо! Правда моя работа в Дональсе дает мне пока не много денег, но если я буду стараться, я смогу продвинуться по карьерным ступенькам, и в будущем мы сможем взять кредит на квартиру. Пока мы будем жить вместе с моими родителями и сестрой. Мой брат Вили стал очень большим барби, он купил себе танхаос, и живет отдельно от нас. А вот бедная Сиси никак не может устроить свою личную лайфу и стать барбипарой, хоть все время и участвует в реалити «Спальня». Я надеюсь, што ей понравится Марироза, да разве она может, не понравиться! Моя прелестная малышка!

Я слышал, што Гадкий Барби вновь появился в нашем Раене, ево снова видели на площади. Когда я узнал об этом, я все сразу вспомнил: как я пришел к ему домой, разговоры про людей, Стиан А., мое бегство в ночи – и все это мне показалось сном, смешным детским сном.

Кстати Стиан А. до сих пор у меня, я храню книжку в одежном шкафу, в коробке ис под обуви, потом когда у меня будут дети, я прочитаю ее, и расскажу им все. И мы вместе посмеемся, каким глупым был в молодости ихний папа!

30 юня

У меня родился малыш! Мальчик! Я стал отцом!!! Марироза подарила мне мальчика! Я самый щасливый барби на свете!!!

23 синтября

Малыш растет! Ему уже почти три месяца! Он уже хорошо держит головку и смешно дергает меня за палец. Мы назвали ево Тимонад, в честь отца Марирозы. Мне, честно говоря, не очень нравится это имя, но я не мог быть против. Поэтому я решил ево звать просто малышом. Сегодня, когда я шел за детским питанием, я случайно встретил Гадкого Барби. Я знал, што он вернулся, но здорово растерялся, когда мы столкнулись нос к носу. Он ужасно выглядел, косматая нечесаная борода, сквозь старый протертый до дыр костюм просвечивало тело. Это было очень неприятно! Я машинально одернул свой новый сиреневый костюм и отодвинулся. Вдруг он меня не узнает! Но он сразу же узнал меня.

– Здравствуй, Макси, а ты здорово вырос! – сказал старик, глядя на меня своими черными глазами. – Как ты поживаешь, Макси?

– Я женился на Марирозе, и у нас родился мальчик! – сказал я, и не испытал почему-то прежней гордости.

– Поздравляю тебя!

– Я украл у вас Стиана А.! – вдруг выпалил я ему, неожиданно для самого себя.

– Я знаю, и рад этому, – улыбнулся Гадкий Барби, – заходи ко мне как-нибудь, мы поговорим, и ты сможешь выбрать любую книгу.

Я стоял и не знал што мне ответить ему. Ну, пока, Макси! – улыбнулся старик, помахал мне рукой и пошел в сторону площади.

Я, конечно, не пойду к ему, это просто смешно! Вдруг об этом узнает Марироза, или ее родители, или мой старший менеджер? У нас в Дональсе очень важно быть на хорошем счете, потому что от этого зависит движение по карьерным ступенькам, а нам с Марирозой так нужны деньги. Ведь мы пока ютимся вместе с моими родителями и сестрой, и это, конечно, не очень удобно. А потом, зачем мне идти к ему, о чем нам говорить, опять о людях? Какая разница, как мы называемся! Меня это больше не интересует! Есть дела и поважнее! Работа! Любовь! Карьера!

И, кроме того, старик выглядит таким жалким, вот уж действительно Гадкий Барби!..

9 фираля

Прошло уже больше года со дня последней записи. Как быстро летит время! Марироза опять беременна, а мы все еще живем у моих родителей, я стараюсь изо всех сил, но у меня не очень-то выходит. Я – не активный, не энергичный, не деловой! Мне не нравится писать докладные записки на других барби, которые работают со мной, а бес этого у нас не продвинуться. Я пытаюсь это объяснить Марирозе, но она не понимает, што тут особенного, если так делают все! Опять эти «все»! Они постоянно преследуют меня! Быть как все!!! Да я всю жизнь хочу быть как все! Я стараюсь изо всех сил, чтобы быть как все! Но у меня не получается! Не по-лу-ча-ет-ся! Я знаю, што коллеги по работе считают меня дурачком. Сестра уже доняла меня своими папреками, да и Марироза, нет да нет, а намекнет, што она вовсе не этого ждала от меня. Я чувствую себя в западне, все хотят от меня чево-то и никто не спрашивает, што мне нужно! А што мне нужно? Я не знаю.

13 фираля

Марироза чувствует себя хорошо, малыш потихонечку растет. На работе все по-прежнему. Все тоже самое, ничего не меняется, все словно зависло и остановилось, одинаково. Мне как-то грустно, и. не интересно што-ли. Жаль, что я больше не верю в бога, а то бы помолился, как в детстве.

Сегодня за окном весь вечер шел снег, и мне в голову вдруг пришло несколько строк.

Как тихо, тихо, тихо,
Как нежно снег идет!
Как будто лапой белой
По небу водит кот...

20 фираля

Вчера вечером, я проходил мимо дома, где живет Гадкий Бар-би. И не знаю почему, я вдруг вошел во вход, и позвонил ему в дверь ево квартиры. Пока я ждал, я чуть не умер со страха, што меня кто-нибудь увидит. Но, слава богу, старик открыл быстро, и не удивился, как будто он давно ждал меня. Я сказал, што шел мимо, но он пригласил меня войти и провел в комнату с книжками. Он сказал, што я могу выбрать себе любую и взять с собой. Мне захотелось взять толстую книжку «Энциклопедия», но я вспомнил мою квартиру, и сказал што не надо. Тогда старик сказал, што я могу читать у ево, когда захочу. Он предложил мне чаю и спросил, написал ли я еще какое-нибудь *стихотворение*? Я сказал, што нет! Он спросил почему? Я не знал, што ответить, и прочитал ему те несколько строк, што записал недавно. Старик сказал, што ему понравилось, а потом взял с полки книгу и прочитал одно очень красивое стихотворение, сочиненное поэтом бывших людей. Там тоже говорилось про зиму и про снег, и оно было такое прекрасное, што я даже расстроился, потому што мои строки показались мне некрасивыми. Но старик сказал, што мои строки не очень плохие, просто мне не на что опираться, у меня нет *культурной платформы*. Я не очень понял, што это такое, но успокоился. Я просидел у ево несколько часов и не заметил, как прошло время, мне было так интересно, как не было, наверное, никогда в жизни!

Когда я вернулся домой, малыш уже спал, а Марироза и мои родители вместе смотрели сериал «Страстная крошка». Они спросили, где я так долго шлялся, и што я пропустил самое интересное. Мне стало плохо, я сказал, што у меня болит голова, и ушел в нашу комнату, и там тихонечко, што бы не разбудить малыша, повторял про себя поразившие меня строчки.

Снег идет, снег идет
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном солопе
Сходит наземь небосвод.

Я правда не знаю, что такое «солоп», но это не важно.

3 апреля

Я продолжаю тайком ходить к старику, это стало для меня необходимостью. Барби не умеют разговаривать, они, конечно, говорят при встрече «Привет! Как дела? О кей! Отлично!» Затем они включают очень громкую музыку, и начинают веселиться, есть, пить, танцевать. И для того штобы што-нибудь сказать, надо очень громко кричать. А мы со стариком разговариваем тихо-тихо, это называется *вести беседу*. В Раене в последнее время часто перебои с электричеством, а мы со стариком зажигаем свечи, и получается очень красиво. Я рассказываю, што произошло со мной за день, и о чем я думал, он иногда читает мне вслух ис книг. А иногда мы молчим, но продолжаем разговаривать в тишине. Тишина! Какое удивительное состояние! Я смог понять это только у старика. Барби не могут находиться в тишине, поэтому у нас дома все время включен на полную громкость телевизор, у меня от этого часто болит голова. Старик научил играть меня в *шакматы*, те самые фигурки на клетчатой доске, которые я видел в детстве. Это оказывается очень интиресно! Я все время думаю, почему же люди, у которых было так много прекрасных вещей: музыка, стихотворения, тишина, шакматы – стали барби? И што это за болезнь такая *диградация*? Я много раз спрашивал об этом старика, но он не знает ответа. Еще я спросил у ево, зачем он ходит на площадь, ведь над им все смеются и считают ево сумасшедшим. Старик очень серьезно посмотрел на меня, и

сказал, што он тоже ищет «лебедей». Я сказал, што это бесполезно, кругом одни барби! Но он ответил, што это не так, и што он щастлив, потому што нашел меня! Я так разволновался, што не мог говорить дальше! А потом спросил, нашел ли он еще кого-нибудь похожего на нас? Старик ответил, что нет, но очень надеется, они обязательно где-то есть, нужно только их искать, вот зачем он ходит на площадь и ездит по другим Раенам.

Старик сказал, што надо писать не *што*, а *что*! Так писали раньше люди. Но мне это очень странно и непривычно!

10 майа

Дома постоянные разговоры про деньги, Марироза плохо себя чувствует, у ее частые приступы тошноты и головокружение. Ей дают какие-то таблетки, но ей не делается лучше. Слава богу, у нас сломался телевизор, и римантер сказал, што. что ево уже нельзя больше починить, и ш. что мы должны себе купить другой, но телевизор хорошей починки стоит больших денег и с каждым годом становится все дороже и дороже, а нам щас это не по карману. Марироза, родители и сестра ходят смотреть телевизор к соседям, и я наслаждаюсь ихним отсутствием и тишиной. А, кроме того, я могу ходить к старику, не придумывая отговорок. Я все больше и больше времени провожу у ево, читаю книги или просто отдыхаю. Я начал читать «Энциклопедию», там столько всего, и есть много имен известных людских поэтов, художников, композиторов. Все написано по буквам алфавита, и это очень удобно. Я сначала открыл букву С, чтобы найти Стиана А, но его там не было! Может, он был не очень известный? Жаль, мне так хотелось узнать о ем что-нибудь!

17 мая

Я узнал! Я узнал название месяцев! Я прочел в «Энциклопедии»! Оказывается, мы не правильно их называем! И оказывается у нас вообще много слов, которые мы не правильно говорим и пишем. Я потрясен!

30 мая

Марирозу отвезли в родильню, надеюсь, что все будет хорошо. Я продолжаю читать «Энциклопедию». Мне нравится открывать наугад какую-нибудь страницу, находить новые слова и читать объяснение к ним. Это невероятно интересно! Я нашел слово *библиотека* – собрание книг, я нашел *корабль космический* – аппарат для полета человека в космос! Люди могли летать к звездам! Я нашел слово *самолет* – летательный аппарат для полетов в атмосфере с помощью двигателей и крыльев! Люди, как птицы, могли перелетать с места на место всего за несколько часов. И еще в «Энциклопедии» я нашел слова: *студент, университет, знания научные*! Это невероятно, потрясающе! Как, наверное, интересно и счастливо жили люди!

Уже несколько раз искал слово *диградация* – но на странице «*диаф-дидо*» на ево месте я нашел только совсем непонятные слова: *дигиталис, диграф и дигул*.

31 мая

Я узнал, что надо писать *его*, вместо *ево*, *их*, вместо *ихних*, а после предлогов добавлять букву *н*!

1 июня

У нас родилась девочка! Я очень рад, что все прошло хорошо и Марироза чувствует себя нормально. Правда сестра перепутала бирки с номерками, и на первое кормление принесли мальчика. И когда я устроил скандал и потребовал ее увольнения, она заявила, что у нее хватает квалификации, и показала мне диплом телевизионного курса медобучалок. Я заорал, что нет такого слова кваликация, а есть квалификация, и оно означает «степень и вид профессиональной подготовки», которых у нее явно недостаточно. Она сказала, что я очень странный и опасный барби. Но тут вмешалась Марироза, она попросила не обращать на меня внимания, потому что я не в себе из-за рождения дочери.

4 августа

Оказывается, у людей был *император*, это – самый главный правитель, видимо, как мэр Раена, его звали Октавиан Август, и в честь него был назван месяц. Это имя на их старом языке значило: *божественный, величественный!*

Жена с родственниками назвали мою дочку Криселлой, я изо всех сил возражал, но ничего не мог сделать.

7 августа

Один большой барби из мэрии Раена купил у старика *шахматы*. Не знаю, зачем они ему понадобились, но мне жаль их. Я ведь уже начал потихонечку решать шахматные задачи из журналов, и потом они были такие красивые. Но старику надо на что-то жить.

7 августа (ночь)

Это невероятно! Я только что написал стихотворение! Настоящее стихотворение! У меня уже несколько дней в голове крутились те несколько строк про снег, которые я написал давно. А сегодня вдруг я почувствовал, что могу их продолжить. Нет, не то чтобы я знал слова, но я чувствовал какую-то волнение, ритм и энергию. Я просидел несколько часов подряд, писал и зачеркивал слова и строчки, пытаюсь как можно точнее передать то, что было внутри меня. И вот что получилось:

Как тихо, тихо, тихо,
Как нежно снег идет.
Как будто лапой белой
По небу водит кот...
(Это то, что я написал давно, а дальше то, что сегодня)

Как будто из небесных
Отверстий и щелей.
Все сыплет кто-то крошки
Для белых голубей.

Слетятся на пир гости,
Воркуя и гуля,

(Это место у меня никак не получалось, и я не знаю, есть ли такое слово «гуля», но больше ничего не придумал)

И в танце голубином,
Завертится зима.

Из невесомых крыльев
Соткется полотно
И белым занавесит
(Про «занавесит» тоже не уверен)
Мне кружевном окно.

Сквозь дырочки узорные
Прольется синева,
И залетевшим перышком
Укроется душа.

Но ветер прогудит в окно,
Срывая все в полет,
И только тихо, тихо,
Неслышно снег идет.
(Или «По небу ходит кот»).

Конечно, это в тысячу раз хуже, чем у того большого поэта людей. Но я все равно чувствую себя счастливым. И еще... не знаю, как выразить... я чувствую, как будто бы у меня появился смысл... мой личный инвиди... индивидуальный смысл.

9 сентября

Дети растут, и им все больше и больше надо! Денег все так же не хватает, я стараюсь, как могу, но я не в состоянии заработать такое количество. Я ненавижу свою работу, и каждый день заставляю себя идти туда! Марироза все время чем-нибудь недовольна, она сильно располнела и давно уже не похожа на розовую карамельку. Я совершенно разлюбил ее, и не понимаю, как я мог любить ее раньше! Она, наконец, узнала, что я хожу к старику, и устроила скандал. Она кричала, что я – чокнутый идиот, и что она была дурой, когда согласилась стать моей барбипарой. На шум выскочили родители и сестра, которая принялась громко хохотать, и говорить, что она так и знала, что этим кончится...

Я задыхаюсь, просто физически задыхаюсь! Я даже начинаю подумывать, а не пере-ехать ли мне к старику?

15 сентября

Сегодня выходной, я весь день провел у старика, я не могу больше находиться дома. Листая энциклопедию, я увидел полу стершийся рисунок здания с большими шарами наверху разноцветных башенок, я узнал Барби-молельню. Надпись под рисунком почти стерлась, я смог разобрать только – *собор Васил*... Я не знаю, что это значит, и уже прекрасно понимаю, что это только часть прежнего названия. Но все равно оно мне нравится больше чем Барби-молельня. Теперь я буду так называть это здание – Собор Васил!

Еще я, наконец, нашел слово *деградация*! Оно, оказывается, пишется через букву *е*! Я увидел у старика в одной из книг картинку. Это – рипра... нет, репродукция. На ней были

изображены четыре балерины в голубых платьях, и внизу было написано *ДЕГА*. Я решил, что *Дега* это тоже часть слова, но на всякий случай посмотрел в Энциклопедии, и увидел что это совсем полное слово, так назывался художник этой картины. А рядом на соседней странице я вдруг увидел слово *деградация*. Это никакая не болезнь, это – постепенное ухудшение, упадок, утрата ценных свойств и качеств в разных областях...

29 сентября

Случилось ужасное! Сегодня я попробовал прочитать малышу Стиана А. Он уже достаточно большой, я так долго ждал этого момента, но он начал вертеться и не хотел слушать. Я одернул его и стал продолжать чтение. Но тогда малыш начал громко плакать и звать маму, тут влетела разъяренная Марироза и стала шипеть как дикая кошка, что я полоумный идиот, чтобы не смел даже трогать Тимонадчика со своими глупостями. Если я еще хоть раз сунусь к нему со своей идиотской книжкой, она уничтожит ее! Я не смог этого вынести, и выскочив из дома, долго бесцельно шлялся по улицам Раена. Дети, даже мои дети не понимают меня! Я так ждал, я так надеялся, что мои дети будут совсем другие, что я смогу научить их, передать им что знаю и чувствую, но все бесполезно!

В своих мыслях я и не заметил, как ноги принесли меня на площадь. Старик стоял, как всегда, возле Барбимоле... возле собор Василя, я подошел поближе и увидел у него в руках одну из моих самых любимых книг. Я остановился рядом и стал слушать.

Страна, в которую занесло Гулливера, называлась Лилипутия. Жили в этой стране лилипуты. Самые высокие деревья в Лилипутии были не выше нашего куста смородины, и самые большие дома были ниже стола...

Тут на площади появились Марироза с нашими детьми, ее сопровождали мои родители и Сиси. Они все были нарядно одеты, улыбались и здоровались с многочисленными знакомыми. Малышка Криселла, которой всего полгодика, вдруг стала капризничать и плакать. И тогда Марироза начала пугать ее Гадким Барби, показывая на старика. Я вспылил и сказал ей, чтобы она не смела так называть его и пугать им нашего ребенка! И что старик вовсе не сумасшедший, а скорее они все сумасшедшие! На что Марироза зашипела, что я сам сумасшедший, гадкий и оборванный барби! Она права, в последнее время я не очень-то обращаю внимание на одежду. И что я – неудачник, и не умею, как следует зарабатывать, и что она была душой, став моей барбипарой, а теперь я сделал несчастной ее и наших детей! Я не выдержал и закричал, что не могу больше выносить ее глупость, что она безмозгая и пустая кукла. И что я ненавижу ее, ненавижу их всех... Вокруг меня собралась толпа барби, среди них было много знакомых и сослуживцев по работе, они таращились на меня, смеялись и перешептывались между собой. Я посмотрел на старика, не обращающего ни на что внимание, продолжающего свое чтение, и меня вдруг охватила дикая ярость! Зачем, зачем он это делает? Зачем он читает эти прекрасные книги бывших людей? Кому? Этим безмозглым и жвачным барби? Зачем? Зачем он сеет ненужные надежды? Нет никаких «белых лебедей», есть только помойные свиньи, жирные индюки, да безмозглые куры! Я чуть не умер от внезапного приступа злости и, схватив первый попавшийся огрызок, с криком: «Гадкий Барби», – запустил в старика. Тут же подбежали несколько молодых барби, и начали с хохотом кидать в него яблоки и помидоры. «Гад-кий Бар-би! Гад-кий Бар-би!» – кричал я, задыхаясь от бешенства. «Гад-кий Бар-би! Гадкий Бар- би!» – скандировала толпа...

4 октября

Марироза собрала свои вещи и детей и ушла от меня к своим родителям. Сиси при виде меня, кутит пальцем у виска и шипит, что я псих несчастный. С работы позвонили и

сказали, что я уволен, что такое безобразное поведение бросает тень на их путацию (так они называют репутацию). Один Стенли Кен считает что я молодец и, наконец, стал достойным кеном! Он обещает поговорить, чтобы меня приняли в союз барбишисов! Но это все мне совершенно безразлично! Меня мучает совсем другое! Стыд! Страшный, мучительный стыд! Я предал старика! Как я мог! Я уже несколько дней не выхожу из дому, не ем и не пью! Я все время думаю, о том, что я натворил! Это было словно помешательство! Я не знаю, как мне теперь жить после того, что я сделал!

12 октября

Все, я решился! Я теперь знаю, что мне делать! Я собрал все свои вещи! Я поеду к старику! Он простит меня, я знаю. Я расскажу ему все, и он простит! Мы станем вместе жить, я буду помогать ему, он ведь уже старый. И ему тяжело, недавно он разбил одну чашку из фарфора и очень расстроился! А еще я найду себе работу, что-нибудь совсем простое, чистить улицы, или грузить что-нибудь, мне все равно. И тогда старику не нужно будет продавать вещи, оставшиеся от людей. А по вечерам мы будем разговаривать в тишине, читать книги, а ночью я буду писать стихотворения...

Хватит притворяться! Я не барби! Ха-ха! Как хорошо! Как прекрасно! Я не барби! НЕ БАРБИ! НЕ-БАР-БИ!

13 октября

Старик умер! Я узнал об этом от его соседей, когда я пришел к нему, дверь была заперта, и на звонок никто не ответил. Я пошел на площадь, но на площади его тоже не оказалось, тогда я снова пошел к нему домой, но дверь была так же заперта. Я испугался, что вдруг он уехал из нашего Раена, как он и раньше это делал, и тут соседняя дверь открылась, и из маленькой щелочки выглянул потускневший голубой глаз престарелой барби, его соседки, я видел ее пару раз, когда приходил к старику. Она некоторое время молча смотрела на меня, а потом сказала одну единственную фразу: «Он умер!» – и захлопнула дверь. Я словно остоленел, эта фраза, смысл которой я никак не мог понять до конца, парализовала меня. Я как будто бы перестал дышать, то есть я все время старался вздохнуть, но что-то, колом ставшее во мне, не давало мне это сделать. Когда я, наконец, вдохнул, у меня вдруг стали ватными ноги, и я чуть не упал, схватившись за ручку двери. Затем я почувствовал дикий, сумасшедший холод, ледяные иглы словно впились мне в мозг, и из кусочков синего обжигающего льда перед моими глазами сложились три слова «я» «убил» «его». «Я-у-бил-его» – с трудом произнес я, трясаясь всем телом и клацая зубами. «Я убил его!» – начал стучать я в дверь к соседке. «Я УБИЛ ЕГО!» – кричал я, пиная ногами дверь, – «Я УБИЛ ЕГО! УБИЛ ЕГО, УБИЛЕГОУБИЛЕГО...»

14 октября

Старик умер от воспаления легких, он просто простудился, и его старый организм не справился с болезнью. Я только что вернулся с его похорон, власти ему выделили место в самом глухом участке кладбища, и там его и похоронили за счет бюджета Раена. На кладбище был представитель от мэрии, я, и еще несколько незнакомых мне барби. После краткой официальной речи представитель спросил, не может ли кто-нибудь еще сказать что-нибудь о покойном. Все промолчали и посмотрели на меня, но я не знал, что сказать, и тоже промолчал. Когда церемония закончилась, ко мне подошел один из барби и сказал, что Георг Барби Кен оставил для меня пакет. Я удивился и спросил, кто такой этот Георг, тогда сосед

тоже удивился в свою очередь и сказал, что так звали покойного. Мне стало стыдно, потому что для меня он всегда был просто старик, или Гадкий Барби, и я даже никогда не думал, что у него может быть какое-то имя. Когда я вернулся домой, я открыл пакет и увидел там книги, которые стояли у старика на полке. Там были: «Энциклопедия», «Сборник поэзии», несколько журналов «Наука и жизнь», «Путешествие Гулливера», «Французская живопись» и «Справочник по правописанию». Я посмотрел на них и заплакал, как я не плакал с самого детства. Я остался один! Безнадежное, чудовищное, невыносимое одиночество, и теперь уже навсегда! У меня больше нет надежды! Нет смысла, нет цели! Я плакал навзрыд, захлебываясь слезами, выплескивая всю свою боль и разочарование, потерянную мечту. Когда я, наконец, остановился, я снова завернул обратно все книги, приложив туда Стиана А., и два моих стихотворения. Через некоторое время я положу туда и этот мой дневник. Нельзя стать человеком в мире барби! И если и вправду когда-то были люди, с их культурой, поэзией и творчеством, то сейчас ничего нет! И смешно, бессмысленно и глупо мечтать о том, чего нет и никогда не будет! Если я хочу жить дальше, я должен стать обычным добропорядочным барби в сиреневом костюме, с идеальным пробором набок в черных как смоль волосах, с прекрасной *путацей* и *кваликацией*! Я буду продвигаться по *карьерным ступенькам*, а по выходным собирать *калекции* и отдыхать у телевизора последней починки в нашей миленькой квартире.

И поэтому я заканчиваю свои надписки, потому что мне это больше на фиг ни нужно! Я – ни человек! Я – барби! Ха-ха! Я БАРБИ!»...

Максимилиан закрыл дневник и замер на некоторое время, сосредоточившись на чем-то, видимом только ему. За окном медленно разгорался холодный рассвет, солнечные лучи, пробив пелену облаков, окрашивали стены домов в бледные цвета поздней осени. Максимилиан вышел из задумчивости, бережно положил дневник на место, быстро собрался и вышел из дома. По улицам Раена уже начали ездить первые рикши-кататели, из некоторых оконвился дымок от топящихся печек-уржук. Ходили слухи, что в где-то, в каких-то отдаленных Раенах еще было электричество и даже работало отопление, но точно никто ничего не знал. Максимилиан шел по большой длинной улице, ведущей к главной площади, мимо потухших уличных экранов, ржавеющих машин с выдранными сидениями, закрытых магазинов с обвалившимися вывесками, мимо единственного работающего подземного хода с высеченными из камня буквами «ТВЕР...». Говорили, что его из последних сил поддерживают в рабочем состоянии для мэра, который со дня на день покинет Раен. В ожидании открытия у «ТВЕРа» уже стояла большая очередь нагруженных барби, бегущих в другие Раены в предверии надвигающейся зимы. Порыв пронзительного северного ветра принялся трепать, а затем и вовсе оторвал от стены дома листовку с призывом не поддаваться панике и не верить провокационным слухам. Максимилиан проследил глазами за порхающим, словно белая бабочка, листком, запахнул сиреневый костюм с отсутствующими пуговицами и продолжил свой путь на главную площадь. Там на булыжной мостовой, за торговыми лавками и зимней катальней, возвышалось необычное сооружение с большими разноцветными башнями и шарами наверху, собор Васил. Он поблек, осыпался и пошел трещинами, но все равно был торжественно красив в лучах утреннего солнца. Максимилиан остановился, посмотрел вперед на тянущиеся вдоль площади зубчатые стены, достал небольшой сверток, вытащил оттуда книжку с обгоревшей обложкой и, набрав воздуха в грудь начал громко читать вслух:

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было сметено в тога...

– Гадкий Барби, мама смотри, Гадкий Барби!

Максимилиан поднял глаза и столкнулся с двумя огромными голубыми испуганными глазами пятилетнего малыша, который выглядывал из-за маминой юбки. Максимилиан под-

мигнул малышу, а потом продолжил то, что с этого момента он считал самым главным делом своей жизни.

...В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то и сидела на яйцах утка...

Евгений Акуленко

Глюк

Рассказ

Не знаю, что мною движет сейчас. Скорее всего, я просто боюсь. Боюсь исчезнуть, не оставив следа. Мне тридцать два, я в предхристовом здравии. Как и математику Декарту в свое время, мне не дают покоя три вещи: время, любовь и смерть.

Как вам объяснить?..

Мы все чуть-чуть измазаны в среде. Нас припорошила пятница. И неосторожно всей стопой мы вляпались во вторник. Наши волосы вымыл понедельник. А четверг расписал тело красными горошинами. Мокрыми тряпками отшлепала по щекам суббота.

Что с воскресеньем? А воскресенья нет. В неделе шесть дней. Вы не знали?

И именно в таком порядке...

Думаете, я сумасшедший? Вы чертовски проницательный читатель, с вами приятно!

Эссе на календарике... Ладно, не буду больше.

Все началось с того, что я начал отправлять эсэмэски. Вы тоже? Удивительное рядом! Только я начал отправлять их во сне. Набирал, мысленно представляя буквы, и посылал друзьям. Самое прискорбное заключалось в том, что мои сообщения приходили адресату. Взаправду. С неизвестного номера. Да, должен согласиться, если бы номер отправителя определился, это была бы песня! Я тогда, пожалуй, побрил бы голову в поисках штрих-кода на затылке, как у Хитмена.

Уж не знаю, как кто, а я почиваю преимущественно ночью. И сообщения типа: «Привет, жопа! Че не спишь?», полученные в полчетвертого, бурной радости у друзей не вызывали, что понятно. А вот я радовался, как дитя. Потом надоело.

Одно время душила гордость. Все подмывало сделать заявление в трагической атмосфере, что это, мол, все я, ментально!.. Ну и что? Получил бы в глаз... Ментально там или ректально, голова же есть на плечах – в полчетвертого ночи людей будить? А стал бы настаивать. Эх-х! Вы читали мое эссе на календарике? Вот и друзья читали. Отвели бы к наркологу. Точно!

Кстати говоря, родилось это эссе там, за границей яви. И непременно бы забылось утром без следа, как забываются все гениальные выкидыши подсознания, если бы не было упаковано в текстовый формат и переправлено себе на трубку. Как использовать новую способность, помимо записной книжки для полусонных идей, я не придумал. Практическая сторона сколь необычного, столь и бестолкового свойства сводилась к грошовой экономии на услугах оператора сотовой связи. Это лишний раз подтверждало мой вывод о том, что истинное чудо абсолютно бесполезно в быту.

Потом я стал следить за временем во сне. Часы самых разнообразных форм, расцветок и конструкций являлись моему взору по первому требованию и показывали, собака, точное московское время. Я уныло отсчитывал последние секунды до подъема и опять же пребывал в неведении, плакать мне или смеяться.

Потом я начал слышать радиостанции в FM-диапазоне. Стало веселее. Бодрящиеся полусонные диджеи дышали кофейными парами в эфир и несли туда же всякую чушь. Основная пурга приходилась, конечно, на утренние часы, но я уже просыпался, благо-дело.

Потом я стал видеть людей. Дома, огни рекламных вывесок, машины. Один и тот же незнакомый город снился мне во все новых и новых подробностях. Я читал афиши и объявления, слышал разговоры прохожих, вестибюли подземки обдавали теплым резиновым

ветром и гулом. Я педантично попадал именно на то место, откуда утром меня выдирали будильник. Если происходящее и было фантазией, то точно не моей.

Я подолгу бродил по многочисленным улицам, размышляя в числе прочего о природе шизофрении. Однажды мужик, посасывающий пиво на лавочке, проводил мою фигуру долгим взглядом и пихнул локтем соседа:

– Гы-гы, глюк!

Мир реагировал на меня. Он был реален.

Ее я встретил позже. Расфуфыренная дамочка в короткой, открывающей ноги по самое «не балуйся» юбке опиралась полупопием на красный кабриолет и целилась в меня из пистолета. Должен признаться, что я по натуре человек весьма осторожный и переть грудью на амбразуру абсолютно не мой стиль. Даже во сне. Однако я почему-то был уверен, что дамочка не выстрелит.

Пистолет трижды гавкнул мне в лицо, настаивая на обратном.

– Вах! Боюсь! – я скорчил мину.

Выстрелы не принесли никакого вреда, но все равно было неприятно. Еще не хватало, чтобы кто ни попадая в меня шмалял почему зря.

– Ты еще и разговариваешь? – удивилась дамочка.

– Да, – согласился я. – Пою, танцую, вышиваю крестиком.

– Ну извини. Первый раз вижу, чтобы глюки разговаривали, – дамочка, отлепив автомобиль от полупопия, поманила меня к стеклянной витрине. – Ты себя со стороны видел?

Вот уж, говоря откровенно, внешний вид мне был до одного места. В реальном-то мире я ограничивался совершенным минимумом телодвижений на этот счет, предъявляя к одежде только одно требование: «Лишь бы не мерзли уши!», а уж как я выглядел в собственном сне... Короче, меня ждал сюрприз. Причем такой, что я даже бегал к другим витринам и смотрелся в зеркала кабриолета. Везде показывали одно и то же: серый силуэт без лица, почему-то с галстуком-бабочкой на шее. Мало того, я был полупрозрачным, как целлофановый файл для бумаг.

– Хотя, – призналась дамочка, – так, конечно, прикольной. Только играть не сможешь.

– На чем? На нервах?

– Что «на чем»? Ты же здесь делаешь вообще?

– Сплю, – признался я.

Дамочку звали Лика. Еще ее звали Panda_66, но так – Лика. Происходящее вокруг не было параллельным миром, мой разум не похищали злобные инопланетяне, и я, наконец, не свихнулся. По крайней мере, на тот момент. Новая интернет-игра «Континент» распахла предо мной свои объятия и приняла в свое лоно без посредничества компьютера, модема и моего желания. Кино про Матрицу смотрели? Вот так вот и бабочки!..

По местным меркам Лика была безобразно крута – восемьдесят седьмой уровень. Выше только гипотетический восемьдесят восьмой. Для того чтобы раскататься до таких высот, пришлось бы провести в он-лайне полжизни. Игроки торговали, менялись, колошматили ботов и друг друга, коротая эту самую половину. Кто первую, а кто уже вторую.

Думаю, давно миновал момент, когда компьютерные игры перестали быть играми как таковыми. Этому новому способу массового поражения времени – как свободного, так и рабочего – еще просто не подобрали достойного названия. Компьютер обеспечивает загрузку двух органов восприятия – зрения и слуха. За остальные дорабатывает воображение. Пока. Но и этого уже достаточно, чтобы создать альтернативную реальность, где с равным удовольствием спешат укрыться и подростки, и менеджеры среднего звена, и пузатые дядечки.

Покликал мышкой – добыл чугуний. Покликал еще – превратился чугуний в топор. Покликал топором по балде какому-нибудь козлокрылу, и снизошла на тебя благодать. Мак-

симум эффекта при минимуме усилий, да еще качается кликабельный палец. А в реальной жизни пока на ту же квартиру накликаешь – посеешь.

Мы стали встречаться с Ликой регулярно. Виной тому, конечно, не мое невозможное обаяние, просто часам к двум даже самые стойкие обитатели «Континента» парковали своих персонажей в безопасных локациях и отходили баиньки. Лика оставалась. Она легко находила меня в огромном мегаполисе, подхватывала в кабриолет, и мы мчались по пустынным автобанам. Или гуляли в парке. Или сидели в кафе. Ночи напролет мы болтали обо всем на свете.

Ладно я, с моей особенностью экономить на интернет-трафике. Мне-то удавалось параллельно высыпаться. А вот Лике на сон оставались лишь дневные часы. Тогда я не придал этому факту значения.

Мы не знались наяву, но, видясь еженощно, привыкли друг к другу, будто сослуживцы в одном кабинете. Хотя в известном смысле я даже мог утверждать, что с Ликой спал.

– Мы можем встретиться в реале? – однажды попросила Лика.

Не предложила, не пригласила в гости, а именно попросила.

– Можем, – пожал плечами я.

– А не боишься, что я мужик? – Лика усмехнулась.

Я не боялся. Сквозь нарочитую грубоватость цветными бисеринками проблескивали романтические финтифлюшки. А девичий наив не мог утаиться за эдаким мрачным цинизмом первокурсника медицинской академии. Без всяких сомнений, передо мной была девушка лет около двадцати трех. Вот только тоска, глубинная ненаигранная тоска, что прорывалась временами из игрового образа, вводила меня в ступор. В такие моменты мне хотелось прижать к груди это несчастное существо, закрыть от всех, от всего, подуть в волосы. Но я не мог даже взять ее за руку.

– Ты откуда сам?

– Та эта. москвач я...

– Хорошо. Здесь недалеко, три часа на электричке. Лика продиктовала адрес.

– Спросишь Катю, это подруга. Она ответит.

– Почему так сложно? – удивился я.

– По кочану!.. Ты приедешь? Отлично!.. Цветы не забудь!..

Зачем я потащился тогда в эту тьму-таракань? Надеялся, что обладательница выпуклых виртуальных полупопий бросится мне на шею с предложением всей себя и сердца?.. Надеялся, конечно. Но не особо. Скорее, мне было просто интересно. Чем-то зацепила меня Лика. Чем-то, чего я не встречал в других.

Катей оказалась полная дурнушка с жидкими, давно не мытыми косичками. На вид ей было едва ли больше двадцати пяти – Лике, стало быть, тоже. Я не ошибся. Катя запахивалась в засаленный халатик, всем своим видом выражая недовольство моим неожиданным визитом.

– Мне бы Лику увидеть.

– Какую? – Катя сморщилась, нисколько себе этим привлекательности не добавив.

Действительно, какую? Ни фамилии, ни.

– Лику, – повторил я, беспомощно дернув букетом.

– А-а, – Катя посмотрела на цветы. – Ладно. Сейчас. На улице подождите.

Больше часа я ждал, пока Катя нарисует лицо, преимущественно черными тенями. Потом мы долго тряслись в маршрутке, доехав до конечной, до городского кладбища. Катя уверенно заплетала между оградками. Я шел следом.

«Куда я вляпался? – думал я. – Что это, сатанинская секта? Или молодежная субкультура, настоящая на покойниках?» Я перебирал варианты: «Готы, некроманты, некрофилы?..»

Все оказалось хуже. Гораздо хуже.

– Вот, – Катя остановилась. Вначале я просто не понял.

– Что «вот»?

– Вот ее могила.

– Чья?

– Лики. Вам нехорошо?..

А потом отказывался верить.

«Воробьева Елена Геннадьевна, 3.VII.1984 —, убеждала табличка. Свечной огарок, засохший букетик в стакане, две карамельки. С овала фотографии на меня смотрела чуть насмешливо русоволосая девушка. Худенькая, с большими серыми глазами. Вся какая-то болезненно-светлая, хрупкая. Лена – Лика.

– Отчего она?.. – спросил я.

И приготовился услышать что-то вроде: «Передоз» или «Сама».

– Да не знает никто, – Катя дернула плечом. – Врачи говорят: сердце. Им же надо что-то говорить, а Лика не жаловалась никогда. Просто нашли дома мертвой. И все.

– Родители есть?..

– Мать.

Я наклонился и положил на надгробие розы. «Цветы не забудь!» – всплыло в памяти.

– Почему три? – спросила Катя и, видя мое непонимание, добавила: – Три розы почему?

Обычно же четное количество приносят...

– Для меня она жива, – ответил я.

Конечно, это мог быть просто дурацкий розыгрыш. Некоторое время назад мой природный скептицизм даже на секунду не позволил бы в этом усомниться. Но сейчас я знал, что это не розыгрыш. Я просто это знал.

Не в силах дожидаться ночи, я зашел в игру из интернет-кафе, как все нормальные люди, посредством компьютера. Регистрация заняла десять минут.

«gluk>>>Panda_66: Это я...»

Лика ответила сразу:

– Как там Катька?

– Неряха твоя Катька.

– Всегда такой была.

Обычный ежедневный треп миллиарда людей. Я не знал, что сказать. Мигал курсор, отсчитывая пульс.

– А где я... там? – спросила Лика.

– Двенадцатый ряд, правая сторона. В Лебедево.

– Вот так вот все-таки, да?.. Я-то надеялась, что в коме. Или, на крайняк, что крыша поехала.

– Так ты не знала?! – изумился я.

– Откуда?.. Вот, тебя подослала... Катька по-любому бы отвела или в больницу, или в психушку, или. Правда ведь?

И тут меня проняло. Боже милосердный! Там ведь живой человек! Живой! Оголенным сознанием запертый в виртуальных стенах. Без родных, без близких. Без надежды.

– Девочка моя бедная! Каково же тебе там?!

Ответом мне стала бесконечная череда плачущих смайликов.

– Что я могу для тебя сделать, скажи? Лика помедлила с ответом.

– Быть!..

Первым, чем встретила меня Лика в образе целлофанового файла, стала гневная отповедь.

– Не смей меня жалеть! Никогда!.. Понял? Я жила вполне себе тут хорошо... Выбор у меня какой? Вот и нечего сопли распускать! А то нашелся тут, жалостливый!..

– Ладно, не ругайся! – примирительно сказал я. – Девочка, живущая в сети.

– Ненавижу эту песню! Слышишь? Ненавижу!..

Ли́ка в бешенстве прыгнула в машину и умчалась, оставив меня наслаждаться виртуальными выхлопными газами. Потом извинилась. Эсэмэской.

Из «Континента» можно было отправлять сообщения на телефон – вероятно, для уточнения игроками времени групповых турниров. И это нас с Ликой в некотором смысле объединяло. Мы – два эдаких уника – владели посылкой сообщений силой мысли.

«Как у вас там погода?» – спрашивала Ли́ка.

Это «там» невинному вопросу придавало некий зловещий оттенок.

«Морось. Мерзость. Брррр!» – отвечал я, согревая пальцы кружкой чая.

Порой, желая Лике развеселить, я отправлял ей какую-нибудь цитату с башорга.

«Бьюсь!» – отмахивалась она.

Это означало, что какой-нибудь зловредный козлогрыл никак не хотелдохнуть.

Не знаю, как бы я поступил, окажись в положении Лики. Наверное, все-таки пытался бы достучаться до кого-нибудь с той стороны монитора. Подобную изоляцию я вряд ли вынес бы.

– Матери почему не сообщишь? – спросил я как-то Лике.

– Угу, – кивнула та, – чтобы с ума сошла?

– А Катке?

– Катке. – Ли́ка нахмурилась. – Не хочу, – и добавила, видя мое непонимание: – Ну как тебе. Ну допустим, она мне даже поверит. Вот как ты. Ну повздыхает. Охи-ахи, все дела. Свечку сходит воткнет... Ну а дальше-то что? «Привет, как дела?» – «С днем рождения?» – «Ой, у меня опять задержка десять дней?..» О чем нам с ней говорить? Она – живая. Я – непонятно. Не хочу. Померла, так померла! Все!..

В ту ночь я видел ее последний раз. Тогда, конечно, я еще не знал об этом.

– Есть работка! – сообщила Ли́ка. – Подмогнешь?

– Да не вопрос!

Ли́ка собиралась пинать Гигантского Пидороцефала. Обычно на него собирались толпой человек в двадцать, из которых половина погибала по ходу дела смертью храбрых.

До этого мне пару раз доводилось принимать участие в ристалищах, так, интереса ради. Меня использовали в качестве мальчика для битья. Подпускали поближе какому-нибудь Ядовитому Долбоклювику и, пока тот бесполезно выплескивал на мое бесплотное тело свой компьютерный гнев, быстренько приходовали монстра на полезные запчасти. Стоит ли упоминать, что подобное времяпрепровождение меня не впечатляло. Но отказать Лике я не мог.

Большой Пи водился в пещерах за городом и выглядел так, как ему и подобает, – огромным и страшным до рвотных позывов. Стратегия осталась прежней, я подставлялся под удар, а Ли́ка пилила Пидороцефала каким-то мегамечом. Процесс этот обещал быть утомительным.

От мелькания зубов, когтей и бог знает чего еще рябило в глазах.

– Тебе не надоело еще? – я повернулся к монстру спиной.

– Потерпи, – ответила Ли́ка. – Этого мне должно хватить.

– Хватить для чего?

– До следующего уровня.

– А потом?.. Ли́ка не ответила.

– Что потом? – настаивал я.

– Не знаю. Но очень надеюсь, что все.

Я понял. Игроки после восемьдесят восьмого уровня признавались победителями, их имена заносились в какой-то там зал славы, и продолжать игру они уже не могли. Для Лики это означало одно. Небытие.

– Я выхожу из боя! – предупредил я.

– Глупо. Нет разницы – один большой бот или много мелких. Просто я хотела, чтобы ты. был рядом.

– Подожди, подожди!.. – взмолился я.

– Не могу больше, – призналась Лика. – Устала... Этот мир не для жизни. Он угловат, конечен, предсказуем. Лучше никак, чем так. И вообще, долгие проводы – лишние слезы!..

Линия здоровья монстра сократилась вполовину и пожелтела. Оставалось и впрямь немного.

– Знаешь, – произнесла Лика, – это не ты глюк, а я. Все мое существование сплошной глюк. Я подумала тут как-то, вот если бы осталась я жить в реале, все равно бы сюда бегала от рутины обрывдлой, от безысходности, чтобы хоть на пару часов забыться. Уколоться и на дно колодца. Вот, может, кто-то там, – Лика на секунду отвлеклась и ткнула в виртуальные облака мечом, – и решил: чего, мол, время тратить? Хочешь – на!..

– А может, ты сама так решила?

– Может.

Бильшой Пи издал предсмертный рык и издох.

– Все, – Лика опустила меч. – Прощай! И. спасибо тебе за все!

– Прощай! Девушка из моих снов...

Лика улыбнулась, взглянула мне в глаза и исчезла.

Я проснулся.

Десять километров неба давили сверху, вжимали лопатками в матрас с выгнутыми пружинами. Все. Ее больше нет. Нигде. Только лик в памяти. Ликин лик...

Пожалуй, на этом можно было бы поставить точку. Погрозить небу, повыть в бессилье. И забыть.

Я убедил себя, что забыть – единственный выход.

Только. Только вчера днем мне свалилось сообщение с неопределенного номера. Удивительно, как обычное сообщение с неопределенного номера может все перевернуть с ног на голову.

«Привет! Это я...»

«Лика?! – мои пальцы не попадали в кнопки. – Как ты?! Где ты?!»

«У нас идут лиловые дожди...»

«А здесь осень, – отвечал я, и буквы отчего-то размывались, – листья, лужи».

«У нас в небе плетутся поющие нити. И повсюду яблоки, зеленые яблоки...»

Ну вот вроде и все.

До сих пор мир терпел меня, ожидал чего-то, наблюдая, как я кочевряжусь в потугах оправдать свое существование. Все более вяло с каждым днем, правда. Вероятно, теперь мне не придется этого делать.

Цветы политы, эссе на календарике увековечено, входную дверь оставляю открытой.

Сейчас я лягу спать. Я не спал сутки, я усну. И постараюсь отправиться туда, где идут лиловые дожди.

Если вы читаете эти строки, то произошли две вещи. Во-первых, мне это удалось. А во-вторых, я вряд ли вернулся обратно.

И еще. Самое главное. Значит, я смог. Смог. Взять. Ее. За руку.

Валерий Брусков

Медитация

Рассказ

Н. а каком-то из очередных этапов своего многообразного бытия Юрчик вдруг пришёл к ошеломившему его выводу, что он способен стать бессмертным.

ЕСЛИ ЗАХОЧЕТ...

И Юрчик захотел!

Для осуществления столь грандиозного плана необходима была временная изоляция от назойливости окружающей среды. Максимально полная изоляция, хотя пока это касалось лишь защиты от постороннего вмешательства, которое могло нарушить самый сложный процесс перехода из бренности в Бессмертие.

Юрчик не без протестов начальства взял у себя на работе месяц без содержания – он был абсолютно уверен в том, что этого времени ему хватит с большим запасом, – сел в быстрый поезд и махнул в дикие глубины горного Кавказа.

Два дня он потратил на поиски среди куч мусора и кострищ достаточно укромного уголка. Узкая трещина в замшелой скале привела его в крохотную пещерку, ещё не маркированную вездесущими туристами. Замуровав трещину изнутри камнями, чтобы оградить себя от случайностей, Юрчик наконец приступил к самому главному.

Он сел на сырой, холодный пол пещерки, принял позу лотоса, отключил слух, закрыл глаза и начал длительный процесс погружения в себя самого...

Первым этапом было Самосозерцание и Возвышение Духа. Все болезни – от нервов, кроме нескольких редких исключений из правил, поэтому, прежде чем заняться собственно недугами, требовалось подготовить дух к будущности, которой не будет конца...

Насладившись собой до пресыщения, Юрчик понял, что сто лет он проживёт точно, и пошёл дальше...

Вторым этапом был глубокий по своей сути зондаж внутренних органов – ещё здоровых и уже чем-то слегка подпорченных. Юрчик видел самого себя насквозь: с кончиков сидящих волос на голове до любимых мозолей на ногах от ещё не разношенных кроссовок. Он просвечивал каждый свой орган пронзительным внутренним зрением, оценивал его теперешнее состояние, делая прогнозы на дальнейшее, и путём волевого усилия исправлял, восстанавливал, излечивал...

Дойдя наконец до шелушащейся кожи стоптанных жизнью пяток, он с растущим удовольствием констатировал, что гарантированно сможет прожить тысячелетие...

Третий этап предполагал ещё более глубокое погружение в сложную структуру организма. Юрчик внедрялся своим воображением в каждую клетку родного тела, перебирая митохондрии, рибосомы и липосомы и купаясь в густой цитоплазме. Он правил, промывал, очищал, избавляясь по ходу дела от вредоносных вирусов и микробов.

Завершив столь титанический труд, Юрчик твёрдо уверился в том, что легко одолеет миллионнолетний рубеж жизни. И решительно двинулся дальше...

Четвёртым этапом были молекулы тела. Они тоже нуждались в ревизии, серьёзной перестройке и реконструкции, и, уверовав в свою способность довести счёт прожитым годам до миллиарда, Юрчик наконец перешёл к атомам и элементарным частицам.

Это был самый трудный и самый длительный этап медитации. К концу его Юрчик ощутил себя совершенно автономной системой, не нуждавшейся более ни в тепле, ни в пище и воде, ни даже в воздухе для дыхания. Он был сам по себе, и он был вечен, потенциально перейдя триллионнолетний рубеж незаметно для себя самого...

Процесс наконец завершился!

Юрчик выпрямил затёкшую от долгой неподвижности спину и открыл глаза...

...Он был теперь бесконечно мудр, пройдя сквозь глубочайшую многоуровневую медитацию, поэтому почти сразу понял ВСЁ, чётко осознав себя единственной материальной частицей безграничной, холодной и пустой Вселенной...

Процесс занял время, существенно превысившее месяц без сохранения заработной платы. Вселенная успела прожить отпущенный ей срок, состарилась, одряхла и рассыпалась в прах, от которого тоже не осталось даже элементарных частиц.

А ЮРЧИК БЫЛ БЕССМЕРТЕН...

Андрей Собакин

Моя гостья из будущего

Наверное, у каждого в жизни случаются странные встречи... Мою гостью из будущего я повстречал в прошлом году в Гамбурге. Вот как это случилось... Была поздняя прохладная осень, моросил неспешный, бесконечный серый дождик. У меня не получилось пообедать в тот день, так что к четырём часам я уже изрядно проголодался. Я остановился у ресторана «Nordsee». Это такая немецкая сеть ресторанов самообслуживания, которая специализируется исключительно на рыбной кухне, и за относительно небольшие деньги там можно очень даже вкусно поесть. Этот ресторан я обнаружил в первый же вечер в двух кварталах от гостиницы и уже успел пару раз там поужинать. Вот и в тот день я собрался было толкнуть дверь и войти внутрь, как вдруг мой зонтик отказался сложиться, и после нескольких безуспешных попыток я убедился, что кнопку заклинило. «Чёрт!» – вырвалось у меня совершенно непроизвольно. Как только я это сказал, возле меня тут же откуда-то появилась невысокая темноволосая девушка, похожая на китайку или японку.

– Вы говорите по-русски? – спросила она с каким-то радостным мяукающим акцентом.

– Говорю! – ответил я с некоторым раздражением, так как зонтик продолжал упорствовать и не закрывался.

Девушка смиренно стояла рядом и молча наблюдала за моей вознёй с кнопкой... Наконец, зонтик щёлкнул и сложился.

– Можно вас попросить? – девушка осторожно улыбнулась.

– О чём? – я открыл дверь ресторана и приготовился войти внутрь...

– Вы не могли бы купить мне что-нибудь поесть? Просьба была довольно неожиданной. Нет, деньги у меня просили на улице и раньше, но вот чтобы покормить. Такого ещё не было. Я посмотрел на девушку повнимательнее и вдруг осознал, что передо мной стояла не девушка, а совсем ещё ребёнок, лет двенадцати, в мокрой от дождя куртке и с коротко подстриженными чёрными волосами. Я распахнул дверь ресторана пошире и жестом пригласил её войти. Девочка радостно улыбнулась и быстро проскользнула мимо меня внутрь. Я взял два подноса и на моём ужасном немецком попросил себе жареную рыбу с сыром, грибами и жареным картофелем. Немка-блондинка с ослепительно белыми зубами, похожая на сказочную белку из мультфильма, вопросительно посмотрела на мою юную спутницу. Однако та, очевидно, по-немецки не говорила и поэтому сказала мне по-русски:

– Можно я возьму то же самое?

Я перевёл, и белка, радостно блеснув зубами и мотнув белобрысым хвостом волос, потянулась доставать очередной аппетитный кусок жареной рыбы... Потом я попросил себе бутылку пива «Bitburger», а девочке взял большой стакан свежевыжатого апельсинового сока – я просто заметил, с каким интересом она смотрела на этот сок на витрине, где он стоял, зарытый среди множества маленьких кусочков льда... Я расплатился, и мы сели за столик в углу, в глубине ресторана.

– Спасибо, – сказала девочка. – Вы не подумайте, что я попрошайка. У меня есть деньги, только их здесь не принимают. Я пробовала.

– Что же это за деньги такие, что их не принимают? – улыбнулся я; эта история начала меня немного развлекать.

Девочка пожала плечами и, расстегнув куртку, показала мне какой-то серый металлический цилиндр, который висел у неё на шее на тонком чёрном ремешке.

– Что это? – спросил я.

– Деньги, – ответила девочка, – только их здесь не берут, потому что они не из этого времени.

– А из какого они времени? – я уже открыто улыбался, так как отсутствием фантазии малышка явно не страдала.

– Из моего времени, – сказала девочка. – Я думаю, что для вас я – из будущего.

– Ну и как там, в будущем? – уже совсем весело спросил я.

– Для меня там всё как обычно, – она была совершенно серьёзна. – А для вас... Я не знаю, как бы вы всё там восприняли...

– А как же ты сюда попала? – я решил, что могу смело говорить ей «ты».

– Я поехала к бабушке, но произошла какая-то ошибка, и перемещение прервалось. Это случается, и тогда они обычно временно высаживают в каком-то времени. Это безопаснее, чем в пространстве, так как меняется только одна координата. – и с этими словами она посмотрела на меня, словно теперь, после её объяснения, всё должно было стать ясно даже маленькому ребёнку.

– А как тебя зовут? – поинтересовался я.

– Ла-На. А вас?

Имя девочки прозвучало, действительно, слишком уж по-китайски.

– Меня зовут Андрей, – ответил я, продумывая мою следующую провокацию.

– Вы русский? А что это за страна, где мы сейчас находимся? Я их не понимаю. Они что, говорят на каком-то европейском языке?

– Они говорят на немецком, это Германия. А ты китаянка? Ла-На на секунду задумалась:

– Думаю, что для вас я – китаянка.

– Для меня? А для остальных? – не понял я.

– Просто в моём времени картина мира отличается от вашей.

Ла-На действительно была голодна, и, беседуя со мной, она быстро и чётко хватала вилкой кусочки жареной рыбы и картошки. Стакан сока она уже почти опустошила...

– В твоём времени?... А какой у вас сейчас год? – спросил я.

– Восемьсот шестнадцатый, – не задумываясь, ответила девочка.

– Тогда ты не из будущего, а из прошлого, – улыбнулся я. – У нас сейчас две тысячи седьмой.

– Нет, я знаю, что я для вас из будущего. Вы что-то путаете, – и на её лице мелькнула некоторая неуверенность.

– Сейчас, действительно, две тысячи седьмой год от Рождества Христова, четвёртое ноября, – торжественно сказал я.

– Рождества? Христова? – Ла-На очевидно не поняла сразу оба слова.

– Ну да! Христос родился ровно две тысячи семь лет назад.

– А Христос – это кто? – спросила Ла-На с совершенно искренним любопытством.

– Сын божий, – сказал я.

– А-а-а, я поняла – это шутка! Я знаю, что бога нет.

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать, но женщин об этом нельзя спрашивать, – и в глазах девочки блеснула чисто женская ирония.

– И ты одна поехала к бабушке в прошлое? – удивился я.

– Почему в прошлое? Просто чтобы не сидеть часами в самолёте, я переместилась... Но что-то, видимо, не получилось, и я попала сюда. Меня предупреждали, что такое иногда случается.

– И что ты собираешься делать? – я почему-то ожидал, что девочка всё-таки не удержится и попросит у меня денег, вроде как на обустройство в другом времени.

– Ничего, – пожала плечами Ла-На. – Надо просто подождать, и меня найдут. Вот, видите?

И она, задрав левый рукав своей куртки, показала мне толстый браслет с оранжево-белыми полосками.

– Это аварийный передатчик, по нему меня и будут искать. Так что я могу исчезнуть в любую секунду, как только восстановят канал.

Да, судя по всему, воображение маленькой Ла-На работало на полную катушку.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Во всяком случае, мне приятно, что в далёком будущем говорят по-русски...

– Я не говорю по-русски, – вдруг сообщила Ла-На.

– То есть как это? – удивился я.

Очевидно, фантазия девочки сделала крутой поворот, и мне стало действительно интересно, что она на этот раз для меня приготовила.

– В каком-то смысле вы сейчас сами с собой разговариваете, – сказала Ла-На. – Я говорю на моём языке, а ваш мозг переводит информацию на ваш язык, в понятные вам выражения. Если вы посмотрите повнимательнее, то мои губы, может, и не всегда совпадают со словами...

Да, это было неожиданно – такого я не от неё ожидал. Однако мой ответ не заставил себя ждать:

– Тогда почему я не могу таким же образом говорить с другими? Почему мне приходится переходить на немецкий, чтобы здесь меня поняли?

– Потому что у них нет автоматического переводчика, – улыбнулась Ла-На и раздвинула на груди куртку. Там, помимо металлического цилиндра, который она называла своими деньгами, на её шее висел небольшой сложенный мобильный телефон, – во всяком случае, это выглядело как мобильный телефон... тёмно-синего цвета.

– Он сейчас включён, – сказала Ла-На, – и поэтому вы думаете, что слышите и понимаете меня, ну а я – вас. На самом деле мы сейчас говорим каждый на своём языке.

– А как он работает? – спросил я. – Воздействует на мозг электро-магнитными волнами?

– Не знаю... – вздохнула Ла-На. – Мне его папа дал... А к вам я подошла, потому что он на вас как-то сразу настроился...

И она сосредоточенно продолжила поедание жареной рыбы...

Я задумался... Забавная ситуация получалась. Разумеется, ни в какую гостью из будущего я не верил, но я был действительно под сильным впечатлением от фантазии моей маленькой знакомой. В каком-то смысле она честно отработала свою жареную рыбу, разыграв для меня такое необычное представление. И она ни разу ни на чём не попала – у неё на всё были готовы ответы. Это же надо – так свободно и естественно врать! Такую бы малышку, да выучить на шпиона – цены бы ей не было!

– Спасибо вам огромное, – сказала Ла-На, подъедая остатки жареной картошки с тарелки. – Всё так вкусно! Даже не знаю, как вас отблагодарить. Хотите, я вам что-нибудь про моё время расскажу? Раз уж я всё равно тут сижу. Вам, может, станет интересно – ведь для вас это будет будущее...

– Хочу, – я ещё раз удивился её авантюризму, граничащему с наглостью.

– Спрашивайте! – улыбнулась она.

– Хорошо, – задумался я, зададим-ка ей задачку посложнее: – Кто победил в третьей мировой войне?

– В третьей? – Ла-На выглядела действительно озадаченной...

– Ну, хорошо, – улыбнулся я. – А во второй мировой кто победил?

– Во второй? – Ла-На сосредоточенно пыталась что-то вспомнить.

– Разве у вас в будущем совсем нет истории в школе? – удивился я, несколько преувеличивая степень моего удивления.

– Есть, – сказала Ла-На. – Только я вот как думаю... Войн на свете было много... Вам, наверное, интересно узнать про исход войны, которая была... то есть будет в ближайшем для вас будущем?

– Хотелось бы, – кивнул я.

– Я не знаю точно, в каком я сейчас времени... – задумалась Ла-На. – У вас вроде какая-то своя система отсчёта... Значит, мы сейчас где-то до новой эры... Там, я помню, была мировая война, которая продолжалась тридцать лет или даже больше...

– Это уже интересно, – сказал я. – А это была война с применением ядерного оружия?

– Да, и ядерного, и химического, – ответила Ла-На, сосредоточенно глядя перед собой, словно отвечала на уроке. – Тогда союз государств Европы проиграл, а победили Соединённые Штаты Америки вместе с Россией. Они-то после войны и поделили Европу между собой: одна половина Европы отошла Соединённым Штатам Америки, а другая – России...

Пока фантазия моей новой знакомой взбиралась на новые и новые вершины, бутылка пива закончилась, и я привстал из-за стола.

– Ты не возражаешь, если я схожу за новой бутылкой? – спросил я Ла-На. – Тебе принести ещё апельсинового сока?

– Ой, да, пожалуйста! Он такой вкусный – с маленькими кусочками апельсина... Я такого никогда раньше не пробовала, – обрадовалась Ла-На.

Я выбрался из-за стола и направился к стойке, где немочка с беличьими зубами и белобрысым хвостом волос раскладывала чистые ножи и вилки по пластиковым ящикам. Тридцатилетняя мировая война! Это она что-то действительно расфантазировалась. Видимо, столетнюю войну вспомнила, вот и придумала. На самом деле никто там сто лет мечом не махал, просто потом, лет через пятьсот, историки договорились и объединили серию войн между Англией и Францией под таким названием... Кто знает, может ещё через пятьсот лет Первую и Вторую мировые войны объединят для простоты понимания. ну а какой-то период мира между ними просто потеряется среди веков и тысячелетий. Я вдруг замер, поражённый ходом своих мыслей. Неужели и эта малышка с китайской мордочкой рассуждала так же, разыгрывая передо мной свой забавный спектакль? Ведь получится как раз тридцать один год, если считать две мировые войны за одну!

Задумавшись, я даже не сразу взял сдачу, так что белочке пришлось нетерпеливо покачать протянутым мне кулачком с монетами и сказать «Битте!». Держа в руках новую бутылку пива и стакан с апельсиновым соком, я повернулся и торопливо пошёл обратно. Однако уже через пару шагов я понял, что можно не спешить, – за столиком в углу никого не было...

2. Личности, Идеи, Мысли

Святослав Логинов Алхимии манящий свет

Неверно было бы представлять, будто химия и алхимия – две стадии развития одной науки, изучающей свойства веществ. Разумеется, химия позаимствовала у старшей сестры часть её богатейшего инструментария, но не более того. С точки зрения современного науковедения, алхимия не является естественной наукой, это гуманитарная дисциплина, проблемы этики пронизывают каждый её постулат, а раскрытие тайн природы – не более чем одна из промежуточных стадий алхимического делания. Сама парадигма алхимического мышления отличается от естественно-научной парадигмы нового времени.

Неверен также и взгляд на алхимию как на способ получения золота из неблагородных металлов. Задача эта вовсе не ставится алхимией, даже в качестве промежуточной цели. Презренный металл алхимика не интересует. Технически проблема решается, но моральный запрет реализуется в столь императивной форме, что обойти его невозможно. Это не исключает существования мошенников и шарлатанов, трущихся возле алхимии и вокруг спонсоров, которым они обещают золотые горы (в самом прямом значении этих слов). Конец этих господ всегда одинаков, варьируется лишь способ казни.

Что касается подлинных адептов, таких как Гермес Трисмегист, Альберт Великий, Роджер Бэкон или Василий Валентин, то все они были бессребрениками и никому золотых гор не обещали, честно предупреждая вступающего на тернистый путь искателя истины, что материального благополучия он здесь не обретёт, а собственное состояние погубит практически наверняка.

Но если получение золота для алхимика под запретом, то чем же занималась алхимия? В любом справочнике, изданном в течение последних трёхсот лет, именно трансмутация элементов ставится во главу угла алхимического делания. Тут нелишне вспомнить то, что мы бездоказательно постулировали в первом абзаце. Алхимия – наука гуманитарная, и не следует её термины понимать буквально. В гуманитарных дисциплинах золото – символ совершенства. Когда мы говорим, что у человека золотые руки или золотой характер, это не означает, что они отлиты или отчеканены из элемента номер семьдесят девять. Точно так же золото, которое является целью алхимиков, не представляет собой металл, но нечто в высшей степени совершенное.

Подобный подход противен самому способу мышления современного учёного. Что это за наука, если золото у них не золото, ртуть – не ртуть, а результат принципиально невозпроизводим и зависит от чистоты помыслов адепта? Да, конечно, алхимия с нашей точки зрения – не наука, а скорей – искусство. При этом она находится в тесном и недружественном контакте с другой ненаучной дисциплиной прошлого – богословием.

Забудем на некоторое время о научно-естественной парадигме и подумаем, как это всё понималось образованными людьми Средневековья, в том числе – алхимиками.

Согласно догматическому богословию, акт творения доступен исключительно Богу. Дьявол способен наводить мороки и обманывать чувства, реально он ничего создать не может, хотя знания его о мире весьма велики. Человек же занимает промежуточное положение между богом и дьяволом. Он способен перемещать предметы, комбинируя в небывалых сочетаниях то, что создал Бог. Неопытному взгляду может показаться, что человек творит новые сущности, но на самом деле это переработка, а не акт творения.

Кстати, поскольку дьявол реально не способен даже перемещать предметы, он вынужден обращаться за помощью к ведьмам и колдунам. Дьявол делится с ведьмой толикой своих знаний, а она производит работу, необходимую нечистому для его козней. Вспомните гётевского «Фауста», когда Мефистофель приводит доктора к ведьме. Казалось бы, зачем? Почему он сам не сделает всё, что ему нужно? Да именно потому, что сам Мефистофель ничего сделать не может. Только наводит мороки – и не более того. Этим же объясняется, почему от крестного знамения или колокольного звона всё, «созданное» бесами, немедленно рассыпается.

Как видим, логика не чужда даже демонологии.

И вот в эту стройную систему вторгается алхимия со своими еретичными построениями и постулатами. Основной из них: *алхимик в своём делании является творцом, то есть единоподобен Богу*.

Разумеется, церкви подобное заключение не может нравиться, и всякий алхимик в глазах церковных властей находится под сильным подозрением в связях с врагом рода человеческого. Алхимиков и вовсе бы перевели в разряд нераскаянных еретиков и изничтожили как класс, но ведь золото!.. В те времена тоже путали истинное золото алхимиков с жёлтым металлом, из которого чеканят монету.

Нелишне обратить внимание на термин: «единоподобие». В символе веры, принятом на Никейском соборе, читаем: «Бога истина от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша». Однако Никейский символ веры разделяют далеко не все. На соборе против такой формулировки выступил архиепископ Александрийский Арий. Согласно Арию Христос не единосущен Богу-Отцу, а всего лишь единоподобен. Он не предвечный сын божий, а первое и лучшее творение. Алхимия, оформившаяся в качестве самостоятельной дисциплины в Александрии, разумеется, восприняла и многие положения арианства. Встать на один уровень с Христом, достигнуть единоподобия с Богом – вот задача истинного адепта! Задача еретичная и грандиозная. А разговоры о золоте – маскировка, позволяющая избежать преследований властей преследующих.

Если заговорить об алхимии с профаном, немедленно услышишь словосочетание «философский камень». Прежде всего, само это выражение некорректно, ведь не говорим же мы «человекообразный человек». В текстах, написанных истинными адептами, употребляется термин «камень» (*petrum*) или «наш камень» (*nostrum petrum*). По возможности и мы будем говорить «камень», избегая прилагательного «философский».

Альберт Великий писал: «Ежели мастерство не будет изучено у искусившегося мастера, то через чтение книг оно не приобретётся». Автор статьи не является адептом, никогда не занимался практической алхимией, поэтому конкретных рецептов и методик здесь не будет. Рассматриваются лишь некоторые философские положения алхимии, иллюстрируемые литературными произведениями и легендами, в том числе – новейшего времени.

Алхимическое представление о мироздании основано на философии Аристотеля, адаптированной к нуждам алхимиков. Согласно Аристотелю, вещный мир состоит из первоматерии, одушевлённой платоновскими качествами. Сама по себе первоматерия не имеет никаких качеств, она инертна, безжизненна и обладает только массой и протяжённостью. В алхимических трактатах, особенно в «Немых книгах», первоматерия изображается в виде мёртвого тела. Истинный камень – это первоматерия, ещё не обретшая никаких свойств, но одухотворённая трудом мастера.

Тут мы сталкиваемся с первой из малоизвестных алхимических легенд: «Легендой о невестном грифоне».

У Аристотеля грифон – обычное животное, помесь льва с орлом, живущая в горах и охраняющая скрытое там золото. Образ этот весьма популярен, достаточно вспомнить Банковский мостик в Петербурге, который украшен фигурами грифонов. Будь мостик не бан-

ковским, то и фигуры были бы другими. А так – кому ещё, как не грифонам, охранять золотовалютные запасы банка, находившегося некогда в здании нынешнего Государственного университета экономики и финансов?

Невещный грифон – это некая сущность, охраняющая камень от попыток недостойного использования. Он образуется в момент появления камня и сопровождает его в дальнейших трансформациях. На старинных гравюрах изображения грифона, а иногда – грифастервятника или дракона сопровождают символ первоматерии. Невежественные толкователи утверждают, что так художник подчёркивает безжизненность мёртвого тела. На самом деле перед нами диалектическая пара – материя, не имеющая качеств, и качества, лишённые материальной сути.

Но прежде о том, как образуются камень и грифон.

Исходным материалом для первой стадии делания может служить всё что угодно, ибо всё сущее состоит из материи и четырёх качеств: холода, тепла, сухости и влажности. Четырём качествам соответствуют четыре стихии: земля, воздух, огонь и вода. Земля – холодна и суха, воздух – горяч и сух, огонь – горяч и влажен, вода – холодна и влажна. Вода и огонь – стихии женские, земля и воздух – мужские. Вступая в брак, стихии порождают два вещества: серу и ртуть. Сера порождена землёй и огнём, ртуть – воздухом и водой. Соединяя в должном сочетании серу и ртуть, мы можем получить всё разнообразие существующих веществ. Очищая и разъединяя вещества, можно достичь исходных серы и ртути.

Таково кредо алхимии времён её самого блестящего развития. Впоследствии неудачливые адепты начали добавлять к исходной паре веществ соль и иные вещества, изысканные алхимиками, что и привело алхимию в упадок.

Нелишне напомнить, что алхимические стихии и вещества – это вовсе не то, с чем имеют дело естественные науки, а понятия идеальные, каковыми привыкли оперировать науки гуманитарные. В частности, у ртути философов напрочь отсутствуют металлические качества. «Ртуть, – пишет Раймонд Луллий, имея в виду обычную металлическую ртуть, – сама металл и поэтому матерью металлов быть не может».

Истинная ртуть и истинная сера получают путём очистки и разделения любого, произвольно взятого вещества. Роджер Бэкон, разрабатывая теоретические аспекты алхимии, писал, что ртуть и серу философов не обязательно получать из реальных серы и ртути. Выделения организма для этого подходят ничуть не хуже. Простодушные францисканцы, державшие философа в тюрьме, поняли сказанное буквально и принялись добывать философскую ртуть из соплей, а философскую серу ковырять в ушах. Отзвук этой анекдотической истории слышен и поныне, термин «ушная сера» тому доказательство. Разумеется, ничего, кроме вони, жадные нищенствующие монахи не получили.

Как же именно проходит первый этап делания?

Берём любое вещество и начинаем его очищать от посторонних примесей. Большинство операций, применяемых при этом алхимиками, хорошо известны и ныне применяются в химии. Это мацерация, перекристаллизация, перегонка с паром, сухая возгонка, диализ, седиментация, декантация, экстрагирование и многие другие. Когда вещество окажется достаточно очищенным, приступаем к очистке духовной. Обычно это та же возгонка, но посредством пламени души. Берётся двурогий алеймбик, на одно горло примазывается шлем, второе запаивается и охлаждается. При этом запаянное горло работает как очень примитивный обратный холодильник. Впрочем, современный обратный холодильник и не смог бы работать в таких условиях. В охлаждаемой части на стенках сублимируется философская сера, а философская ртуть, которая, как и обычная ртуть, является жидкостью, конденсируясь, стекает обратно на дно алеймбика и вновь возгоняется, пока пары её не достигнут шлема, где она, сконденсировавшись, стечёт в приёмник. Нетрудно догадаться, что горло под шлем делается гораздо тоньше и длиннее первого. Если бы стеклодувное мастерство алхимиков

было достаточно развито, там запросто можно было бы поставить дефлегматор «ёлочка». Впрочем, не стоит задирать нос перед старыми мастерами. Мы умеем виртуозно паять стекло, а они умели возгонять вещества посредством душевного жара.

Разложив таким образом реальное тело на два элемента, адепт начинает синтез камня. Вещества, которые с таким трудом были разделены, должны соединиться вновь, но уже в иных сочетаниях. Собственно говоря, перед нами типичная реакция обмена. Сера, состоящая из первоматерии и двух качеств (тепло и сухость), соединяясь со ртутью, также состоящей из первоматерии и двух качеств (холод и влажность), дает в результате не вещественное тело, а две новые сущности: мёртвую первоматерию и неведущего грифона, состоящего из четырёх качеств и лишённого какой-либо материальности.

Технически процесс осуществляется так. Философские ртуть и серу, взятые в эквимольном соотношении, запаивают в алейник и на девять месяцев ставят в умеренное тепло (37 градусов по Цельсию). Заметим, что количественные отношения пришли в науку лишь в самом конце XVI века. Старые алхимики не знали понятия «эквимольный», употребляя термин, сохранившийся ныне только в поваренных книгах: «достаточное количество». Действительно, повар-виртуоз никогда не отвешивает сто или двести граммов чего бы то ни было. Любой ингредиент берётся только по вкусу в достаточном количестве. Именно поэтому кулинария не наука, а искусство. То же самое следует сказать и об алхимии. Умеренное тепло алхимики определяли так же, как любящие мамы определяют, нет ли у ребёнка жара: с помощью губ или тыльной стороны запястья.

Разумеется, одного умеренного тепла недостаточно для синтеза камня. Требуется ещё любовь. Если вдуматься, так оно и должно быть. Если мама не любит своё дитя, оно умрёт. Если повар колдует над плитой, не имея в душе любви, получится не изысканный обед, а общепитовская гадость. И если адепт, не имея любви, мечтает о золоте, конечным результатом его трудов будет киноварь.

Через девять месяцев яйцо (именно так называют алейник, в котором происходит синтез камня) раскалывается, иногда самостоятельно, иногда мастером, если он видит, что срок пришёл. Готовый камень устойчив на воздухе, адепт, осуществивший делание, может безопасно взять его в руки, но в остальном камень лучше хранить в плотно закрытом стеклянном или керамическом сосуде.

Кажется, делание завершено удачно. И что же дальше? – Золото! – возопит профан. – Давайте делать золото! И побольше!..

Что же, право на эксперимент есть и у профана. Давайте делать золото.

Камень, представляющий собой лишённую качеств первоматерию, способен, вступая в контакт с реальными (и потому не слишком чистыми) веществами, воспринимать свойства, которые являются доминирующими в данном веществе. Бросьте камень в грязную воду, и вы получите воду чистейшую, которой будет тем больше, чем лучше была доброта камня и чище исходная вода. Сплавьте камень с любым металлом (вовсе не обязательно ртутью или свинцом) – и вы получите совершеннейший из металлов – золото, коего окажется тем больше, чем совершеннее был исходный металл и лучше камень.

Но есть у этих промышленно привлекательных процессов и обратная сторона. Законов сохранения никто не отменял даже для алхимии. Так куда же девается то нечистое, что присутствовало в металле, не позволяя ему быть золотом, а превращая в железо, цинк или празеодим? А оно переходит к неведущему грифону, наполняя его идеальную форму вполне реальным содержанием. И невидимый прежде грифон овеществляется, превращаясь во вполне конкретную зверюгу. Хорошо, если после того, как мы чистили камнем воду, на нас посыплются жабы и пиявки. А если выползет нечто вроде Лернейской гидры?

В древней Греции нехватка питьевой воды была весьма ощутимой. Горы, болота, море. – родников, озёр, рек и иных источников питьевой воды очень мало. Воду приходи-

лось кипятить, а потом, чтобы окончательно обеззаразить и отбить сохранившийся гнилостный привкус, доливать в кипяток немного вина. А мы после этого рассказываем, что греки ничего, кроме вина, не пили! Любителям подобных анекдотов посоветую сходить в Эрмитаж в зал греческих ваз и поглядеть на выставленные там экспонаты глазами тех, для кого это были не древние сокровища, а каждодневная посуда. На двадцатилитровый кратер кипятка вливался пол-литровый потир вина крепостью около пятнадцати градусов. И это считалось алкогольным напитком?

Древнегреческие алхимики, ежели таковые существовали, вполне могли использовать камень для очистки воды. Неудивительно, что миф о Лернейской гидре родился именно в Греции.

Но вернёмся к теме нашего повествования. Что произойдёт с недобросовестным адептом, если он вздумает получать с помощью камня золото? Овеществлённый грифон немедленно порвёт неудачника на куски, после чего, забрав полученное золото, улетит в далёкие горы, где, как полагал Аристотель, грифоны проживают в природных условиях. Почитайте легенду о докторе Фаусте – не поэму Гёте, а подлинную легенду шестнадцатого века. Согласно этому источнику, доктор плохо кончил. Явившиеся черти (которых, впрочем, никто не видел) разгромили дом, а истерзанное тело алхимика выбросили на улицу. Всё это сопровождалось ужасным шумом, грохотом и вспышками пламени. Это позволяет историкам химии, рассматривающим казус с точки зрения современной науки, делать вывод, что доктор Фауст погиб, поставив опасный опыт со взрывчатыми веществами. Алхимик же видит совершенно иную картину. Никакие черти, конечно же, к доктору не являлись, тем более что черти, будучи существами нематериальными, не могут устроить реальный погром. Душу погибшего никто не утаскивал, она отправилась, куда ей предназначено провидением, обычным порядком. А погром и убийство совершил грифон, который родился в результате безответственного эксперимента.

Но ведь можно принять меры безопасности, так, чтобы грифон не смог добраться ни до золота, ни до его владельца...

Да, это возможно. Но и в таком случае ничего хорошего получиться не может. Грифон начнёт рваться, куда ведёт его инстинкт. До золота и горе-адепта он, конечно, не достанет, но нахватается по дороге всевозможной материальной и астральной грязи. Зверь увеличится в размерах, сохранив в прочем крылья и пасть. Грязь вещественная станет сползать с раздувшейся туши тяжёлыми чешуями, грязь астральная (а попросту говоря, нечистые помыслы окружающих) преобразуется в тепловую энергию. Полыхнув пламенем, бывший грифон взлетит, поселится где-нибудь неподалёку и начнёт регулярно опустошать окрестности, разыскивая родной слиток золота. Заодно он начнёт изымать у окружающих золото, полученное иными, неалхимическими способами, и красть невинных дев и верных жён (гуманитарный аналог золота). Читатель уже понял, что речь идёт о драконе, изображение которого частенько встречается в немых книгах.

Уничтожение драконов не входит в задачи алхимии и рассматриваться здесь не будет. Замечу лишь, что убить дракона может исключительно рыцарь без страха и упрёка, а поскольку автор никоим образом не рыцарь и страшные упрёки слышал неоднократно, то и с драконом ему лучше не сталкиваться.

Что же получается? Камень у нас есть, а золота мы получить не можем. Так ради чего сыр-бор горел? А горел он ради истинной цели алхимии. Помните – алхимик совершает акт творения и становится подобен Богу.

Андреас Либавиус в 1595 году дал следующее определение алхимии: «Искусство получения совершеннейших эссенций». Его же определение химии: «Химия, та часть алхимического искусства, которая может быть исполнена алхимиками собственноручно». Как видим, Либавиус уже не верил в практическую алхимию и рассматривал её лишь как систему фило-

софских взглядов. Но в отличие от многих своих последователей он с этой системой знаком был.

Что же это за совершеннейшие эссенции, зачем они нужны и какое отношение имеют к камню, лежащему в плотно закрытом керамическом сосуде?

Существуют три жидкости, в которых камень может растворяться, не вступая в реакцию и оставаясь самим собой. Это вещественный дух, философское масло и истинная ртуть.

Вещественный дух, прозрачная, летучая и горючая субстанция, был получен ещё александрийскими алхимиками. В Европе первым это вещество получил в XIII веке Раймонд Луллий. Впрочем, не исключено, что Луллий, бывший помимо всего великолепным переводчиком с арабского языка, вообще не занимался практической алхимией, а лишь переводил чужие работы, приписывая их себе. Но зато Луллий дал веществу, полученному при перегонке вина, латинское наименование *spiritus vini* (дух вина). Арабы называли это вещество «алкоголь», что в переводе означает просто «дух». Так или иначе, спирт стал известен европейцам после опубликования работ Раймонда Луллия. И именно Луллий объявил, что долгожданный и многократно упоминаемый эликсир жизни – это раствор камня в винном спирте.

Мне так и не удалось найти в литературе упоминания, в каком соотношении следует брать камень и растворитель и сколько полученного эликсира можно и нужно употребить. Лекарство это явно относится к числу сильнодействующих, передозировка которых очень опасна. Алхимики же продолжают пользоваться кухонной терминологией, употребляя вместо точных дозировок выражения «достаточное количество», «сколько потребуется» или даже «как покажется приличным». Честно говоря, я бы не рискнул пить лекарство, приготовленное таким образом.

Тем не менее эликсир готовили, пили, и по меньшей мере некоторые при этом оставались живы и даже удлинляли свою жизнь на несколько столетий. Первые испытания эликсира алхимик проводил, разумеется, не на себе самом. В прежние века для этой цели использовали преступников, приговорённых к смерти. В случае удачи им обещали жизнь и свободу. В воспоминаниях Амбруаза Паре описан случай, как французский король испытывал на приговорённом к повешению преступнике камень безоар, якобы спасающий от любого яда. Нетрудно догадаться, какова была судьба несчастного.

Зато судьба человека, испившего эликсир, бывала различной. Если ему удавалось протрезветь после «достаточного количества» спиртового раствора камня, испытуемый получал необычайное здоровье и потенциальное долголетие. К сожалению, далеко не все могли правильно воспользоваться полученным даром. Большинство отправлялось радоваться жизни, и жизнь эта очень скоро прерывалась насильственным образом. То, что Фауст из поэмы Гёте убил на дуэли Валентина, целиком на совести автора поэмы. Погибнуть должен был Фауст. Ведь над человеком, получившим «вечную» молодость, продолжает витать невещный грифон. Он получил старческую дряхлость и тьмочисленные хвори омоложенного, но он жив и находится в непрерывной связи с донором, получая от него последствия невозддержанной жизни и прочее в том же духе. Львиную морду украшают следы пьянства, разврата, бездушия и жестокости. Этакий невидимый зверообразный портрет Дориана Грея, витающий подобно ауре над головой владельца. Нужно быть очень осторожным и умеренным человеком, чтобы прожить дополнительные триста лет, которые подарил тебе камень. Обычно расплата наступает куда быстрее, освобождая от мук лишней жизни не столько человека, сколько грифона, который может наконец раствориться в небытии.

Среди людей, испробовавших эликсир, следует отметить Калиостро и графа Сен-Жермена. Разумеется, сами они алхимиками не были, а получили напиток из рук настоящего адепта, который таким образом подбирал оптимальную дозу лекарства. За сотни лет великие мошенники научились кое-каким фокусам, но реального знания у них не было. Не числилось за ними и особо нехороших дел, что и позволило им дожить до всемирной известности.

Единственный случай, когда эликсир может быть выпит без опаски, – если его пьёт сам производитель. Необычное долголетие и несокрушимое здоровье потребно истинному адепту для того, чтобы достичь конечной цели – подлинного всемогущества. Одной человеческой жизни на это явно не хватит.

Следующая совершеннейшая эссенция, которую упоминают алхимики, – философское масло. Что это такое – в настоящее время никто толком не знает. В литературе можно найти прорву рецептов, причём исходными веществами для получения философского масла оказывается всё что угодно, начиная с нефти и жира висельника и кончая оливковым маслом холодного отжима. Разве что современная дезодорированная дрянь алхимиками не использовалась. Методы очистки масла применяются самые разнообразные, однако обильное и частое применение отдушек заставляет думать, что большинство опубликованных рецептов – ложные. Настоящее философское масло не растворяется в воде, не имеет никакого запаха и обладает слегка горьковатым вкусом. Ох, как это похоже на обычную касторку!

Однако не будем ёрничать, а расскажем лучше, зачем масло требуется и почему его получение является непременной стадией великого делания.

Как уже сказано, камень способен растворяться в масле, не изменяя своей бескачественной сути. И если мы растворим камень в должном количестве доброго масла, поместим раствор в наглухо запаянный алембик и будем согревать нашей любовью и умеренным теплом в течение всё тех же девяти месяцев, то в результате осуществившейся перекристаллизации в алембике вырастет гомункулус.

Как и в случае с эликсиром жизни, здесь перед экспериментатором стоит непростой вопрос: что означает выражение «должное количество»? Теоретически ответ на него можно найти в литературе, в частности в «Салернском кодексе здоровья». Человеческое тело, согласно этому источнику, состоит из землистых веществ, веществ слизистых (к которым относится и жир) и воды. Так вот, соотношение камня и масла должно быть таким же, каково соотношение землистых и слизистых веществ в здоровом человеческом теле. Вода в состав гомункулуса не входит.

В наше время не составляет особого труда найти это соотношение, а вот в средние века проблема казалась неразрешимой. Вскрытия человеческих тел были запрещены церковью; к тому же изучать требовалось не мёртвое тело, а соотношение соков в теле молодого, здорового человека, желательного женщины (именно женщина вынашивает и рождает дитя) или ребёнка, в чьём организме соотношение соков (кразис) близко к идеальному.

Сразу вспоминается герцог де Рец, оруженосец Жанны д'Арк и знаменитый черно книжник, чья история вдохновила Шарля Перро на создание сказки «Синяя Борода». Этот негодяй проводил в своём замке опыты над живыми людьми, зверски убив сотни детей и молодых девушек. Принято считать, что таким образом он пытался получить эликсир вечной молодости. Однако на самом деле это не так. Эликсир у него был, а убийства потребовались герцогу, чтобы определить, в каком соотношении следует брать камень и масло.

Судя по всему, камень был получен Синею Бородой случайно или, быть может, вовсе синтезирован не самим чернокнижником, а отнят у настоящего хозяина. В любом случае рисковать камнем, вслепую подбирая нужное соотношение ингредиентов для создания гомункулуса, он не мог. И мерзавец ступил на путь, который поначалу показался таким лёгким и привлекательным. Однако гуманитарная наука алхимия не позволяет ходить подобными тропами: адепт, нарушивший законы человечности, неизбежно погибает. Герцог де Рец был схвачен и сожжён на костре. Очевидцы рассказывают, что, когда пламя охватило ещё живого преступника, оно на мгновение приняло форму крылатого зверя. Невещный грифон вернул себе недостающую сущность.

Теперь перейдём к вопросу: «зачем алхимику нужен гомункулус?» Конечно, сам по себе гомункулус изрядная редкость. Синтетический человек, сидящий в колбе... Если

запаянную ёмкость вскрыть, первая же капля воды сведёт на нет все наши старания. Гомункулус растворится в природе, включившись в естественный цикл развития и отпустив на волю многострадального грифона. Вспомним, что именно так поступил доктор Фауст с гомункулусом, которого изготовила ведьма.

Но одно дело поэма, другое – жизнь. Алхимик, потративший на работу десятки лет, разбивать запаянный алембик не станет. Дело в том, что гомункулус, произошедший напрямую от первоматерии, просто по факту своего рождения обязан знать и знает все тайны живой и мёртвой природы. Человек тоже существо материальное, но прикиньте, через сколько преобразований прошла наша сущность со времён Большого взрыва! Эволюция мёртвой природы, химическая эволюция предбиологических систем, бесконечная лестница дарвиновского отбора... О каком изначальном знании может идти речь? За миллиарды лет всё забыто. А гомункулус – вот он, новенький, ничего не забывший. Сидит, бедняжка, за стеклом, всё знает и не может не ответить своему создателю.

Конечно, ещё предстоит разработать систему условных знаков: как задавать сквозь стекло вопросы, как получать ответы, но в принципе мастер, получивший гомункулуса, с этой минуты обладает всем комплексом естественно-научных знаний. Вся современная наука мгновенно оказывается не нужна, адепт может двигаться дальше, к абсолютному совершенству.

На этой стадии обрываются сведения, сообщаемые старыми мастерами. Недобросовестный критик объявит: «Сколько ж можно было врать? Заврались до того, что пришлось остановиться, ведь всезнающий адепт должен как из рога изобилия рассыпать сообщения о грядущих открытиях. А их что-то не видать. Значит, и всё, о чём рассказано прежде, мракобесие и лженаука». Из всей этой филиппики соглашусь лишь с последним словом: «лженаука». Алхимия, как уже было сказано, вовсе не наука, а искусство. То, что живопись изучает законы перспективы, не делает её ни наукой вообще, ни частью стереометрии в особенности. Но это не значит, что к живописи можно относиться с высокомерным презрением. У художника иные задачи, нежели у геометра. К тому же, напомним, алхимик в своей работе ограничен моральными императивами, которых, к прискорбию, не знает наука нового времени. Для иллюстрации этого положения приведём одну из петербургских легенд конца XIX века.

Волею судеб Русь, а затем и Россия оказалась на периферии мировой культуры. С достижениями Греции и Византии мы знакомились через посредство болгар, западноевропейское мировоззрение доходило в польском пересказе, а откровения арабской мысли добивались и вовсе через третьи руки: Багдад, а затем Персию. Немудрено, что представления русских об алхимии сводились к вракам мошенников-златоделов. Конечно, со времён Ивана III, при котором на Руси возникли первые аптеки, появилась при этих аптеках должность алхимиста. Но по сути своей алхимист того времени был обычным провизором, готовившим лекарства сообразно рецепту, выданному врачом (физиком, как говорили в те времена). Алхимисту не позволялись ни малейшие отступления от формулы, предписанной физиком. Всякое рассуждение при изготовлении лекарств считалось преступным. Вообще такой подход правилен; вспомните анекдот недавней поры:

- Гражданин, постойте! Я вам вместо хлористого кальция выдала цианистый калий!
- И что теперь делать?
- Доплатите в кассу двадцать копеек!

Наверняка среди русских алхимистов XVI–XVII веков встречались и алхимики, но ни один из них не оставил следа в истории. Впервые об алхимии в России заговорили в эпоху Петра I в связи с именем Вилима Брюса и его сына Якова. Было ли семейство Брюсов алхимиками, судить трудно. Легенд существует множество, данных – никаких. Среди книг, некогда принадлежавших Брюсу, нет ни одного алхимического сочинения, лаборатория была нацелена на получение и изучение взрывчатых веществ, но никак не алхимических сущно-

стей. Легенды также говорят о волшебствах, не характерных для алхимиков, за исключением омоложения старого конюха.

Куда больше похожи на истину слухи и пересуды, касающиеся знаменитой аптеки Пеля, что расположена на Васильевском острове в Петербурге. А кроме слухов есть и некоторое число фактов, не имеющих силы доказательств, но косвенно подтверждающих слухи.

Аптекари и алхимики всегда и небезосновательно подозревались в занятиях алхимией. Иное дело, что абсолютное их большинство не получило в этой области никаких результатов. Поэтому, когда мы слышим, что кто-то «умел готовить философский камень», лучше всего на эти сплетни внимания не обращать. А вот башня во дворе аптеки Пеля вызывает определённый интерес. Прежде всего название – «башня грифонов» и уверения, будто грифоны в башне действительно живут и охраняют от посторонних секретную алхимическую лабораторию. На вопрос, видел ли кто этих чудовищ, следует ответ, что грифоны невидимы, но многие слышали шум крыльев и рычание, подобное львиному. Для скептика услышанного достаточно, чтобы отнести все разговоры в область городских страшилок, не имеющих под собой никакой почвы. Для человека, изучавшего алхимию, это косвенное доказательство, что в аптеке Пеля действительно осуществлялось делание и, значит, возникал неведомый грифон, присутствие которого могло быть обнаружено случайным экстрасенсом.

Вообще аптека Пеля – далеко не то, что привыкли понимать под аптекой мы. Кроме торговых залов и лаборатории, где трудились фармацевты, аптеке принадлежал цех получения солей (галеновое производство), где изготовлялись магнезия, хлористый кальций, бертолетова соль, цианиды и многие другие вещества. Имелась там и личная лаборатория владельца. Знаменитая грифоновая башня представляет собой вытяжную трубу, обслуживавшую все лаборатории разом. Так что заниматься алхимией трём поколениям Пелей было где.

Второй момент, на который следует обратить внимание. Мы уже знаем, что эликсир жизни представляет собой спиртовой раствор камня. В начале девятнадцатого века получение чистого спирта было связано со значительными трудностями, вещество это привозилось из-за границы и стоило дорого. Так вот, первое, что начал делать основатель династии, вступив во владение аптекой, – строительство перегонного куба. Все нужные им вещества и приборы русские химики покупали в магазине Риттинга, но за спиртом шли в аптеку Пеля.

И, наконец, последнее. В середине шестидесятых годов позапрошлого века городские власти провели ревизию всех петербургских аптек. Председателем комиссии был назначен начальник химической лаборатории Департамента горных и соляных дел штабс-капитан Фёдор Савченков (впоследствии первый русский историк химии). Замечаний по состоянию аптек было сделано множество, но образцовая аптека Пеля была упомянута лишь однажды. При проверке в аптеке была изъята бутылка с подозрительной жидкостью неизвестного состава. Надпись на бутылке гласила: «Oleum filosoforum». Ни владелец аптеки, ни сотрудники не смогли объяснить, что это за вещество и как его предполагают использовать. Соответственно, бутылка была изъята и уничтожена. А между тем доктору Пелю не составляло ни малейшего труда сохранить бутылку, если она действительно представляла для него ценность. В аптеке хранилось немалое количество старинной аппаратуры и веществ. Бутылка с философским маслом могла занять место в этом музее, но владелец не посчитал нужным поместить её туда. Возможно (и скорей всего) потому, что реального философского масла в бутылке не было, а был всего лишь результат неудачных опытов. Но не исключено, что в руках Фёдора Савченкова действительно находилось философское масло, которое оказалось не нужным прежнему владельцу, ибо искусственный человек уже был в его распоряжении.

Как бы то ни было, найденная бутылка доказывает, что алхимией в аптеке Пеля занимались, а раз дошли до стадии философского масла, то занимались весьма успешно.

А ведь доктор Пель не был ни шарлатаном, ни неучем. Его перу принадлежит более четырёхсот научных работ, а среди изобретений доктора Пеля особое место занимает предложение запаивать стерилизованные растворы для инъекций в крошечные сосуды из тончайшего стекла. Да-да, доктор Пель изобрёл ампулы, а вернее, не изобрёл, а вновь ввёл в обиход. Ведь ампула – это крошечный алембик, ничем не отличающийся от тех, которыми пользовались алхимики минувших эпох.

В 1875 году доктор Пель входил в состав комиссии по изучению медиумических явлений, во главе которой стоял Дмитрий Иванович Менделеев. Комиссия, изучив методы работы нескольких известных медиумов, пришла к выводу, что в реальности подобных явлений не существует и мы имеем дело либо с добросовестно заблуждающимися людьми, либо с откровенными мошенниками. Подпись доктора Пеля стоит под этим документом.

И такого человека подозревать в занятиях алхимией! Такое могло быть только в том случае, если эти занятия приводили к реальному результату, то есть если великое делание можно было осуществить на практике.

Замечательно, что знакомство с Дмитрием Ивановичем Менделеевым не прекратилось после роспуска комиссии. В конце восьмидесятых и начале девяностых годов позапрошлого века великий учёный неоднократно посещал аптеку Пеля, а верней – химическое производство, располагавшееся внутри квартала. И если в распоряжении доктора действительно имелся гомункулус, то не исключено, что Дмитрий Иванович знал о его существовании. С кем ещё мог поделиться такой тайной доктор Пель, как не с крупнейшим учёным, материалистом до мозга костей, который тем не менее никогда не отбрасывал с ходу ни единого предположения, как бы еретически оно ни выглядело. Будь иначе, разве стал бы Менделеев ходатайствовать об организации комиссии по изучению медиумических явлений?

Так и представляется, что какой-нибудь любитель дешёвых сенсаций немедленно возопит:

– Ах, так Менделеев не делал никаких открытий, он спёр их у гомункулуса, сидящего в колбе доктора Пеля!

Вынужден разочаровать любителей жареных сплетней. С Пелем Менделеев познакомился в 1875 году, но регулярно стал появляться в аптеке лишь в конце восьмидесятых, в то время как Периодический закон был открыт в 1869 году. Основы теории сольватации заложены в докторской диссертации, защищённой в 1865 году, и даже уравнение Менделеева – Клайперона увидело свет в 1874 году. То есть все крупнейшие работы Дмитрия Ивановича были сделаны до его знакомства с Пелем. Вопрос ставится иначе: почему, если предположить, что Менделеев видел гомункулуса и беседовал с ним, он не сделал после этого новых великих открытий?

Вот тут-то и приходится вспомнить, что алхимия – наука гуманитарная, нравственная составляющая в ней доминирует над всеми остальными. Кому как не Менделееву понимать, что открытие можно считать состоявшимся, только если оно выстрадано всей предыдущей жизнью? Для алхимика те или иные естественно-научные знания не являются самоцелью, он пользуется сведениями, полученными от искусственного человечка, и тут же отбрасывает их, как использованный одноразовый инструмент. А швырнуть в общество томом синтетических откровений, до понимания которых наука ещё не созрела, по меньшей мере непорочно. А что происходит, когда непорочный человек хватается за алхимию, мы уже знаем.

И последнее. Гомункулус, будучи рождён алхимическим искусством, несомненно, будет пользоваться родной для него терминологией и исходить из тех философских представлений, что породили его. С чего бы, спрашивается, ему менять парадигму? Раз гомункулус создан, значит, старые методы работают и не потеряли актуальности. А если кто-то всерьёз полагает, что современная терминология и сегодняшние научные представления отражают

абсолютную истину и уже никогда не изменятся, то подобного специалиста я бы не рекомендовал даже на должность лаборанта.

Однако мы отвлеклись. Рассказ об алхимии оборвался на том, что адепт получил гомункула и, пользуясь этим идеальным справочником, приступил к третьей, решающей стадии великого делания. Камень следует растворить в истинной ртути и, подвергнув раствор неким преобразованиям, получить материальный абсолют, истинное золото, обладание которым ставит мастера на один уровень с божеством.

Ох уж эти гуманитарные науки с их нечёткой терминологией! Мы знаем ртуть металлическую, приняли на веру существование ртути философской, а теперь, оказывается, должны изыскивать ртуть истинную, принципиально отличную от первых двух. Потом подбирать соотношение камня и ртути... Короче, вся работа начинается заново.

Об истинной ртути мы знаем ещё меньше, чем о философском масле. Большинство пишущих, даже серьёзные авторы, путают истинную ртуть с философской. А между тем, добавляя к камню избыток философской ртути, мы разрушаем его, вызывая акразию философских сущностей.

Не имея позитивных данных об истинной ртути, попытаемся узнать хотя бы что-то.

После ликвидации в 1927 году галенового производства, вспомогательные помещения аптеки Пеля использовались различными организациями, не имевшими никакого отношения к химии или медицине. В ходе плановых проверок на содержание ртути (меркуризация), которые впервые проводились в начале шестидесятых годов, было обнаружено, что в помещении, находившемся как раз под башней грифонов, содержание паров ртути в сотни раз превышает ПДК. В помещении были подняты полы – и под ними обнаружены разливы ртути. Ртуть стояла лужами, при демеркуризации были собраны десятки килограммов ядовитого металла.

Откуда взялась ртуть? Нет, конечно, на фабрике доктора Пеля со ртутью работали: готовили каломель, которая в те времена использовалась в качестве глистогонного средства, и сулему для нужд ветеринарии – лечить зубы лошадям. Но галеновое производство, как уже было сказано, находилось в соседнем здании, а здесь располагалась лаборатория самого доктора. Ртутных форвакуумных насосов, на которые списали столь же мощное загрязнение ртутью в последней лаборатории Менделеева, у доктора Пеля не было. Может быть, хозяин разбил нечаянно бутылку со ртутью и поленился убирать? Но ядовитое действие паров ртути в те времена было хорошо известно, к тому же ртуть расфасовывалась в небольшие, до пяти килограммов, ёмкости. Так и представляется: берёт доктор бутылочку со ртутью и нечаянно разбивает. Сокрушённо качает головой, берёт следующую и опять нечаянно разбивает. И так десять раз подряд. Нет уж, случайно такие вещи не происходят.

Менделеев в этой истории также упомянут не случайно.

В 1893 году Дмитрий Иванович Менделеев был назначен директором Главной палаты мер и весов (ныне Институт метрологии имени Менделеева). С этого времени интересы учёного сосредотачиваются на вопросах точного измерения различных величин. По проекту Дмитрия Ивановича строится новое здание Палаты, то самое, что стоит на Московском проспекте напротив Технологического института. Здание с башней и глубочайшими подвалами. В скверике перед корпусом поставлен памятник учёному, и на глухой стене выложена мозаичная таблица элементов. На первом этаже под самой башней располагалась личная лаборатория Менделеева. В подвалах, вынесенных за пределы здания, на двадцатиметровой глубине хранились, да и сейчас хранятся эталоны длины, веса и других величин. А что было в подвалах под лабораторией? Неизвестно. На втором этаже башни располагался кабинет директора и библиотека. А выше? Тоже неизвестно. Но ведь не случайно Менделеевский корпус Института метрологии и лаборатория Пеля выстроены по одному образцу: подвалы, лаборатория и башня над ней.

В пятидесятых годах двадцатого века в Менделеевском корпусе ВНИИМ была организована лаборатория гамма-спектроскопии, в которой работал мой отец, так что дальнейшее я знаю из первых рук. В подвале был установлен элэктрон, в лаборатории – пульт управления и всё вспомогательное хозяйство. Отец несколько раз приводил меня к себе на работу, и строгая охрана пропускала пятилетнего пацана. Лаборатория оказалась довольно мрачным местом, во всяком случае воспоминания у меня остались самые гнетущие. Впрочем, никаких грифонов я не видал, а рычание если и слышал, то не обратил на него внимания. Дело в том, что мы жили на Зверинской улице возле самого зоопарка и настоящий, вовсе не мистический рёв хищников я слышал едва ли не каждый день. Зато хорошо помню, как, оставшись в лаборатории один и не зная, чем себя занять, я начал играть в кубики. Кубиков нашлось множество, из них была сложена стенка, отгораживающая дальний угол. И хотя кубики оказались невероятно тяжёлыми, стенку я сумел разобрать и принялся складывать из кубиков настоящий домик. За этим занятием и застал меня отец. Оказывается, я разобрал свинцовую защиту, за которой хранились радиоактивные источники.

Патриархальные времена! Сейчас уже никто не пропустит ребёнка на объект, имеющий отношение к ядерной физике.

В середине шестидесятых годов проверка на ртуть была проведена и в лаборатории гамма-спектроскопии. И, так же как в случае с аптекой Пеля, обнаружено грандиозное превышение ПДК. Дубовые, настеленные ещё при Менделееве полы были подняты и под ними найдены разливы металлической ртути. Отец называл цифру: восемьдесят килограммов! Комиссия решила, что виновны ртутные форвакуумные насосы, хотя, разумеется, такого не могло быть. За всё время существования лаборатории гамма-спектроскопии такое количество ртути израсходовано не было.

Так что кроме единого плана строительства Менделеевский корпус ВНИИМ и аптеку Пеля роднят полы лаборатории, нарочно залитые ртутью.

Было бы интересно проверить, имелись ли в библиотеке института классические труды по алхимии. К несчастью, сделать это невозможно. В 1966 году в библиотеке института была проведена инвентаризация, все старые книги списаны и сданы в макулатуру. Библиотекари понимали, что их заставляют совершать преступление, но поделаться ничем не могли. Зато они объявили, что каждый сотрудник, притащивший в библиотеку настоящую макулатуру, может забрать равное по весу количество книг.

Я в это время отвечал в классе за сбор макулатуры. Надо ли говорить, что вся собранная школьниками бумага уехала во ВНИИМ? Меня пропесочивали на собрании и не приняли в комсомол, но зато в моей библиотеке появилось немало редчайших книг, некоторые из которых, возможно, принадлежали лично Дмитрию Ивановичу Менделееву. К сожалению, алхимических трактатов среди них не оказалось.

И всё же – было или не было?

Адепт, получивший истинную ртуть и растворивший в ней камень, получал в результате некий абсолют – истинное золото. Каково оно из себя, не говорит никто из старых мастеров. Известно лишь, что обладание истинным золотом позволяет алхимику достичь всемогущества и абсолютного знания. Если гомункулусу известны тайны природы, то истинное золото открывает пути в высшие сферы. С этого мгновения неисповедимые пути господни открыты перед алхимиком, который стал единосущен создателю. Причём происходит это совершенно независимо от того, есть Бог или его нет. В системе человеческих представлений бог – олицетворение всего идеального и абсолютного. Таким образом, мастер, получивший абсолют, сам становится богом.

И что потом?

Дмитрий Иванович Менделеев умер в 1907 году, и в этом же году умер Александр Васильевич Пель. Была ли это естественная смерть пожилых и много испытавших людей,

или в дело вмешался ревнивый Бог, не допускающий, чтобы человек сравнился с ним могуществом? Или нам только кажется, что эти люди умерли, а на самом деле алхимики, ставшие единоподобными божеству, стряхнули с себя наш мир, подобно тому как бабочка стряхивает ненужный кокон, и ушли, не оглянувшись?

Ответ на этот вопрос узнает лишь тот, кто сам пройдёт весь путь – от первых дистилляций до истинного золота. А алхимия, как и положено гуманитарной дисциплине, будет вечно дразнить своих адептов призраком сияющего и недостижимого абсолюта.

Антон Первушин

Нанотехнологии будущего – чудо или гибель?

(Очерк из цикла «Угрозы будущего»)

...Рой вибрировал, издавая низкий звук, похожий на барабанную дробь. Когда я подбежал к рою, облако наночастиц слегка распласталось. А потом я оказался внутри этого облака, в окружении наночастиц. Меня окутал странный полумрак, как будто я попал в пылевую бурю. Я ничего не видел – не видел даже двери.

Я протянул свободную руку, надеясь найти дверную ручку на ощупь. Запорошенные наночастицами глаза сразу заболели, но я изо всех сил размахивал рубашкой, и вскоре полумрак начал рассеиваться. Я разогнал рой, расшвырял наночастицы в разные стороны. Зрение прояснилось, и дышал я всё еще нормально, хотя в горле сильно пересохло и болезненно запершило. Я чувствовал тысячи крошечных уколов по всему телу, но они были почти безболезненные.

Наконец я увидел перед собой дверь. Ручка двери была слева от меня. Я не переставал размахивать рубашкой, и облако нано-частиц вдруг отлетело в сторону, как будто для того, чтобы оказаться подальше от моей рубашки. В это мгновение я проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

Внезапно оказавшись в темноте, я заморгал. Почти ничего не было видно. Я решил, что глаза должны привыкнуть к полумраку после слепящего солнца, и немного подождал. Но зрение не улучшилось. Наоборот, стало только хуже. Я смутно различал только двойную стеклянную перегородку впереди. Мелкие уколы на теле горели и зудели. В горле совсем пересохло, стало трудно дышать. Я захрипел и закашлялся. В глазах помутилось. Закружилась голова.

За стеклянными перегородками стояли Рики и Мае и смотрели на меня. Я услышал, как Рики кричит:

– Иди же, Джек! Скорее!

Глаза болели, словно их жгло огнем. Голова кружилась всё сильнее. Мне пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть. Горло начало опухать. Я дышал с трудом. Задышавшись, я ждал, когда откроется стеклянная дверь. Но она не открывалась. Я тупо смотрел на воздушный шлюз.

– Ты должен стать напротив двери, Джек! Становись!

Мир вокруг меня как будто замедлился. Я внезапно ослабел. Тело стало непослушным и вялым. Жжение в глазах и на коже усилилось. В комнате словно потемнело. Я не был уверен, что смогу самостоятельно встать напротив двери.

– Становись! Джек!

Не знаю, как мне это удалось, но я отстранился от стены и шагнул к воздушному шлюзу. Стеклянная перегородка с негромким шипением ушла в стену.

– Иди же, Джек! Давай!

Перед глазами у меня поплыли цветные пятна. Голова кружилась, меня подташнивало. Спотыкаясь и едва переставляя ноги, я шагнул внутрь воздушного шлюза и уперся во вторую перегородку. С каждой секундой дышать было всё труднее. Я понял, что скоро наступит удушье.

Снаружи здания снова послышалось низкое ритмичное гудение. Я медленно повернулся и посмотрел назад.

Стеклянная перегородка закрылась.

Я посмотрел вниз, на себя, но почти ничего не увидел. Моя кожа казалась черной от налипшей на неё пыли. Всё тело болело. Рубашка тоже почернела от пыли. Сверху хлынули струи холодного раствора, и я закрыл глаза. Потом раздалось громкое гудение – заработали вентиляторы. Я видел, как потоки воздуха уносят пыль с моей рубашки. Зрение постепенно прояснилось, но я по-прежнему не мог дышать. Рубашка выскользнула у меня из пальцев и упала, распластавшись на решётке у моих ног. Я наклонился, чтобы поднять её. Я весь дрожал, колени подгибались от слабости. Я слышал только гул вентиляторов.

Меня затошнило. Колени подогнулись, и я привалился к стене.

Я посмотрел на Рики и Мае за второй стеклянной дверью. Они были как будто где-то далеко-далеко. Пока я смотрел, они всё отдалялись и отдалялись. Вскоре они оказались где-то совсем далеко, и я перестал о них думать. Я понял, что умираю. Я закрыл глаза и рухнул на пол. Гул вентиляторов затих вдали, и наступила холодная абсолютная тишина...»

Этот впечатляющий фрагмент я позаимствовал из романа известного американского писателя и режиссера Майкла Крайтона «Добыча» (Prey, 2002), опубликованного у нас под названием «Рой». В нем рассказывается, как рой «наночастиц» вышел из-под контроля создавших его инженеров и стал представлять серьезную опасность, нападая на людей и животных и удушая их. К счастью, пока всё, описанное в романе, остается фантастикой – ученым не удалось решить целый ворох проблем, вставших на пути создания программируемых нанороботов, а значит, до саморазвивающегося роя ещё очень далеко. Тем не менее выгоды, которые принесут нанотехнологии, столь велики, что раньше или позже такие роботы появятся. Ученые рассчитывают, что подобные крошечные машинки будут создавать всё что угодно: от миниатюрных деталей для компьютеров и новых лекарств против рака до качественно нового оружия...

Революция снизу

Сам термин (а точнее – приставка «нано») происходит от греческого слова nanpos – карлик (отсюда нанометр – одна миллиардная доля метра).

Концепция нанотехнологий впервые прозвучала 29 декабря 1959 года – в речи выдающегося американского физика Ричарда Фейнмана под названием «Внизу полно места» (Plenty of Room at the Bottom). Сорок лет спустя это технологическое направление всё еще находилось в зародышевой стадии развития, несмотря на постоянную рекламу в прессе. Только теперь, уже в XXI веке, начали появляться первые практические результаты и финансирование направления резко возросло.

Понятие «нанотехника» было введено в 1974 году японцем Норио Танигучи. Первые средства для нанотехники были изобретены в швейцарских лабораториях IBM. В 1982 году был создан растровый туннельный микроскоп (его создатели четырьмя годами позже получили Нобелевскую премию), а в 1986 году – атомный силовой микроскоп.

Почему для развития нанотехнологий так важны эти приборы? Дело в том, что если в электронный микроскоп атомарные размеры можно рассмотреть лишь при определенных условиях, то новые зонды дают более точную картину. Слово «микроскоп» здесь вводит в заблуждение. Благодаря этому изобретению стало возможным манипулирование мельчайшими частицами материи. Исследователи переносили атомы из одного места в другое и составляли из них неприличные слова. На этой основе в начале 1990 года компания XEROX создала молекулярного робота, который способен вылавливать молекулы, проводить их через мембрану, а затем использовать получившиеся атомы для «художественного конструирования».

Современная технология позволяет манипулировать отдельными атомами, но при этом выглядит довольно неуклюже: огромный прибор хватает отдельный атом и транспортирует

его. Куда более продуктивным представляется путь, предложенный «крестным отцом нанотехнологий» Эриком Дрекслером в книге «Машины создания: Грядущая эра нанотехнологий» (Engines of Creation: The Coming Era of Nanotechnology, 1986). В ней этот американский инженер описал специальные наномашинки, называемые «ассемблерами» и способные работать с атомами.

Дрекслер дает следующее определение: «Ассемблер – это молекулярная машина, которая может быть запрограммирована строить практически любую молекулярную структуру или устройство из более простых химических строительных блоков».

Итак, наномашинки должны уметь захватывать атомы и соединять их между собой, причем не хаотично, а в соответствии с заданным алгоритмом.

О том, что такой проект может быть реализован со дня на день, сообщила группа исследователей из Нью-Йоркского университета. Американский медицинский наноробот, введенный в организм человека, сможет самостоятельно передвигаться по кровеносной системе и очищать его от микробов или зарождающихся раковых клеток, а саму кровеносную систему – от отложений холестерина. Он сможет изучить, а затем и исправить характеристики тканей и клеток.

Профессор химии Надриан Симан, возглавляющий исследования, заявил, что пока удалось лишь ограничить движение наномашин в молекулярной среде, но в будущем его невидимые роботы станут полностью управляемыми. Ученые хотят запрограммировать молекулы так, чтобы те могли самоорганизовываться и объединяться с другими молекулами в более крупную структуру. При этом наномашинка будет иметь две своеобразные «руки» – молекулы, которыми исследователи вроде бы научились управлять, но что-либо сделать (например, добавить в раствор определенный химикат) устройство пока не умеет: раствор воздействует одновременно на все молекулы.

Другой проект, нацеленный на создание первого наноробота, – NanoWalker – разрабатывается на базе Лаборатории биотехнологий при Массачусетском технологическом институте под руководством Сильвина Мартеля.

Пока что механизмы, сконструированные в рамках этого проекта, нанороботами назвать нельзя – слишком уж они велики, размером с копеечную монету, – но ученые уверены, что в ближайшем будущем их размеры удастся уменьшить.

Управление роботами производится посредством инфракрасных датчиков, помещенных в их тела, – камера отслеживает местоположение роботов и направляет к месту выполнения задания. Некоторые крошечные машинки оснащены микроскопами, которые позволяют им получать и транслировать изображение атома, над которым предстоит потрудиться.

По словам Мартеля, нынешняя квалификация его подопечных только определяется. Уже созданы модели, которые теоретически могут использоваться в фармакологии и осуществлять синтез химических препаратов и лекарств.

«Умная пыль» и «квантовые точки»

Появились и более экзотические варианты наносистем. Так, прототипом роя наночастиц может стать «умная пыль» (Smart Dust). Ее создала группа исследователей под руководством профессора химии и биохимии Майкла Сейлора из Университета Калифорнии в Сан-Диего.

«Эти пылинки – ключ к разработке роботов размером с песчинку, – говорит Сейлор. – В будущем можно будет создать миниатюрные устройства, передвигающиеся в крошечных средах, вроде вен или артерий, к определенным целям, обнаруживать там химические или биологические составы и передавать информацию о них во внешний мир... Такие устройства могли бы использоваться, чтобы контролировать чистоту питьевой или морской воды,

обнаруживать опасных химических или биологических агентов в воздухе и даже находить и уничтожать поврежденные клетки в организме человека».

Создание «умной пыли» – это комбинирование электрохимического процесса механической обработки и химических модификаций. Берется кремниевый чип, из которого химикатами получается пористая фотонная структура. Затем эта структура модифицируется, чтобы получилось цветное двустороннее зеркало: красное с одной стороны, зеленое – с другой. Стороны пористой зеркальной поверхности ученые наделили практически противоположными свойствами. Одна – гидрофоб, то есть водоотталкивающая, но «любящая» маслянистые вещества, другая – гидрофил, привлекательная для воды. При появлении воды пылинки начинают поворачиваться «гидрофилической» красной стороной к воде, а зеленой «гидрофобической» – к воздуху. Когда же появляется маслянистое (нерастворимое в воде) вещество, частички окружают каплю, прижимаясь к ней «гидрофобической» стороной. А поскольку стороны разноцветные, то по окраске можно определить, что творится в такой «пыльной» среде. И это лишь один из вариантов. Частицы могут быть запрограммированы на миллионы различных реакций, что дает возможность обнаружить присутствие тысяч химикалий одновременно. Длины волн света, отраженного от поверхностей пылинок, после того как поры отреагируют на химического или биологического агента, станут своего рода штрихкодом, который можно считать с помощью специального сканера. В то время как каждая частичка слишком мала, чтобы по ее цвету определить изменения, коллектив из сотен или тысяч пылинок уже достаточно «заметен» для лазера.

На похожем принципе действуют «квантовые точки», которые разрабатываются учеными из Департамента биомедицинской инженерии, созданного совместно Американским университетом Эмори и Технологическим институтом Джорджии.

«Квантовые точки» – это кристаллы полупроводников нанометрового размера, которые имеют уникальные химические и физические свойства, не характерные для тех же веществ в макромасштабе.

«Если вы дробите леденец на две части, каждая часть будет всё еще сладкой. Но если вы продолжите дробление, пока не достигнете масштаба нанометров, полученные части будут отличными по вкусу и обладать разными свойствами, – объясняет профессор Шумин Не, занимающийся этими исследованиями. – Например, крупинки золота нанометрового масштаба не желтые, а красные. Но нас интересует другое свойство, характерное именно для нанокристаллов полупроводников. Это интенсивная люминесценция в ответ на облучение с определённой частотой».

Именно её ученые и используют для нахождения и визуализации различных опухолей. Дело в том, что опухоли выращивают дополнительные кровеносные сосуды и система этих сосудов очень пористая и разветвленная, что позволяет микроскопическим кристалликам в ней накапливаться.

«Квантовые точки» могут быть химически связаны с биологическими молекулами типа антител, пептидов, белков или ДНК. И эти комплексы могут быть спроектированы так, чтобы обнаруживать другие молекулы, типичные для поверхности раковых клеток.

Пока коллеги занимаются созданием «умной пыли» и «квантовых точек», группа Джеймса Тура из Техасского университета имени Райса создали самый маленький в мире действующий автомобиль – он состоит из трех сотен атомов, собранных в одну сложную молекулу. Ширина автомобиля – 4 нанометра. Он имеет раму и оси, а каждое его колесо – это бакиболл, то есть сфера из 60 атомов углерода. Конкуренты уже представляли объекты нанометрового масштаба, внешне напоминающие автомобили, однако Тур первым добился того, чтобы его молекулярная конструкция действительно катилась по поверхности подобно тому, как катятся автомобили на своих колесах. При этом ученые использовали сканирую-

щий туннельный микроскоп, чтобы увидеть свое творение и доказать, что оно действительно катится.

Джеймс Тур надеется, что в самое ближайшее время ему удастся создать наногрузовики, которые могли бы транспортировать на себе молекулы к конвейерам нанофабрик, где будут собираться объекты микроскопических размеров...

Пролог к утопии

Описанные выше достижения («умная пыль», «квантовые точки», наноавтомобиль) – лишь первый шаг на длинном и тернистом пути. Как же будут выглядеть нанотехнологии будущего? Перспективы впечатляют...

Десятки нанороботов под управлением нанокomпьютеров соберут нанозаводы, способные, следуя внешним или собственным программам, собирать из отдельных атомов другие наномашины. А отсюда вытекают интересные возможности: если один самовоспроизводящийся ассемблер способен сделать свою копию, то его можно запрограммировать так, чтобы он построил что-нибудь еще своего размера с той же скоростью. Значит, тонна ассемблеров сможет быстро построить тонну чего-нибудь еще.

Что это даст? Всё, что пожелаете! Эрик Дрекслер описывает производственный процесс так.

Представьте себе предприятие будущего по производству двигателей для ракет. В помещении мы видим огромный чан, в его центре размещена опорная плита, на которой находится «семя» – нанокomпьютер с хранящимися в нем планами будущей конструкции. На поверхности «семени» имеются места, к которым прикрепляются ассемблеры. После нажатия кнопки насосы наполняют чан густой молочной жидкостью. Жидкость состоит из ассемблеров, которых вырастили и перепрограммировали в другом чане. Ассемблер прилипает к «семени», которое передает инструкции компьютеру ассемблера. Подчиняясь инструкциям, в жидкости начинает расти нечто вроде кристалла. Поскольку каждый ассемблер «знает» свое место в плане, он зацепляет другие ассемблеры, только когда это необходимо. За несколько часов каркас из ассемблеров вырастает так, что уже соответствует планируемой конечной форме ракетного двигателя. Тогда насосы чана снова начинают работать, заменяя молочную жидкость одиночных ассемблеров чистой смесью органических растворителей и растворенных веществ, включая алюминиевые сплавы, компоненты, обогащенные кислородом, и компоненты, служащие в качестве топлива для ассемблеров. По мере их расходования жидкость становится всё более прозрачной, а двигатель всё больше обретает форму. Наконец чан пустеет, пульверизатор оmyвает двигатель, крышка открывается – и внутри находится готовый двигатель...

На что похож этот двигатель? Это не массивный кусок сваренного и скрепленного болтами металла – он без швов, словно драгоценный камень. Его внутренняя структура не монолитна – она разделена на пустые внутренние ячейки, построенные в ряды и находящиеся примерно на расстоянии длины волны света друг от друга, что заметно облегчает структуру, уже сделанную из самых легких и прочных материалов. В сравнении с современными металлическими двигателями этот усовершенствованный двигатель будет иметь гораздо меньшую массу – на 90 процентов меньшую!

Ударьте слегка по нему, и он отзовется, как колокольчик, звоном высокого тона. Установленный в космическом корабле, сделанном тем же способом, он легко поднимет его со взлётно-посадочной полосы в космос и вернёт назад. Он выдерживает длительное и интенсивное использование, потому что прочные материалы позволили разработчикам рассчитывать на большие запасы прочности. При всём своем превосходстве этот двигатель по сути

вполне обычен – в нем просто заменили плотный металл тщательно устроенными структурами.

Подобным образом можно изготавливать не только двигатели. Например, полностью преобразится сельское хозяйство.

Комплексы нанороботов заменят естественные «машины» для производства пищи – растений и животных. Вместо длинных цепочек «почва – углекислый газ – фотосинтез – трава – корова – молоко» останутся лишь «почва – нанороботы – молоко». Или сразу кефир. Или сразу творог. Или сразу масло. Или мясо – сразу жареное, но без холестерина... Потребуется только энергия.

На базе нанотехники можно будет создавать предметы и конструкции, изменяющие свою форму и свойства. В зависимости от количества пассажиров автомобиль, например, сможет «отращивать» дополнительные сиденья, а его двигатель – «заживлять» царапины на стенках цилиндров.

В корне изменится медицина. Любые болезни будут лечиться на молекулярном уровне путем изменения структуры ДНК. Осуществлять «молекулярную хирургию» будут те же ассемблеры, которые займутся механическим воздействием на клетки тела, чтобы лечить их или изменять в зависимости от ситуации.

На одном из этапов развития медицинской нанотехнологии станет возможным достижение личного бессмертия людей за счет нанороботов, предотвращающих старение клеток.

Космос наконец-то станет обитаемым: огромная армия роботов-молекул будет выпущена в околоземное космическое пространство и подготовит его для заселения человеком – сделает пригодными для обитания Луну, астероиды, ближайшие планеты, соорудит из «подручных материалов» космические станции.

И всё это, по мнению футурологов, должно случиться уже к третьей четверти XXI века...

Нанооружие нанотеррористов

Впрочем, нанотехнологии таят в себе и немалую угрозу.

В настоящее время мировая экономика напрямую зависит от энергоресурсов, и в первую очередь от нефти. Мы знаем, сколько вооруженных конфликтов спровоцировала борьба за «черное золото», а нанотехнологии способны эту причину для войн снять, ведь они работают только на солнечной энергии, а энергия Солнца в равной степени доступна всем государствам на планете. При этом, однако, нанотехнологии могут и сами стать причиной конфликта, если мировые державы будут разрабатывать их разными темпами и с переменным успехом. Тогда нанотехнологии дестабилизируют отношения между государствами, что опять приведет к переделу мира.

К тому же, для организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) нанороботы в качестве альтернативы энергоресурсам будут означать потерю влияния, фактически эти страны будут разорены и вернутся в то состояние, в котором пребывали до прихода американцев с их деньгами. Соответственно, по ходу внедрения нанотехнологий следует ожидать возрастания протестных настроений в странах Ближнего Востока – можно уже говорить о такой угрозе, как антинанотехнологический терроризм.

И вряд ли нас утешит предположение, что боевые действия в эпоху нанотехнологий потеряют всякий смысл. Понятно, что нанотехнологии позволят создать оружие невиданной разрушительной силы, которое ко всему будет еще и «чистым», то есть нацеленным на людей. Понятно, что в случае с нанороботами ни о каком сокращении вооружений и контроле над ним не может идти речи: нанотехнологии не только сделают средства уничтожения микроскопическими по размерам, но и миниатюризируют средства их производства. Сего-

дня, чтобы победить врага, достаточно уничтожить его военную инфраструктуру – а если вам противостоит невидимое нанооружие, которое легко производится на таких же невидимых фабриках? В итоге применение нанотехнологического вооружения будет означать одно – полное истребление населения враждебного государства, геноцид. Но невидимое нанооружие еще и уравнивает страны в военной мощи. Представьте себе средства уничтожения, о которых невозможно сказать ничего – ни об их количестве, ни об их качестве. Вдобавок это будет оружие, способное к самовосстановлению и самовоспроизводству. Единственным выходом из этой патовой ситуации представляется мир во всём мире, переполненном одинаково смертельным оружием у одинаково опасных государств. Иначе – быстрое и взаимное уничтожение.

При этом нанотехнологии перевернут вверх дном сами государства: развалят крупные, но породят массу мелких. Одним из преимуществ, имеющихся сегодня у граждан больших государств, является то, что они находятся в относительной безопасности: в том смысле, что крупные страны тяжелее уничтожить. Если нанооружие сделает все государства одинаково сильными, это преимущество испарится. Вместо экономических причин для объединения приоритетом станут религиозные, этнические, лингвистические и любые другие, что приведет к формированию небольших независимых общин для определенных групп людей.

«Серая слизь»

Нанотехнологии войдут в нашу жизнь через медицину и вооружения, а потом обязательно изменят мир. Вопрос только в одном: к добру или худу?..

Ведь есть и другие, куда более мрачные варианты. Например, некоторые ученые (и вышеупомянутый Майкл Крайтон вместе с ними) пишут о gray goo problem – «проблеме серой слизи». Эрик Дрекслер описывает «серую слизь» так: «Ранние ассемблерные репликаторы могут превзойти самые совершенные современные организмы. «Растения» с «листьями», не более эффективными, чем сегодняшние солнечные батареи, могли бы выиграть конкуренцию у настоящих растений, заполняя биосферу несъедобной листвой. Прочные всеядные «бактерии» могли бы выиграть конкуренцию у настоящих бактерий: они бы могли распространяться ветром, как пыльца, стремительно размножаясь и превратив биосферу в пыль за считанные дни. Опасные репликаторы легко могли бы быть слишком прочными, маленькими и быстро распространяющимися, чтобы мы могли остановить их, – по крайней мере, без предварительной подготовки».

«Крестный отец нанотехнологий» указывал, что интенсивный рост, который делает возможным самовоспроизводство ассемблеров, опасен сам по себе – выйдя из-под контроля, нанороботы могут в буквальном смысле пожрать биосферу, которая станет для них источником сырья.

О потенциальных опасностях нанотехнологий прекрасно осведомлены американские ученые. И они хотят удержать лидерство в этой сфере даже ценой наложения строжайшего режима секретности на разработки – как это было с Манхэттенским проектом, в рамках которого создавалась атомная бомба.

Первые шаги в данном направлении уже сделаны. Минобороны США объявило о старте совместного пятилетнего проекта с Массачусетским технологическим институтом: военные и ученые будут создавать особое обмундирование для пехотинцев, сконструированное на основе нанотехнологий. Проект будет разрабатываться в новом и по-своему уникальном Институте армейских нанотехнологий (Institute for Soldier Nanotechnologies), куда приглашены ведущие ученые.

Вот и получается, что если рождение нанотехнологий с самого начала обусловлено военным заказом, нас с вами ждет не слишком радостное будущее. Готова ли Россия что-то противопоставить этому вызову?

Нанопорошковая Россия

Как известно, наше правительство публично заявило о своей решимости догнать и перегнать Запад в области нанотехнологий. 19 июля 2007 года была учреждена государственная корпорация РОСНАНО, которую возглавил Анатолий Чубайс. Эта корпорация уже получила 130 миллиардов рублей, однако о каких-то серьезных достижениях пока нет информации даже на официальных ресурсах. В 2009 году, по утверждению Чубайса, РОСНАНО должно было отобрать двадцать инвестиционных проектов. Экспертную оценку проектам даст Российская академия наук, о чем подписано соответствующее соглашение. В настоящее время поступила тысяча заявок на изготовление высокотехнологичной продукции. В качестве примера Чубайс приводит иркутский проект производства кремния – на основе этого производства возможно возрождение полупроводникового сектора для организации отечественной Кремниевой долины. Кроме того, кремний – это еще и материал для изготовления солнечных батарей, которые можно будет использовать в возобновляемой электроэнергетике. Однако недавно сам же Чубайс посетовал, что даже если проект по строительству завода солнечных батарей будет реализован, российская энергетика пока не готова принять «солнечный кластер», поскольку нет ни опыта эксплуатации, ни соответствующих правительственных решений.

Не обнадеживают и ученые. Эксперты указывают, что единственное направление нанотехнологий, которое может быть сегодня внедрено в России, – это производство нанопорошков. Как указывалось выше, вещества, измельченные до состояния наночастиц, демонстрируют особые свойства, за счет чего можно улучшить качество многих товаров: косметики, лекарственных препаратов, смазочных материалов, топлива, защитных и упрочняющих пленок, металлических и полимерных материалов, текстильных материалов, катализаторов, мембран, краски, упаковочных материалов, бумаги, детекторов и сенсоров. Совокупное производство нанопорошков в мире превосходит 100 000 тонн в год. В России подобного производства нет, а для его организации потребуются серьезные и многолетние капиталовложения.

Таким образом, говорить о скорой революции в этой сфере преждевременно, а все этикетки с надписями «Изготовлено с использованием нанотехнологий» в нашей стране являются не более чем недобросовестной рекламой, рассчитанной на доверчивых потребителей.

Складывается парадоксальная ситуация. В России хватает наукоемких областей, страдающих от недостатка финансирования, особенно в период экономического кризиса – фундаментальные науки, космонавтика, авиапромышленность, станкостроение, – однако предпочтение отдается нанотехнологиям, перспективы которых пока туманны. Наверное, в первую очередь всё-таки имеет смысл поддерживать те отрасли, в которых наша страна занимает лидирующее положение или является конкурентоспособной, и лишь после наведения там элементарного порядка можно думать о перспективных технологиях. Иначе получается, что телегу опять ставят впереди лошади. И подобная стратегия куда опаснее для нашего будущего, чем все фантастические нанороботы вместе взятые.

Список использованных источников и литературы

Адрианова Н. Прорыв на грани провала / Н. Адрианова // Российская газета. – 2009. – 5 июня.

Блуждающие квантовые точки высвечивают диагноз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/health/2004/07/30/140000.html>

Дрекслер Э. Машины создания. Грядущая эра нанотехнологии / Э. Дрекслер; пер. с англ. М. Свердлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-drexler.com/d/06/00/ЕОС_Russian/eoc.html

Использование нанопорошков – дело сегодняшнее (мнение экспертов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://popnano.ru/analit/index.php?task=view&id=624>

Крайтон М. Рой / М. Крайтон; пер. с англ. Е. Шестакова. – М.: Эксмо, 2004.

Малинецкий Г. Будущее прикладной математики: Лекции для молодых исследователей. От идей к технологиям / Г. Малинецкий и др. – М., 2008.

Нано на обед: человек съест продукты нанотехнологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/health/2005/06/22/212900.html>

Нанотехнологии – невидимое оружие всемирного переворота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/global/2003/02/17/225000.html>

Первушин А. Чудеса и ужасы нанотехнологий / А. Первушин // Секретные материалы XX века. – 2007. – № 5.

Построен едущий одномолекулярный автомобиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/lenta/P5263>

Рыбалкина М. Нанотехнологии для всех. Большое в малом / М. Рыбалкина. – М.: Nanotechnology News Network, 2005.

Свидиенко Ю. Квантовые точки-наноштыри в диагностике тканей мозга / Ю. Свидиенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nanonewsnet.ru/news/2008Avantovye-tochki-nanoshtyri-v-diagnostike-tkanei-mozga>

Свидиенко Ю. Нанотехнологии в современных системах вооружения, часть II: сегодня / Ю. Свидиенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2007/nanotekhnologii-v-sovremennykh-sistemakh-vooruzheniya-chast-ii-segodnya>

Свидиенко Ю. TOP-5 самых популярных заблуждений, связанных с нанотехнологиями / Ю. Свидиенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2007/top-5-samykh-populyarnykh-zabluzhdenii-svyazannykh-s-nanotekhnologiyami>

Стороженко П. Нанопорошки – технология сегодняшнего дня / П. Стороженко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nanorf.ru/events.aspx?cat_id=223&d_no=1502

Чудеса нанотехники. Часть вторая: нано надежды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/technic/2002/01/31/181300.html>

Чудеса нанотехники. Часть первая: нано начало [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/simply/2002/01/29/163800.html>

Feynman R. Plenty of Room at the Bottom / R. K. Feynman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.its.caltech.edu/~feynman/plenty.html>

Roboblood: кровь человека заменят сотни триллионов роботов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/technic/2003/08/11/183500.html>

Smart Dust: у пыли уже хватает ума помочь человеку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/inventions/2003/08/26/203600.html>

3

Информаторий

Ежегодная Литературная Премия «Полдень»

Уважаемые читатели!

С 2006 года наш альманах награждает лучших своих авторов ежегодной литературной премией «Полдень».

Сегодня мы можем назвать имена финалистов премии по итогам 2009 года:

Номинация «ПРОЗА»

Павел Амнуэль «И СВЕРКНУЛА МОЛНИЯ...» (октябрь)

Вячеслав Рыбаков «СТАЖЕРЫ КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ» (март)

Сергей Синякин «МЛАДЕНЦЫ МЕДНИКА» (январь, февраль)

Номинация «КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА»

Светлана Бондаренко «ХРОНИКИ «ОБИТАЕМОГО ОСТРОВА»» (февраль)

Евгений Лукин «НЕДОРАЗУМЕНИЯ ДЛИНОЮ В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ» (сентябрь)

Сергей Переслегин ««НЕ ОБНАЖАЙ В КОРЧМЕ ...»» (июль)

В ближайшее время жюри в составе членов редакции и Общественного совета при альманахе определит двух победителей. Имена их будут обнародованы во время проведения XXI «Интерпресскона» (Санкт-Петербург) в начале мая сего года.

«Интерпресскон -2010»

Двадцать первый «Интерпресскон», старейший из российских конвентов фантастики, пройдет под Петербургом, в пансионате «Связист» с 6 по 9 мая 2010 года.

«Интерпресскон» – это возможность лично пообщаться с ведущими писателями-фантастами России и СНГ, создателями киноблокбастеров, сценаристами популярных компьютерных и настольных игр, мастерами ролевых игр на литературные темы. «Интерпресскон» – это многочисленные презентации и семинары, доклады и дискуссии, концерты и банкеты, это традиционный «Пикник на обочине» с зажаренной на костре корюшкой и «пивные» вечеринки. Это уникальная возможность для начинающих авторов установить деловые контакты с издателями, перенять опыт старших коллег по цеху, составляющих славу российской фантастики.

На «Интерпрессконе» вручаются самые популярные премии в области фантастики: «Бронзовая улитка», присуждаемая лично Борисом Стругацким, почетным президентом конвента; премия имени Александра Беляева за лучшие научно-художественные произведения; присуждаемая участниками конвента премия «Интерпресскон».

Как и в прошлом году, будут работать Литературные студии для молодых писателей-фантастов.

По результатам работы студий ежегодно выпускается сборник, составленный из произведений молодых авторов, рекомендованных руководителями студий, ведущими российскими фантастами.

В программу «Интерпресскона» традиционно включены доклады и дискуссии, посвященные актуальным проблемам современной фантастики и истории жанра, презентации издательств и книжных серий, концерты и кинопоказы, большой и разнообразный блок ролевых игр, награждение финалистов конкурса «Фанткритик» и литературные чтения, на которых известные писатели будут читать свои новые произведения.

Размер организационного взноса будет объявлен позднее.

«Интерпресскон» в интернете:

www.interpresscon.ru; rusf.ru/interpresscon;

Адрес электронной почты: 2010@interpresscon.ru

Оргкомитет «Интерпресскона»:

Председатель оргкомитета Александр Сидорович

Зам. председателя Андрей Ермолаев

Василий Владимирский

Владислав Гончаров.

Константин Гришин

Вадим Казаков

Святослав Логинов

Александр Олексенко

Николай Романецкий

Борис Сидюк

Андрей Синицин

Татьяна Тихонова

Сооснователь и Почетный председатель оргкомитета «Интерпресскона» Борис Натанович СТРУГАЦКИЙ:

«Литература – дело тихое, индивидуальное, изначально – совершаемое в одиночку. Писатель по определению – всегда один. Никто ему не поможет, никто его не продвинет, никто его не возвысит. Кроме единственного движителя, имя коему Дар Божий.

И может быть именно поэтому, чтобы он мог хоть ненадолго сбросить цепенящий груз этого одиночества, чтобы отдохнуть ему от этого проклятого одиночества – и следует для него устраивать такие вот сборища, как ИНТЕРПРЕССКОН».

Наши авторы

Евгений Акуленко (род. 1976 г. в г. Новозыбков Брянской обл.). Закончил Тверской государственный технический университет. На данный момент возглавляет IT-департамент группы компаний. В нашем альманахе публиковался неоднократно. Живет в Твери.

Ольга Артамонова (род. в 1964 г.). Закончила московский институт культуры, училась во ВГИКе. Печаталась в журналах и сборниках. В нашем альманахе произведения О. Артамоновой публиковались неоднократно. Живет в Москве.

Валерий Брусков (род. в 1947 г. в Брянской обл.). Писатель, поэт, философ, художник. Многочисленные публикации в сборниках и периодике. Живет в Екатеринбурге. В альманахе «Полдень, XXI век» публиковался неоднократно.

Алексей Гребенников (род. в 1970 г. в Новосибирске, где и живет). Учился в Новосибирском государственном авиационном техникуме. Работал в строительстве. Прежде не публиковался.

Святослав Логинов (род. в 1951 г. в Уссурийске). Закончил ЛГУ, по образованию – химик. Известный писатель. Автор множества книг, лауреат нескольких литературных премий. В альманахе «Полдень, XXI век» произведения С. Логинова публиковались неоднократно. Живет в Санкт-Петербурге.

Антон Первушин (род. в 1970 г. в Иваново). Выпускник санкт-петербургского политехнического университета. Известный писатель. Член Союза писателей СПб. Член Федерации космонавтики России и Союза ученых Санкт-Петербурга. Лауреат нескольких литературных премий. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Мария Познякова (род. в 1985 г. в Челябинске, где и живет). Закончила Челябинский госуниверситет по специальности «генетика». Работает в НИИ металлургии. Ранее не публиковалась.

Геннадий Прашкевич (род. в 1941 г.). Известный прозаик, поэт, переводчик. Лауреат нескольких литературных премий. Издавался в США, Англии, Германии и других странах. В альманахе «Полдень, XXI век» публиковался неоднократно. Живет в новосибирском Академгородке.

Константин Ситников (род. в 1971 г. в г. Узловая Тульской обл.). Пишет стихи, прозу, статьи, занимается поэтическими переводами. Публикуется в российских и украинских журналах. В нашем альманахе печатался неоднократно. Живёт в г. Йошкар-Ола.

Андрей Собакин (литературный псевдоним). Родился в 1970 г. в Москве. Закончил МАИ. Прежде не публиковался.

Читайте в майском номере:

Окончание повести Геннадия Прашкевича и Алексея Гребенникова «Юрьев день»

а также произведения Юлии Зонис, Антона Конышева, Константина Фрумкина и других авторов